

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

ISSN 2078-9025

№ 4 (53) • 2021

12+

Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

DOI: 10.47598/2078-9025-2021-4-53

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.

ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

АРИСТАРХОВА Маргарита Константиновна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный авиационный технический университет)

АСОНОВ Николай Васильевич, д-р полит. наук, канд. ист. наук (Московский педагогический государственный университет)

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна, д-р юрид. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

ГАРЕЕВА Наиль Альфритовна, канд. экон. наук, доцент (Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова)

ГЫЯЗОВ Айдарбек Токторович, д-р экон. наук, профессор (Баткенский государственный университет, Кыргызстан)

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович, д-р экон. наук, профессор (Финансово-экономический институт Таджикистана)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУРМАНОВ Альберт Сафутатович, д-р юрид. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ЛЯНЧЕ (ЛЕБЕДЕВА) Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна, д-р техн. наук, профессор (Московский государственный технический университет имени Баумана)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИРАЛИЁН Киёмиддин Абдусалимзода, д-р полит. наук (Республика Таджикистан)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна, д-р полит. наук (Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН»)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД РФ)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции и издателя: проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Сайт: vestnik-bist.ru

Vestnik BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

No. 4 (53) • 2021

"SOCIAL SCIENCES"

12+

DOI: 10.47598/2078-9025-2021-4-53

Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education
"Academy of Labour
and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.

ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

The scientific journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science.

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

ARISTARKHOVA Margarita Konstantinovna, Doctor of Economic Sciences, Professor (Ufa State Aviation Technical University)

ASONOV Nikolay Vasilievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences (Moscow State Pedagogical University)

BOLTENKOVA Lubov Fiodorovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

GAREEVA Nailya Alfrifovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov)

GYAZOV Aydarbek Toktorovich, Doctor of Economics Sciences, Professor (Batken State University, Kyrgyzstan)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich, Doctor of Economics Sciences, Professor (Financial and Economic Institute of Tajikistan)

ZAYNASHEVA Zarima Gafarovna, Doctor of Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (Bashkir Institute of Social Technologies)

KURMANOV Albert Safuatovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Bashkir State University)

LYANCHYE (Lebedeva) Margarita Leonidovna, Assistant Professor, Candidate of Political Sciences, Academic Board Chairperson for FPMI, the Head of the Politology and Law Department (Research and Development Institute for Project Management and Investments, Hannover, Germany)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna, Doctor of Technical Sciences, Professor (Bauman Moscow State Technical University)

MALIKOV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

MIRALIYON Kiyomiddin Abdusalimzoda, Doctor of Political Sciences (Republic of Tajikistan)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Sciences (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

MUKHAMETZANOVA-DUGGAL Regina Massarovna, Doctor of Political Sciences (R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science)

NAZAROVA Ulyana Anatolievna, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor (Bashkir State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

TURIN Sergey Borisovich, Doctor of Economics, Professor (Academy of Labour and Social Relations Branch in Yaroslavl)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary) (Bashkir Institute of Social Technologies)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Editorial and publisher address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Website: vestnik-bist.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	7
Кривцов А. И. Неформальная занятость как форма социально-трудовых отношений	7
Мударисов Р. З., Фархтдинов Р. Т. Использование детского и женского труда как источника пополнения рабочей силы на горных заводах Урала на раннем этапе генезиса капитализма	14
Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Кульшарипов Ф. Р. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов)	20
Кубланов А. М. Социальное благополучие и человеческий капитал: взаимообусловленность и взаимовлияние	28
Протасова Е. А. Совершенствование системы налогообложения самозанятости в России	34
Калякулин Р. В. Отраслевые формы регулирования социально-трудовых отношений: региональный аспект	43
ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ ПРЕДПРИЯТИЙ	52
Милованович М. Блокчейн в государственном образовании: криптоколониализм, теневая приватизация и перспективы улучшения образования	52
Ананченкова П. И., Шапиро С. А. Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы в эпоху цифровизации	56
Галлямов Р. Р., Кузнецова Ю. А. Методические основы моделирования инновационных процессов социально-экономического развития на современном этапе	62
Сабирова И. А. Влияние инновационных технологий на эффективность управления железнодорожными системами	68

ЭКОНОМИКА И ПРАВО	76
Гареева Н. А., Гареев А. А.	
Проблемные аспекты наследования интеллектуальных прав на различные произведения науки, литературы и искусства	76
ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ	84
Милецкий В. П., Писарева А. Н.	
Социальные сети как современный канал политических коммуникаций: сравнительный контент-анализ публикаций в российских и зарубежных научных журналах (2020–2021 гг.)	84
Отроков О. Ю.	
Социально-политический активизм молодежи России в условиях информационного общества	93
Габдрафиков И. М., Глуховцев В. О.	
Современное состояние гражданской идентичности в полиэтническом регионе России (на примере Республики Башкортостан)	101
Вашаломидзе Е. В.	
Коррупция как форма непрофессионализма специалистов государственного управления (обзор зарубежной литературы)	108
Миронова Т. А.	
Экологическая компонента политической коммуникации современного студенчества	114
ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ	125
Галлямов Р. Р., Кучумов И. В.	
Французский исследователь Фредерик Лепле как основоположник этносоциологии башкир	125
Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А.	
Социальное настроение и адаптация этнических групп к рыночной экономике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане)	133
Халиулина А. И.	
Этноязыковая компетенция населения Башкортостана в условиях двуязычия (по результатам этносоциологических исследований)	140
Халиулина А. И., Идрисова Э. Ф.	
Языковые ориентации населения Башкортостана по данным этносоциологических опросов	147
АВТОРАМ	154

CONTENTS

SOCIAL ASPECTS OF ECONOMIC RELATIONS.....	7
Krivcov A. I.	
Informal employment as a form of social and labor relations.....	7
Mudarisov R. Z., Farkhtdinov R. T.	
The use of child's and women's labor as a source of replenishment of labor in the mining plants of the Urals at an early stage of the genesis of capitalism.....	14
Safin F. G., Ishemgulov M. N., Kulsharipov F. R.	
Labor motivations of the population of Bashkortostan in a market economy (according to ethnosociological surveys).....	20
Kublanov A. M.	
Social well-being and human capital: interdependence and mutual influence.....	28
Protasova E. A.	
Improving the system of taxation for self-employment in Russia.....	34
Kalyakulin R. V.	
Sectoral forms of regulation of social and labor relations: regional aspect.....	43
ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT.....	52
Milovanovitch M.	
Blockchain in public education: cryptocolonialism, shadow privatization and prospects for improving education.....	52
Ananchenkova P. I., Shapiro S. A.	
Professional competencies of a high school teacher in the era of digitalization.....	56
Gallyamov R. R., Kuznetsova Yu. A.	
Methodological basis of modeling innovative processes of socio-economic development at the present stage.....	62
Sabirova I. A.	
The impact of innovative technologies on the efficiency of railway system management.....	68

ECONOMY AND LAW	76
Gareeva N. A., Gareev A. A.	
Problematic aspects of inheritance of intellectual property rights to various works of science, literature and art	76
POLITICS AND IDEOLOGY	84
Miletsky V. P., Pisareva A. N.	
Social networks as a modern channel of political communications: comparative content analysis of publications in russian and foreign scientific magazines (2020–2021)	84
Otrokov O. Iu.	
Socio-political activism of russian youth in the conditions of the information society.	93
Gabdrafikov I. M., Glukhovtsev V. O.	
Features of the formation of civic identity in the polyethnic region of Russia (on the example of the Republic of Bashkortostan)	101
Vashalomidze E. V.	
Corruption as a form of unprofessionalism of public administration specialists (review of foreign literature)	108
Mironova T. A.	
The ecological component of political communication of modern students.	114
ETHNOSOCIOLOGY	125
Gallyamov R. R., Kuchumov I. V.	
French researcher Frédéric Le Play as the founder of sociology of bashkir race.	125
Safin F. G., Ishemgulov M. N., Kamaletdinov D. A.	
Social mood and adaptation of ethnic groups to the market economy (according to ethnosociological surveys in Bashkortostan)	133
Khaliulina A. I.	
Ethnolanguage competence of the population of Bashkortostan in conditions of bilingualism (based on the results of ethnosociological studies)	140
Khaliulina A. I., Idrisova E. F.	
Language orientations of the population of Bashkortostan according to ethnosociological surveys	147
FOR AUTHORS	154

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

SOCIAL ASPECTS OF ECONOMIC RELATIONS

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 7–13
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 7–13

Научная статья

УДК 331.104:316

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-7-13

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Артём Игоревич Кривцов^{1✉}

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ef@atiso.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические аспекты определения неформальной занятости в системе социально-трудовых отношений. Проведен контент-анализ международных государственных документов, определяющих данное понятие. Дано авторское определение неформальной занятости как совокупности социально-трудовых отношений, связанных с наймом и исполнением трудовых обязанностей без соответствующего законодательно обусловленного оформления трудовых отношений. Сделан вывод о том, что мониторинг неформальной занятости и анализ ее количественных и качественных показателей могут быть полезны как для развития нетеневых социально-трудовых отношений, разработки эффективных трудовых стандартов, так и для нормирования и институционализации конкретных типов неформальной занятости.

Ключевые слова: занятость, неформальная занятость, социально-трудовые отношения, мониторинг, последствия, определение

Для цитирования: Кривцов А. И. Неформальная занятость как форма социально-трудовых отношений // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 7–13. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-7-13>.

INFORMAL EMPLOYMENT AS A FORM OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS

Artem Igorevich Krivcov^{1✉}

¹Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ef@atiso.ru

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of the definition of informal employment in the system of social and labor relations. The content analysis of the international state documents defining this concept is carried out. The author's definition of informal employment is given as a set of social and labor relations related to hiring and performing labor duties without a corresponding legally stipulated formalization of labor relations.

It is concluded that the monitoring of informal employment and the analysis of its quantitative and qualitative indicators can be useful both for the development of non-shadow social and labor relations, the development of effective labor standards, and for the normalization and institutionalization of specific types of informal employment.

Keywords: employment, informal employment, social and labor relations, monitoring, consequences, definition

For citation: Krivtsov A. Informal employment as a form of social and labor relations // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 7–13. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-7-13>.

Одним из наиболее значимых статистических показателей уровня социально-экономического развития страны и эффективности государственной политики в области социально-трудовых отношений является занятость населения. Максимизация уровня занятости трудоспособного населения — стратегическая цель устойчивого экономического развития и фактор национальной безопасности страны.

В течение многих лет и правительства, и исследователи предполагали, что при правильном сочетании экономической политики и доступных ресурсов бедные традиционные экономики будут преобразованы в динамичную современную экономику. В ходе этого процесса ожидалось, что традиционный или неформальный сектор исчезнет по мере роста формального (реального) сектора и поглощения большего количества рабочей силы. Однако, вопреки ожиданиям, неформальный сектор и неформальная занятость по-прежнему остаются значительными. Многие страны не имеют возможностей развивать свое народное хозяйство на уровне, достаточном для обеспечения адекватных возможностей трудоустройства той части своего населения, которое может быть отнесено к трудовым ресурсам.

Несмотря на предпринимаемые международным сообществом меры по обеспечению условий для трудоустройства и занятости населения, существенная его часть занята в неформальном секторе, что объясняется широким перечнем институциональных, экономических, мотивационных, правовых и административных причин.

По своей сути неформальная занятость представляет собой «вид занятости в экономике, когда факт установления трудовых отношений между работником и работодателем скрывается от официальных властей» [4]. Определе-

ние понятия «неформальная занятость» не является устойчивым с позиции статистического учета. В разных странах мира, в зависимости от целей социальной политики и принципов формирования национальных счетов нормативные документы содержат в себе разные формулировки как самой дефиниции, так и понимания того, что такое «неформальное рабочее место», определяющее совокупность неформальных социально-трудовых отношений (табл. 1).

В соответствии со ст. 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» (далее — Закон РФ) «занятыми считаются граждане: работающие по трудовому договору, в том числе выполняющие работу за вознаграждение на условиях полного либо неполного рабочего времени, а также имеющие иную оплачиваемую работу (службу), включая сезонные, временные работы, за исключением общественных работ (кроме граждан, участвующих в общественных работах)» [2]. Соответственно, неформальными занятыми можно считать граждан, участвующих в отношениях найма без соблюдения вышеуказанных условий.

Формируя статистические данные, в численность работающих в неформальном секторе Росстат включает тех, кто не имеет трудовых отношений, зафиксированных соответствующими соглашениями с работодателем:

- граждан, работающих у индивидуальных предпринимателей по найму;
- граждан, оказывающих помощь и обеспечивающих часть труда в деле, принадлежащем кому-либо из родственников;
- работающих на условиях самозанятости (фриланс) без оформления соответствующего статуса;
- ведущих собственное домашнее хозяйство и продающих его излишки на свободном

Таблица 1 — Подходы к определению понятия «работник неформальной занятости»*

Страна	Источник	Определение
Бразилия	Национальное выборочное обследование домашних хозяйств Бразилии	Сотрудники без официального контракта (картейра асси-нада)
Вьетнам	Обзор рабочей силы Вьетнама 2009	Работники без письменного трудового договора, или не охваченные социальным страхованием, или не имеющие права на оплачиваемый ежегодный отпуск/праздничные дни
Индия	Национальное выборочное обследование Индии, 61-й раунд (2004–2005 годы)	Работники, не имеющие права на социальное обеспечение (пособия) или оплачиваемый больничный или ежегодный отпуск (за исключением сельского хозяйства)
Мексика	Мексиканское национальное обследование профессий и занятости	Работники, не имеющие доступа к государственным или частным медицинским услугам в силу своей работы
Молдова	Представитель организации по обследованию рабочей силы	Работники, за которых работодатель не платит социальные взносы, или которые не пользуются оплачиваемым ежегодным отпуском (или финансовой компенсацией за неиспользованный отпуск), или которым не будет предоставлен оплачиваемый отпуск по болезни в случае болезни или травмы
Российская Федерация	Обследование населения по проблемам занятости	Работники без трудового договора
Турция	Обследование рабочей силы домашних хозяйств Турции	Сотрудники без какой-либо регистрации в системе социального обеспечения
Шри-Ланка	Обследование рабочей силы Шри-Ланки	Работники, не охваченные пенсионным фондом или фондом обеспечения персонала

* Источник: составлено автором на основе [8].

рынке (продукция сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства) [6].

По мнению М. Н. Даниловой и Е. В. Уфимцевой, неформальную занятость следует рассматривать как «неформальную часть экономической деятельности, официально не зарегистрированную в соответствии с гражданским и налоговым законодательством. Таким образом, критериями отнесения занятости к неформальной следует считать:

- включенность в систему социально-трудовых отношений в качестве работодателя, наемного работника или самозанятого лица;
- получение дохода от деятельности в любой форме;
- сознательное уклонение от любой формы контроля и учета со стороны соответствующих органов» [1].

По нашему мнению, неформальная занятость — это совокупность социально-трудовых отношений, связанных с наймом и исполнением трудовых обязанностей без соответствующего законодательно обусловленного оформления трудовых отношений.

Современные макроэкономические, технологические и социальные тренды оказывают влияние на традиционные формы и принципы формирования социально-трудовых отношений, способствуя возникновению и развитию новых, нестандартных. Особенно этот вопрос актуализировался в период стремительного роста цифровизации и ее внедрения практически во все сферы объективной социальной реальности. В сфере социально-трудовых отношений внедрение цифровых технологий привело к распространению таких нестандартных

форм занятости, как удаленная, дистанционная, мобильная занятость, фриланс, в научных публикациях начали использовать понятие «гастролирующая», или «концертная» занятость и пр.

Процесс институционализации указанных разнообразных форм и приведение их в нормально и законодательно регулируемый порядок не успевает за процессом их распространения. В результате практически все формы нестандартной занятости при непосредственном, практическом внедрении имеют шанс стать неформальными, «выбивающимися» из практики взаимоотношений работника и работодателя,

при которой они оформляются соответствующим контрактом — трудовым договором.

Однако, для многих трудоспособных граждан (особенно, в неблагоприятных с экономической точки зрения регионах) формализация трудовых отношений может быть существенно затруднена, а неформальная занятость остается чуть ли не единственной формой трудовой деятельности, приносящей доход. По этой причине страны, в которых фиксируется наиболее высокий уровень неформальной занятости, — это страны с неразвитой социальной политикой и высоким уровнем коррупции.

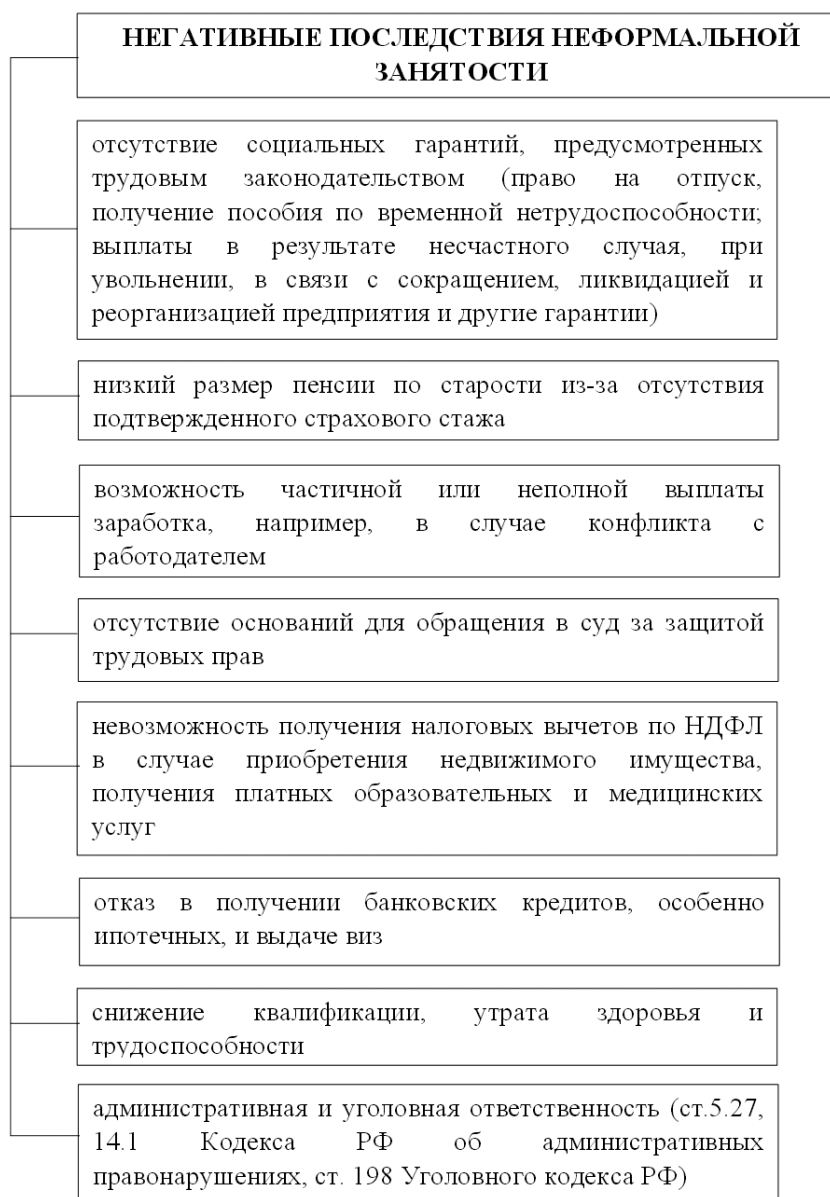

Рисунок 1 — Негативные последствия неформальной занятости для работника
(Источник: составлено автором на основе [7])

Так, например, по данным Международной организации труда, наиболее высокий уровень занятости в неформальной экономике отдельных стран мира (по состоянию на декабрь 2019 г., в % от общей занятости в несельскохозяйственном секторе) зафиксирован в:

- Индии — 80,28 %;
- Мьянме — 78,95 %;
- Боливии — 77,72 %;
- Индонезии — 76,47 %;
- Пакистане — 71,23 % [9].

Расширение неформальной занятости имеет негативные макро-экономические последствия: снижение налоговых платежей и ограничения в наполняемости бюджета; слабая государственная социальная политика; неустойчивость и несбалансированность экономического роста в разрезе отраслей; барьеры инновационного развития и пр.

Также неформальная занятость негативным образом влияет на положение работника (рис. 1).

«На уровне регионов неформальная занятость значительно варьируется и характеризуется неоднородностью... Тем не менее, в рамках реализации концепции устойчивого развития и обеспечения экономической безопас-

ности территорий, решение проблемы неформальной занятости является актуальной задачей для каждого региона» [7]. Уровень неформальной занятости в Российской Федерации представлен на рисунке 2 в разрезе федеральных округов.

Из представленных данных видно, что только в трех регионах из восьми уровень неформальной занятости ниже среднего по России: в Центральном, Северо-западном и Уральском. Наиболее высокий уровень неформальной занятости наблюдается в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах.

Проблема неформальной занятости является актуальной для многих стран мира, в том числе, и для Российской Федерации, что подтверждается рядом государственных документов, в которых прописано сокращение доли неформальной (нелегальной) занятости как цель государственной политики в области развития рынка труда [3].

В целом мониторинг неформальной занятости и анализ ее количественных и качественных показателей могут быть полезны как для развития нетеневых социально-трудовых отношений, так и для разработки эффективных трудовых стандартов. Исследования в данной научной об-

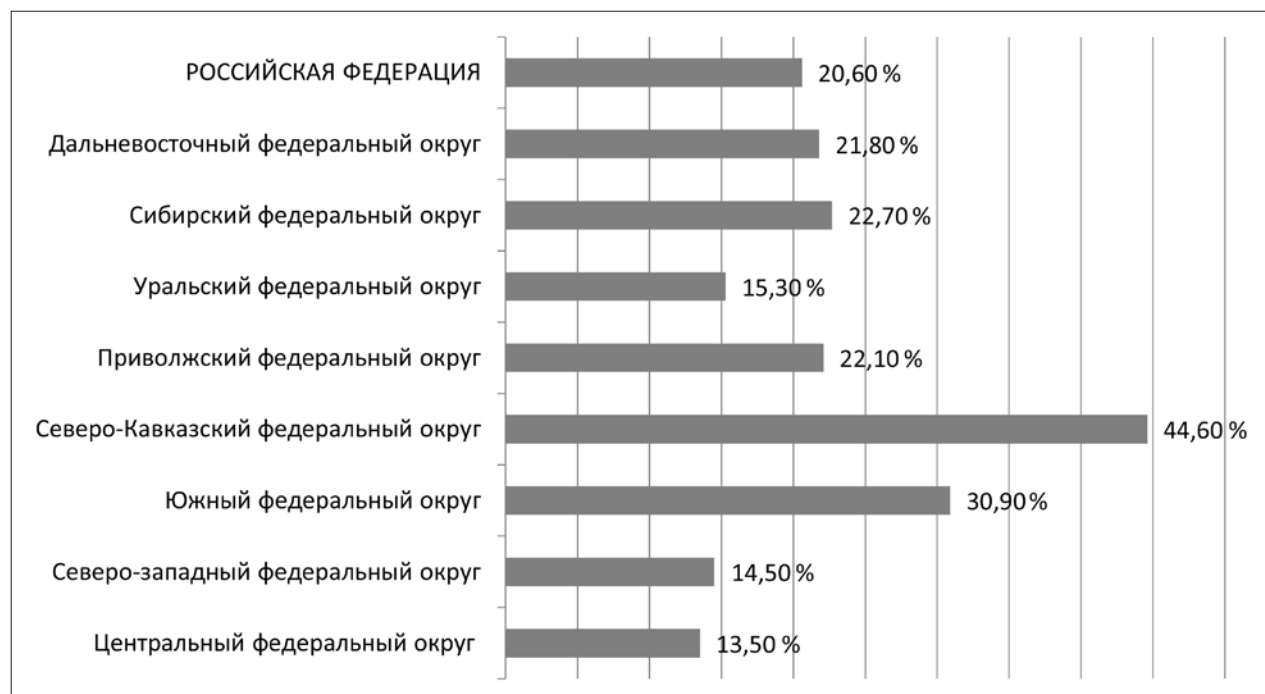

Рисунок 2 — Занятые в неформальном секторе, в % к общей численности занятого населения в федеральных округах Российской Федерации и в среднем по стране, 2019 г.
(Источник: составлено автором на основе данных Росстат [5])

ласти могут помочь привлечь внимание общественности к вопросам, представляющим социальный интерес, а также способствовать норми-

рованию и институционализации конкретных типов неформальной занятости, таких как домашняя работа, фриланс, сезонная занятость и пр.

Список источников

- [1] Данилова М. Н. и др. Борьба с неформальной занятостью на территории Томской области // Приоритетные направления развития науки и образования / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. — Пенза : Наука и просвещение, 2018. — С. 176–183.
- [2] Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2018).
- [3] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, раздел III, п. 6 [Электронный ресурс]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrgytfmGzrnAX.pdf> (дата обращения 25.10.2021).
- [4] Неформальная занятость [Электронный ресурс]. — URL: <https://czn.admtymen.ru/Czn/Page/?menuItemId=518d5a7e-4524-4a33-85b9-3ac0ce7ab142> (дата обращения: 10.11.2021).
- [5] Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (дата обращения 25.10.2021).
- [6] Руководство: Измерение ненаблюдаемой экономики [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gks.ru/metod/izmer.pdf> (дата обращения 25.10.2021).
- [7] Токмакова Е. Г., Каримова Д. В. Неформальная занятость населения Тюменской области как угроза экономической безопасности региона // Инновационное развитие экономики. — 2019. — № 4–2 (52). — С. 177–185.
- [8] ILO Department of Statistics [Электронный ресурс]. — URL: <https://ilostat.ilo.org/about/> (дата обращения: 4.11.2021).
- [9] International Labour Organization, ILOSTAT database [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/SL.ISV.IFRM.ZS/rankings> (дата обращения: 21.10.2021).

References

- [1] Danilova M. N. et al. Bor`ba s neformal`noj zanyatost`yu na territorii Tomskoj oblasti // Prioritetny`e napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya / pod obshh. red. G. Yu. Gulyaeva [The Fight against Informal Employment on the Territory of the Tomsk Region] // [Priority directions of development of Science and Education / ed. by G. Yu. Gulyaev]. — Penza : Science and Education, 2018. — Pp. 176–183.
- [2] Zakon Rossijskoj Federacii "O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii" ot 19.04.1991 № 1032-1 (red. ot 29.07.2017) [The Law of the Russian Federation "On Employment of the Population in the Russian Federation" dated April 19, 1991 No. 1032-1 (as amended on July 29, 2017)] [Electronic resource]. — URL: <http://www.consultant.ru> (date of the application: January 25, 2018).
- [3] Konceptiya dolgosrochnogo social`no-e`konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda, razdel III, p. 6 [The Concept of Long-Term socio-economic development of the Russian Federation for the Period up to 2020, section III, item 6] [Electronic resource]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrgytfmGzrnAX.pdf> (date of the application: October 10, 2021).
- [4] Neformal`naya zanyatost` [Informal Employment] [Electronic resource]. — URL: <https://czn.admtymen.ru/Czn/Page/?menuItemId=518d5a7e-4524-4a33-85b9-3ac0ce7ab142> (date of the application: November 10, 2021).
- [5] Rabochaya sila, zanyatost` i bezrabotitsa v Rossii — 2020 g. [Labor Force, Employment and Unemployment in Russia — 2020] [Electronic resource]. — URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (date of the application: October 10, 2021).
- [6] Rukovodstvo: Izmerenie nenablyudaemoj e`konomiki [Guide: Measuring the Non-Observed Economy] [Electronic resource]. — URL: <https://www.gks.ru/metod/izmer.pdf> (date of the application: October 25, 2021).
- [7] Tokmakova E. G., Karimova D. V. Neformal`naya zanyatost` naseleniya Tyumenskoj oblasti kak ugroza e`konomicheskoy bezopasnosti regiona Innovacionnoe razvitie e`konomiki [Informal Employment of the Population of the Tyumen Region as a Threat to the Economic Security of the Region // Innovacionnoe razvitie e`konomiki [Innovative Development of the Economy]. — 2019. — No. 4–2 (52). — Pp. 177–185.
- [8] ILO Department of Statistics [Electronic resource]. — URL: <https://ilostat.ilo.org/about/> (date of the application: November 4, 2021).

[9] International Labor Organization, ILOSTAT database [Electronic resource]. — URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/SL.ISV.IFRM.ZS/rankings> (date of the application: October 21, 2021).

Информация об авторах

А. И. Кривцов — доктор экономических наук, профессор, научный сотрудник кафедры управления активами.

Information about authors

A. I. Krivcov — Doctor of Science (Economic), Professor, Researcher at the Department of Asset Management.

Статья поступила в редакцию 03.12.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 03.12.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 14–19
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 14–19

Научная статья

УДК 378

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-14-19

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕТСКОГО И ЖЕНСКОГО ТРУДА КАК ИСТОЧНИКА ПОПОЛНЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА НА РАННЕМ ЭТАПЕ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Рамиль Зуфарович Мударисов^{1✉}, Ринат Танзлгилимович Фархтдинов²

^{1, 2}Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Уфа, Россия

¹RZMudarisov@fa.ru✉

²RTFarhtdinov@fa.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос использования труда детей и женщин, их численность на металлургических заводах, рудниках и золотых приисках Урала на раннем этапе зарождения капитализма. Исследуются методы как экономического, так внеэкономического принуждения малолетних детей и женщин. Исследуются условия труда, продолжительность рабочего времени, заработная плата, питание, жилищные условия, состояние медицинской помощи.

Ключевые слова: горные заводы, рудники, условия труда, жилищные условия, рабочее время, дети, женщины

Для цитирования: Мударисов Р. З., Фархтдинов Р. Т. Использование детского и женского труда как источника пополнения рабочей силы на горных заводах Урала на раннем этапе генезиса капитализма // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 14–19. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-14-19>.

THE USE OF CHILD'S AND WOMEN'S LABOR AS A SOURCE OF REPLENISHMENT OF LABOR IN THE MINING PLANTS OF THE URALS AT AN EARLY STAGE OF THE GENESIS OF CAPITALISM

Ramil Zufarovich Mudarisov^{1✉}, Rinat Tanzlilimovich Farkhtdinov²

^{1, 2}Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch), Ufa, Russia

¹RZMudarisov@fa.ru✉

²RTFarhtdinov@fa.ru

Abstract. The article deals with the issue of the use of children and women there, their number in metallurgical plants, mines and gold mines of the Urals at an early stage of the emergence of capitalism. The methods of both economic and non-economic coercion of young children and women are investigated. The study examines working conditions, working hours, wages, food, housing conditions, and the state of medical care.

Keywords: mining plants, mines, working conditions, housing conditions, working hours, children, women

For citation: Mudarisov R., Farkhtdinov R. The use of child's and women's labor as a source of replenishment of labor in the mining plants of the Urals at an early stage of the genesis of capitalism // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 14–19. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-14-19>.

Развитие промышленности Урала в первой половине XIX в. оказало существенное влияние на все стороны жизни общества. Промышленный труд отразился на положении женщин и детей и в конечном итоге вызвал глубокие изменения в укладе жизни рабочих семей. С целью повышения доходности предприятий заводовладельцы прибегали к усиленной эксплуатации рабочих, использованию в производстве более дешевого женского и детского труда.

Несмотря на исключительно тяжелые условия работы на металлургических предприятиях и золотых приисках детский труд на них получил широкое распространение. По горному уставу на горных заводах дети мужского пола «нижних и рабочих чинов» назывались до 15-летнего возраста «малолетами», с 15 до 18 — подростками. Указом от 14 мая 1799 г. было позволено в случае необходимости принудительно привлекать на горнозаводские работы детей 12-летнего возраста. При этом закон оговаривал, что работа для них должна быть «легкая дневная и продолжаться не более восьми часов в сутки». Однако положение это повсеместно нарушалось. Так, в 1859 году на рудниках Шилвинского завода работало 83 ребенка, в том числе 5 человек с 8 до 11 лет, 25 — с 12 до 13 лет и 53 — с 14 до 15 лет. В заводском поселке оставалось 10 дряхлых неспособных к труду стариков. Рабочие нормы для детей были установлены выше норм для взрослого рабочего на казенных заводах [11; 32, ст. 307]. Детский труд применялся также на рудниках Симского завода, где ежегодно работали за одно лишь пропитание до 300 мальчиков [13]. От 300 до 500 детей работали на рудниках Юрюзань-Ивановского и Катав-Ивановского заводов. Из 3 тыс. рабочих, трудившихся на Каргалинских медных рудниках, 1200 или 40 % были дети [1–2]. Дети привлекались на работы и на казенных заводах Златоустовского округа. В 1840 году на них из 1147 детей 13–15-летнего возраста на различных заводских работах находилось 723 человека, т. е. 63 % всех детей этого возраста. В 1854 году из 1406 подростков 15–17-летнего возраста работали на заводах 1079 человек, или 77 % [28, 30]. В целом по всем казенным горным заводам Урала в 1858 году наряду с 43 286 полны-

ми работниками трудились еще 18 569 неполных работников, т. е. детей и подростков, что составляло 30 % от всей рабочей силы, занятой в производстве [3, с. 80].

При этом работа на заводах малолетов и подростков не засчитывалась им при исчислении срока службы для получения пенсии. Так государство украло у рабочих значительный трудовой стаж [4, с. 93, 297].

Дешевый детский труд использовался на золотых приисках края. Так, на приисках купцов Бакакина, Козицина, Болотова и др. работали башкирские дети из Мензелинского, Белебеевского, Стерлитамакского уездов. Заработная плата на золотых промыслах выплачивалась: полному работнику — от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. в месяц, подросткам — от 2 руб. до 2 руб. 50 коп., малолетам — по 1 руб. 50 коп. [8].

Условия жизни и труда детей на рудниках и золотых приисках были очень тяжелыми. По признанию главного начальника горных заводов Уральского хребта В. А. Глинки, на рудниках Златоустовского горного округа «малолетки питаются большей частью одним хлебом с водою, за ними нет никакого присмотра в казармах и после работы, часто, в сыром платье и грязи, остаются без всякого об них попечения» [6]. Тяжелые условия труда подрывали физическое развитие детей, лишали их здоровья. Владелец Симского округа П. Балашов вынужден был отметить, что «при дурном содержании мальчиков при рудниках и прилежной работе они истощаются чрез меру, от чего затрудняется развитие их телесных способностей и они преждевременно делаются если не способными, то по крайней мере мало способными к заводским работам» [32].

Тяжелые условия на рудниках и приисках не выдерживали даже взрослые рабочие и при первой возможности бежали с них. Наряду с ними убегали домой и дети. Так, с Александровского золотого прииска в 1856 году бежали малолетские башкирские дети — 10-летний Сапагат Шагимурагов, 12-летний Зиямурза Галиуллин. Феиз Яныбаев в свои 14 лет, видимо, имел уже большой стаж работы на приисках, так как до 1856 года успел совершить 3 побега [9].

На горных заводах, рудниках и золотых приисках широко использовался труд женщин.

В начале XIX в. на заводах Златоустовского округа до 600 женщин были заняты на кузнечных работах, а также при промывке руд в рудниках [15, 17]. На Белорецком заводе женщины работали на разбивке тяжеловесных чугунных припасов, вытаскивании бревен из пруда на берег, поправке дорог и других работах [16; 24].

На Катав-Ивановском заводе жены бесплатно помогали мужьям жечь уголь. На Кагинском, Кананикольском и Преображенском заводах женщины от 15 до 40 лет занимались осыпкою куч в курениях и выполняли различные строительные работы. В 1842 году на Симском заводе женщины работали при забивке тяжелых свай под новую кричную фабрику. На этих работах работали даже беременные женщины [31] и т. д. Горный совет признавал «обременительными, а иногда даже опасными» большинство работ выполняемых женщинами [5].

Положение женщин на уральских горных заводах ярко характеризует жалоба рабочих Уинского медеплавильного завода. В 1856 году они писали главному начальнику Уральских горных заводов: «Женщины и девки, несмотря на домашнии их необходимые занятия по хозяйству... против всякой воли и возможности и даже оставляя свое хозяйство и малолетних детей без всякого надзора, под страхом наказания употребляют во всякое время года в разные заводские работы» [4, с. 92].

В ноябре 1840 г. рабочие Шилвинского завода оказали неповиновение заводскому начальству, одной из причин которого было «отягощение» работами женщин. В целях поддержания спокойствия на заводах горное правление иногда предпринимало робкие попытки ограничить эксплуатацию женщин. В 1848 году оно предписало владельцу Шилвинского завода занимать работами женщин «не иначе как с их согласия» [26]. Однако закона, регламентирующего использование женского труда на заводах, в первой половине XIX в. так и не было издано, что открывало широкий простор для различного рода злоупотреблений.

В значительных масштабах женский труд использовался на частных золотых промыслах Урала. В 1860 году на них из 22 533 рабочих было 2181 женщин (9,7 %) [7].

Применение детского и женского труда было выгодным для заводов, он обходился дешевле. В 1831 году Горный совет заметил, «если малолеты, заменяя сотни рук взрослых работников, занятием своим приносят пользу заводам, то нет сомнения, что женщины в сем отношении и паче могут быть полезны для оных» [5].

Социальный аспект применения женского и подросткового труда состоял в том, что это был показатель процесса пролетаризации значительной части рабочих, так как заводские работы выполняли прежде всего жены и дети из бедных семей, для которых они были основным источником существования [34, с. 141]. О социальном расслоении среди горнозаводского населения писали заводские конторы. Так, по отзыву конторы Юрюзань-Ивановского округа, в нем в 1829 году из 957 семейств 203 (21 %) были «достаточного состояния», 516 (54 %) — «посредственного» и 238 семей (25 %) — бедного состояния. На заводах Катав-Ивановского округа из 1168 семей зажиточных было 180 (15 %), посредственных 669 (57 %), бедного — 319 (28 %) [18]. Обеднение значительной части рабочих происходило из-за «недостаток плат, которые столь малы, что ими не скупается и хлеб, получаемый от завода в счет зарплаты» [14]. Получая в месяц 5–6 руб., рабочие не могли прокормить свои семьи.

По расчету горного инженера Горнгреса, сделанному в 1861 году во время инспектирования Архангельского завода, прожиточный минимум для одного рабочего без семьи составлял 9 руб. 82 коп. асс. в месяц. Рабочему, имевшему жену и одного ребенка, требовалось не менее 22 руб. 15 коп. асс. в месяц. Для рабочего, имевшего жену и двух детей, годовой прожиточный минимум составлял 302 руб. 48 коп. асс. Годовой же заработок одного углежого колебался от 66 руб. 52 коп. асс. до 116 руб. 92 коп. асс., рудничного рабочего — от 52 руб. до 70 руб. асс. По подсчету инженера среднестатистическая семья горнозаводского рабочего из трех человек могла прожить на зарплату главы семьи не более 3 месяцев [27].

В наиболее тяжелом положении находились многодетные рабочие. На Авзяно-Петровском заводе работник, имевший пятерых детей и получавший самую высшую плату — по 9 руб.

10 коп. в месяц, должен был из этих денег только за выданный провиант заплатить 8 руб. 80 коп. После этого из месячного заработка оставалось на соль, одежду и другие предметы первой необходимости всего 30 копеек [19]. Поэтому становится понятно почему для обеспечения прожиточного минимума на тяжелых горнозаводских работах трудились женщины, подростки и даже дети. Однако денег все равно не хватало. В результате росли долги, которые после смерти родителей записывались за их детьми и переходили из поколения в поколение. Так, Григорий Лачиков, принадлежащий Каноникольскому заводу, в свои 8 лет должен был заводу 79 руб. На Семена Малышева, оставшегося в 14 лет старшим мужчиной в семье, состоящей из 7 человек, было записано долгу 603 рубля [23].

Полковник Дучинский, инспектировавший в 1860 году Каноникольский завод писал, что рабочие после 6 месяцев работы на рудниках «входят в неоплатные долги и в таком положении без денег в изнеможении на рудниках, в изношенной одежде возвращаются домой, где встречают крайнюю нищету, в особенности те, у кого есть малолетние дети» [12].

На некоторых заводах из-за отсутствия денег конторы применяли оплату труда долговыми ярлыками или заводской продукцией, которую рабочие должны были сами продавать или же менять на хлеб с большим убытком для себя. Оплата труда заводской продукцией, например, нередко производилась на Белорецком заводе, где вместо зарплаты рабочим, среди которых были женщины, выдавали чугунную посуду стоимостью в 3 руб. 5 копеек. Ее они продавали на рынке по 1 руб. 80 коп., теряя тем самым 41 % заработной платы [25].

Закон обязывал заводовладельцев продавать хлеб рабочим не выше заготовительных цен, что, однако, постоянно нарушалось [33, ст. 1450]. Так, в 1844 году заводская контора Авзяно-Петровского округа закупала пшеницу по 80 коп. за пуд, а отпускала рабочим

по 1 руб. 80 коп., пуд соли покупали по 1 руб. 30 коп., отпускали — по 2 рубля [20].

Тяжелое положение на горных заводах еще более усугублялось отсутствием охраны труда, надлежащей медицинской помощи, плохими санитарно-гигиеническими условиями как на работе, так и дома. Из 23 частных заводов на 13 не было ни одного врача, и население оставалось без медицинской помощи. На 6 заводах практиковали лекарские ученики. Об уровне их профессиональной подготовки говорит следующий пример. На Юрюзань-Ивановском заводе лекарский ученик дошел «в невежестве своем до того, что сильные средства давал почти здоровым, а маловажные лекарства — серьезным больным». Поэтому становится понятным ироническое замечание доктора Вульфа после осмотра им Каноникольского завода: «По неимению медикаментов находящийся здесь лекарский ученик совершенно безвреден» [22].

Тяжелые условия жизни и труда, отсутствие медицинской помощи приводили к высокой смертности среди горнозаводского населения, особенно среди детей. Например, в Златоустовском округе в 1854 году родилось 2305, умерло 1181 человек, в том числе 1038 детей. В среднем из всех рождавшихся в этом округе детей около 50 % мальчиков и 41 % девочек не доживало до 12-летнего возраста [29]. На других заводах положение было не лучше. В 1833 году на Белорецком заводе из 107 больных умерло 83 человека. В том же году на Благовещенском заводе от острых кишечных заболеваний умерло 60 младенцев [21]. На Шилвинском заводе из родившихся в 1849–1859 гг. 116 детей умерли, не дожив до 5-летнего возраста, 82, т. е. 71 % [10].

Сложившаяся ситуация вызывала у рабочих чувство протеста и не могла не сказаться на настроении рабочих. Трудное положение сотен и тысяч рабочих поднимало их на совместную борьбу против нечеловеческих условий своего существования.

Список источников

- [1] Антипов А. И. Характер рудоносца и современное положение горного, то есть рудного дела на Урале // Горный журнал. — 1860. — № 1. — С. 64.
[2] Антипов А. И. Характер рудоносца и современное положение горного, то есть рудного дела на Урале // Горный журнал. — 1860. — № 2. — С. 313.

- [3] Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861–1900 : Численность, состав, положение. — М. : Наука, 1985. — 303 с. : ил.
- [4] Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. — Пермь : Кн. изд-во, 1961. — 408 с.
- [5] Записки Департамента горных и соляных дел (об употреблении женщин в соляных работах) / сост. Чернявская Т. А. // Советские архивы. — 1983. — № 5. — С. 40.
- [6] Государственный Архив Свердловской Области (ГАСО). — Ф. 43. — Оп. 1. — Д. 1872. — Л. 1.
- [7] Краткий очерк развития частной золотопромышленности с начала допущения ее в России по настоящее время // Горный журнал. — 1861. — № 7. — С. 113.
- [8] Научный Архив Республики Башкортостан (НА РБ). — Ф. — И-2. — Оп. 1. — Д. 8776. — Л. 81.
- [9] НА РБ. — Ф. И-2. — Оп. 1. — Д. 9545. — Л. 79–80 об.
- [10] НА РБ. — Ф. И-6. — Оп. 1. — Д. 305. — Т. 1. — Л. 143–145 об.
- [11] НА РБ. — Ф. И-6. — Оп. 1. — Д. 448. — Л. 113.
- [12] НА РБ. — Ф. И-6. — Оп. 1. — Д. 498. — Л. 113 об.
- [13] Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). — Ф. 892. — Оп. 1. — Д. 780. — Л. 50.
- [14] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 3. — Д. 501. — Л. 37–37 об.
- [15] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 47. — Л. 151, 161, 167.
- [16] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 124. — Л. 181 об., 186, 190.
- [17] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 124. — Л. 197.
- [18] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 170. — Т. 1. — Л. 100–110 об., 165.
- [19] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 219. — Л. 237–237 об.
- [20] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 219. — Л. 266.
- [21] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 222. — Л. 79, 91.
- [22] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 222. — Л. 82 об.
- [23] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 248. — Л. 51 об.
- [24] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 252. — Л. 154 об., 184 об.
- [25] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 252. — Л. 156, 285.
- [26] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 373. — Л. 9 об.
- [27] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 5. — Д. 620. — Л. 164 об.
- [28] РГИА. — Ф. 37. — Оп. 11. — Д. 341. — Л. 421 об.–422.
- [29] РГИА. — Ф. 44. — Оп. 2. — Д. 291. — Л. 72–73.
- [30] РГИА. — Ф. 44. — Оп. 2. — Д. 291. — Л. 76.
- [31] РГИА. — Ф. 892. — Оп. 1. — Д. 778. — Л. 102, 225.
- [32] РГИА. — Ф. 892. — Оп. 1. — Д. 780. — Л. 50.
- [33] Свод законов Российской империи. Устав горный. — СПб., 1857. — Ст. № 307, № 1450.
- [34] Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. — М. : Наука, 1985. — 247 с.

References

- [1] Antipov A. I. Charakter rudonoszcza i sovremennoe polozhenie gornogo, to est` rudnogo dela na Urale [The Nature of the Ore Bearer and the Current State of Mining, that is, Ore Mining in the Urals] // Gorny`j zhurnal [Mining journal]. — 1860. — No. 1. — P. 64.
- [2] Antipov A. I. Charakter rudonoszcza i sovremennoe polozhenie gornogo, to est` rudnogo dela na Urale [The Nature of the Ore Bearer and the Current State of Mining, that is, Ore Mining in the Urals] // Gorny`j zhurnal [Mining Zhurnal]. — 1860. — No. 2. — P. 313.
- [3] Gavrilov D. V. Rabochie Urala v period domonopolisticheskogo kapitalizma 1861–1900 : Chislennost`, sostav, polozhenie [Workers of the Urals in the Period of Pre-Monopoly Capitalism 1861–1900 : Number, Composition, Position]. — Moscow : Nauka, 1985. — 303 p. : il.
- [4] Gorovoy F. S. Padenie krepostnogo prava na gorny`x zavodax Urala [The Fall of Serfdom in the Mining Plants of the Urals]. — Perm : Book publishing house, 1961. — 408 p.
- [5] Zapiski Departamenta gorny`x i solyany`x del (ob upotreblenii zhenshin v solyany`x rabotax) / sost. Chernyavskaya T. A. [Notes of the Department of Mining and Salt Affairs (on the Use of Women in Salt Work) / comp. Chernyavskaya T. A.] // Sovetskie arxiv` [Soviet Archives]. — 1983. — No. 5. — P. 40.
- [6] Gosudarstvenny`j Arxiv Sverdlovskoj Oblasti (GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region (SASR)]. — Fund 43. — Register 1. — Case number 1872. — Sheet 1.
- [7] Kratkij ocherk razvitiya chastnoj zolotopromy`shlennosti s nachala dopushheniya ee v Rossii po nastoyashhee vremya [A Brief Outline of the Development of Private Gold Mining from the Beginning of Its Admission in Russia to the Present] // Gorny`j zhurnal [Mining Journal]. — 1861. — No. 7. — P. 113.

- [8] Nauchnyj Arxiv Respubliki Bashkortostan (NA RB) [Scientific Archives of the Republic of Bashkortostan (NA RB)]. — Fund I–2. — Register 1. — Case number 8776. — Sheet 81.
- [9] NA RB [NA RB]. — Fund I–2. — Register 1. — Case number 9545. — Sheets 79–80 turnover.
- [10] NA RB [NA RB]. — Fund I–6. — Register 1. — Case number 305. — Vol. 1. — Sheets 143–145 turnover.
- [11] NA RB [NA RB]. — Fund I–6. — Register 1. — Case number 448. — Sheet 113.
- [12] NA RB [NA RB]. — Fund I–6. — Register 1. — Case number 498. — Sheet 113 turnover.
- [13] Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arxiv (RGIA) [Russian State Historical Archives (RSHA)]. — Fund 892. — Register 1. — Case number 780. — Sheet 50.
- [14] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 3. — Case number 501. — Sheets 37–37 turnover.
- [15] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 47. — Sheets 151, 161, 167.
- [16] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 124. — Sheets 181 turnover, 186, 190.
- [17] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 124. — Sheet 197.
- [18] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 170. — Vol. 1. — Sheets 100–110 turnover, 165.
- [19] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 219. — Sheets 237–237 turnover.
- [20] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 219. — Sheet 266.
- [21] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 222. — Sheets 79, 91.
- [22] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 222. — Sheet 82 turnover.
- [23] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 248. — Sheet 51 turnover.
- [24] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 252. — Sheets 154 turnover, 184 turnover.
- [25] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 252. — Sheets 156, 285.
- [26] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 373. — Sheet 9 turnover.
- [27] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 5. — Case number 620. — Sheet 164 turnover.
- [28] RGIA [RSHA]. — Fund 37. — Register 11. — Case number 341. — Sheets 421 turnover–422.
- [29] RGIA [RSHA]. — Fund 44. — Register 2. — Case number 291. — Sheets 72–73.
- [30] RGIA [RSHA]. — Fund 44. — Register 2. — Case number 291. — Sheet 76.
- [31] RGIA [RSHA]. — Fund 892. — Register 1. — Case number 778. — Sheets 102, 225.
- [32] RGIA [RSHA]. — Fund 892. — Register 1. — Case number 780. — Sheet 50.
- [33] Svod zakonov Rossijskoj imperii. Ustav gornyj [Code of Laws of the Russian Empire. Mountain charter]. — Saint Petersburg, 1857. — Art. No. 307, No. 1450.
- [34] Cherkasova A. S. Masterovy'e i rabotny'e lyudi Urala v XVIII v. [Artisans and Working People of the Urals in the 18th Century]. — Moscow : Nauka, 1985. — 247 p.

Информация об авторах

Р. З. Мударисов — доктор исторических наук, доцент;

Р. Т. Фархтдинов — кандидат социологических наук.

Information about authors

R. Z. Mudarisov — Doctor of Science (Historical), Associate Professor;

R. T. Farhtdinov — Candidate of Science (Sociological).

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 09.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 09.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 20–27
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 20–27

Научная статья

УДК 331.5 (470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-20-27

ТРУДОВЫЕ МОТИВАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ (по данным этносоциологических опросов)

**Фаиль Габдуллович Сафин^{1, 4✉}, Мурат Нилевич Ишемгулов²,
Фаниль Рамилевич Кульшарипов³**

^{1, 2, 3}Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

⁴Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

¹failsafin@mail.ru✉

²murat-ishemgulov@mail.ru

³hitry88@gmail.com

Аннотация. Переход к рыночной экономике создал определенные трудности в сфере трудоустройства и материально-финансового положения населения страны. В этом отношении в Республике Башкортостан из-за неравномерного расселения этнических групп в городах и на селе имелись определенные трудности. Несмотря на развитие рыночной экономики, большая прослойка населения, вне зависимости от национальности, предпочитает работать в государственных предприятиях, число которых за эти годы существенно сократилось. Вместе с тем растет доля тех, кто хочет заниматься предпринимательством и работать «на себя». Прошедшая приватизация государственной собственности в стране также неоднозначно воспринимается населением страны. Часто звучит тезис, что «ее следует повернуть обратно». Проблема экономического и финансового положения населения мотивирует их искать новые источники зарабатывания средств для улучшения своего материального состояния.

Ключевые слова: трудоспособное население, источник к существованию, рыночная экономика, предпринимательство, финансовое положение, приватизация

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья» № АААА-А21-121012290085-3.

Для цитирования: Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Кульшарипов Ф. Р. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 20–27. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-20-27>.

LABOR MOTIVATIONS OF THE POPULATION OF BASHKORTOSTAN IN A MARKET ECONOMY (according to ethnosociological surveys)

Fail Gabdullovich Safin^{1, 4✉}, Murat Nilevich Ishemgulov², Fanil Ramilevich Kulsharipov³

^{1, 2, 3}R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science, Ufa, Russia

⁴Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia

¹failsafin@mail.ru✉

²murat-ishemgulov@mail.ru

³hitry88@gmail.com

Abstract. The transition to a market economy has created certain difficulties in the field of employment and the material and financial situation of the population of the country. In this regard, in the Republic of Bashkortostan, due to the uneven settlement of ethnic groups in cities and in rural areas, there were certain difficulties. Despite the development of a market economy, a significant part of the population, regardless of ethnicity, prefers to work in state-owned enterprises, the number of which has significantly decreased over the years. At the same time, the share of those who want to engage in entrepreneurship and work "for themselves" is growing. The ongoing privatization of state property in the country is also ambiguously perceived by the population of the country. The problem of the economic and financial situation of the population motivates them to look for new sources of earning money to improve their financial condition.

Keywords: able-bodied population, livelihood, market economy, entrepreneurship, financial situation, privatization

Funding: Research completed within the framework of the state assignment of the IER UFRC RAS "Social foundations of ethnopolitical processes in republics of the Ural-Volga region" No. AAAA-A21-121012290085-3.

For citation: Safin F., Ishemgulov M., Kulsharipov F. Labor motivations of the population of Bashkortostan in a market economy (according to ethnosociological surveys) // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 20–27. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-20-27>.

Развал социалистической системы хозяйствования наряду с закрытием многих хозяйствующих субъектов породил такую категорию населения, как безработные. Если в данных переписей советского периода в основном фиксировали занятость населения и один источник средств к существованию, то в переписи 2002 года расширена возможность указания нескольких источников средств к существованию, что и отразилось в ее результатах, выделив население с несколькими источниками доходов [5].

Согласно данным переписи 2002 года, в разрезе 1000 чел., указавших лишь один источник дохода, оказались 729 чел. русской национальности, 664 татар и 517 башкир. Существование более одного источника средств существования указали 243 русских, 336 татар и 481 башкир, т.е. у последних данный показатель был существенно выше. Башкиры также имели наибольшую долю (2,4%), среди других

этнических групп, указавших три источника дохода. У татар же данный показатель равнялся 1,7%. В то же время у русских — 1,3%. У башкир также был выше показатель четырех источников средств к существованию — 0,06%. У татар этот параметр составлял 0,04%, у русских — 0,04% [1].

Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2010 года, самая высокая доля имеющих несколько источников одновременно была среди чувашей: два источника средств к существованию — 39,0%, тогда как среднереспубликанский показатель составлял 29,4%. Ниже этого уровня показатель у русских — 22,5%. Три источника средств к существованию по республике отметили 70 570 чел., из них: башкиры — 28 245 (40,0%), русские — 18 363 (26,0%) и татары — 16 885 (23,9%) [2, с. 30–31].

Если в 2002 году доход от трудовой деятельности отмечали 1708 тыс. чел., то

в 2010 году численность такой категории выросла до 1774 тыс. чел., что равнялось 70,7 % от трудоспособного населения, составлявшего 61,6 % от всего населения Башкортостана [2, с. 28]. При этом доля трудоспособного населения среди башкир равнялась 61,7 %, татар и чувашей — 63,1 % (т. е. на 1,5 % выше среднереспубликанского показателя) и русских — 59,9 %. Кроме того, в 2002 году трудовая деятельность, включающая в себя работу по совместительству, была отмечена в качестве источника доходов среди 27,2 % башкир, 25,2 % татар и 33,5 % русских [1]. В 2010 году соотношение практически не изменилась и составило у башкир — 27,4 %, у татар — 26,3 % и у русских — 36,6 %. За эти годы существенно выросли доходы населения от личного подсобного хозяйства, независимо от этнической принадлежности*: у башкир с 42,5 до 66,1 % (в 1,5 раза), у татар с 22,3 до 39,2 % (1,7 раза) и у русских с 23,8 до 26,1 % (в 1,1 раза) [2].

Согласно данным переписи 2010 года, 43,6 % населения республики основным источником средств к существованию отметили трудовую деятельность. Данный показатель выше у татар — 46,2 %, чувашей — 45,3 % и русских — 45,1 %. В то же время у башкир данный показатель составлял 41,5 % [2]. В качестве одного из основных источников средств к существованию отмечено личное подсобное хозяйство. Данный показатель был наиболее высок у чувашей — 29,6 % и башкир — 27,4 %, что существенно выше, чем у других этнических групп и заметно превосходит среднереспубликанский показатель (18,9 %) [4, с. 198].

Численность и доля лиц, которые получали разные социальные пособия (кроме пособия по безработице) в этническом разрезе имели определенные расхождения. Например, количество башкир, получающих такие пособия, составляла 149 616 чел. (12,8 %), тогда как среди татар таковых было — 75 867 чел. (7,5 %), т. е. два раза меньше, среди русских итого меньше — 94 370 чел. (6,6 %). Из этой категории пособий — 42,0 % приходилось на долю башкир, 21,3 % — татар и 26,5 % — русских [3, с. 51–52].

Значительная часть населения в республике, а именно около одной трети (30,9 %), в данных переписи 2010 года учтены в категории иждивение, помощь других лиц и алименты. Их численность составила 1260 тыс. человек. Одну треть (33,9 %) часть данной категории составили башкиры, немногим менее этого — татары и русские (30,7 %). Самый низкий показатель иждивенцев (на уровне 27,6 %) отмечен среди чувашского населения республики. Значительная доля выплаты таких социальных пособий приходится на детей и молодежь, которые не заняты в производственной сфере. Почти четверть такового населения (22,0 %) составили пенсионеры, численность которых в Башкортостане в 2010 году достигла 898 тыс. чел. Доля башкир в общей структуре пенсионеров равнялась 20,6 %, что несколько ниже, чем у татар (22,1 %) и русских (24,0 %) [2].

Из всего работающего башкирского населения в возрасте 15–72 года, которые были заняты в экономике, 95 % работали по найму, а немногим менее 5 % работали самостоятельно или же с привлечением наемных работников, входящих в категорию предпринимателей. Порядка 3,0 % башкир являлись индивидуальными предпринимателями [2, с. 35].

Несмотря на дальнейшее развитие рыночных отношений большая доля населения, вне зависимости от национальности, предпочитает работать в государственном предприятии — заводе, компании. Такое желание выразили 38,1 % башкирского населения, прошедшего опрос. Среди татар показатель составил 38,3 %, русских — 39,7 % и среди респондентов других национальностей — 26,4 %.

Башкиры, меньше, чем остальные опрошенные отдали предпочтение работать по найму, пусть с небольшим, но со стабильным доходом — 13,5 %, но больше всех предпочитая инвестиции — 5,6 %, по сравнению с татарами (1,0 %) и русскими (3,4 %) (табл. 1).

Практически каждый пятый представитель башкирской национальности (18,3 %), почти четверть татар (22,4 %) и представителей «иных» национальностей (23,6 %), а также значительно меньшая часть русских (12,3 %)

* Эти показатели отмечены от лиц, занимающихся трудовой деятельностью.

Таблица 1 — Какие из предпочтений работы, основанной на «социалистических» и «рыночных» принципах, Вам близки? [7]

Предпочтения	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Предпочитаю работу по найму с небольшим, но стабильным доходом	13,5	17,3	19,0	19,4
Предпочитаю работу «на себя», с крупным, но не постоянным доходом	18,3	22,4	12,3	23,6
Работу в гос. предприятии (завод, кампания)	38,1	38,3	39,7	26,4
Предпочитаю инвестиции	5,6	1,0	3,4	0,0
Затрудняюсь ответить	24,6	21,0	25,7	30,6

отдали приоритет работе «на себя», предпочитая иметь непостоянный, но крупный доход (табл. 2). Однако при этом всего лишь немногим менее 10 % опрошенных, вне зависимости от национальности, отметили, что они заняты предпринимательской деятельностью, а более четверти (27,0 %) башкир, каждый пятый русский и татарин, а также немногим менее трети «иных» национальностей изъявили свое желание заняться ею.

Не удивительно, что среди других этнических групп самый высокий показатель населения, не желающего заниматься предпринимательством, был отмечен у русских респондентов (50,3 %), так каждый второй из пяти респондентов был ориентирован работать в государственном предприятии. Немногим менее этого с ними согласились татары (46,4 %), представители «иных» национальностей (44,4 %), а также треть башкир (35,7 %).

В 1990-е годы переход республиканской экономики к «капиталистическим отношениям» воспринимался населением с большой осторожностью. Преобразования устоявшегося уклада не всеми воспринимались позитивно. Настроения в обществе все же склонялись

к поддержке социалистического экономического строя с общенародной собственностью. Ввиду этого вопрос о переходе к рыночным отношениям одну треть населения поставил в затруднительное положение.

Проведенный спустя 20 лет этносоциологический опрос показал, что значительных перемен в восприятии данных событий среди населения не наблюдалось. К этому моменту только каждый седьмой из ста респондентов русской национальности, каждый двенадцатый башкир и татарин высказались за развитие рыночных отношений более высокими темпами. Как и раньше, одну треть опрошенных татар и каждого второго из пяти русских и башкир устраивал постепенный переход к рыночным отношениям. Почти четверть опрошенных, независимо от национальности, в той или иной мере не восприняла переход народного хозяйства на рельсы рыночной экономики. Если каждый десятый опрошенный выступал против рыночной экономики, то значительная часть респондентов вообще ее отвергала, заявив, что «переход к рынку не оправдал себя» (диагр. 1). Более четверти населения, даже спустя 20 лет, так и не поняла сути рыночных отношений «затруднившись ответить». Среди опрошенных «иных»

Таблица 2 — Заняты ли вы в предпринимательстве и ориентированы на предпринимательскую деятельность? [7]

Отношение к предпринимательской деятельности	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Занят предпринимательской деятельностью	8,7	8,2	10,1	2,8
Не занят, но собираюсь заняться	27,0	21,9	21,2	29,2
Не занят и не собираюсь заниматься	35,7	46,4	50,3	44,4
Затрудняюсь ответить	28,6	23,5	18,5	23,6

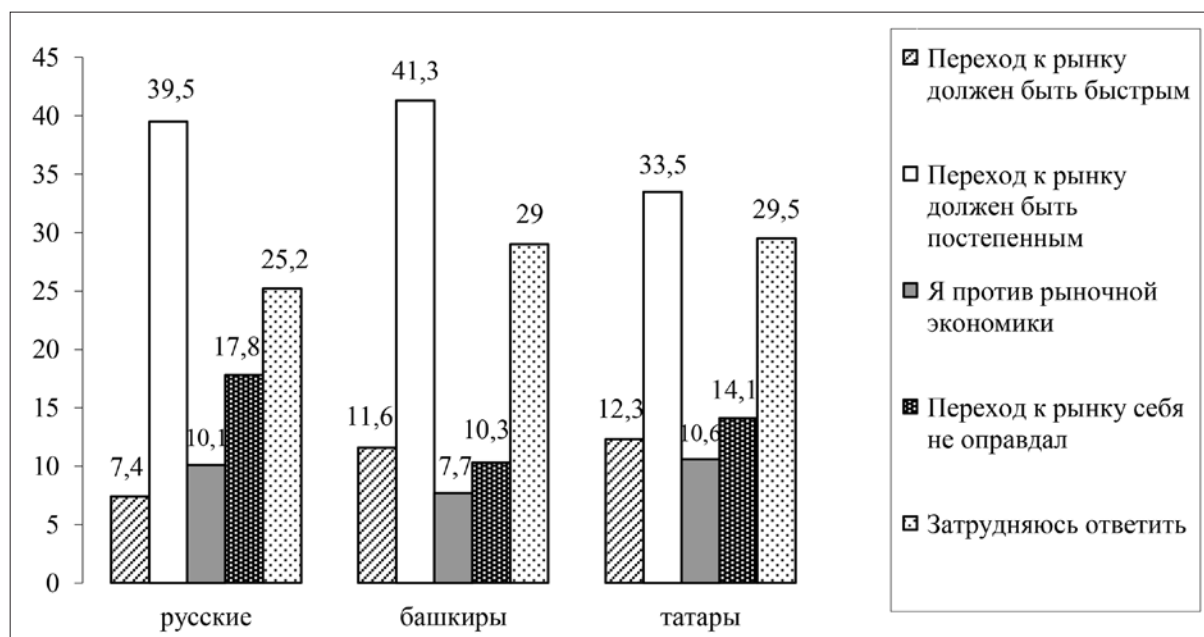

Диаграмма 1 — Что Вы думаете о переходе к рыночной экономике в России? [6]

национальностей процент воздержавшихся от ответа оказался даже больше [6].

Примечательно, что представители русской национальности в меньшем количестве выступали за интенсификацию процесса передачи государственного имущества в частную собственность, чем опрошенные других этнических групп. В то же время башкиры, например, на 5,4% больше высказывались за ускорение данного процесса. Среди русских немалая часть отмечала, что процесс приватизации необходимо прекратить (15,9%), что составляло наибольшую долю населения, по сравнению с другими национальностями, придерживающихся такого мнения [6].

Пункт о передаче государственной собственности в частные руки вызвал затруднительную реакцию у всех этнических групп. Практически третья часть опрошенного населения каждой национальности, кроме русских (20,2%), не дала ответ в отношении приватизации, активно проходившей в государстве (диагр. 2).

Условия рыночной экономики, безусловно, поставили в затруднительное финансовое и материальное положение значительную часть населения. Люди должны были искать дополнительные источники дохода, чтобы как-то улучшить материальное положение себя и своей семьи. В этом смысле, как выясни-

лось в ходе опроса, немногим менее половины опрошенных, помимо заработка от основной работы, пенсии или стипендии, занимались иной трудовой деятельностью. При этом дополнительная работа имела не постоянный характер, а происходила от случая к случаю. Сезонный характер такого приработка отметил каждый десятый опрошенный, вне зависимости от его национальности. Около одной пятой части охарактеризовали эту деятельность как «от случая к случаю». При этом также выявилось, что такие дополнительные виды работ могут быть несколько раз в месяц или же несколько раз в неделю. У незначительной части респондентов, от 2,8% у представителей «иных» национальностей и до 7,3% у русских, дополнительная работа имела постоянный характер (диагр. 3).

Одним из распространенных видов деятельности, приносящей дополнительный доход, как выяснилось в ходе опроса, является занятие индивидуально-трудовой деятельностью. Такую практику отметили 15,3% татар, 11,2% русских, 8,7% башкир и 13,9% респондентов «иных» национальностей. Наиболее распространенным видом индивидуально-трудовой деятельности было выращивание овощей, фруктов, а также разведение птиц и животных (7,5%) в личном подсобном хозяйстве. Определенная часть населения, особен-

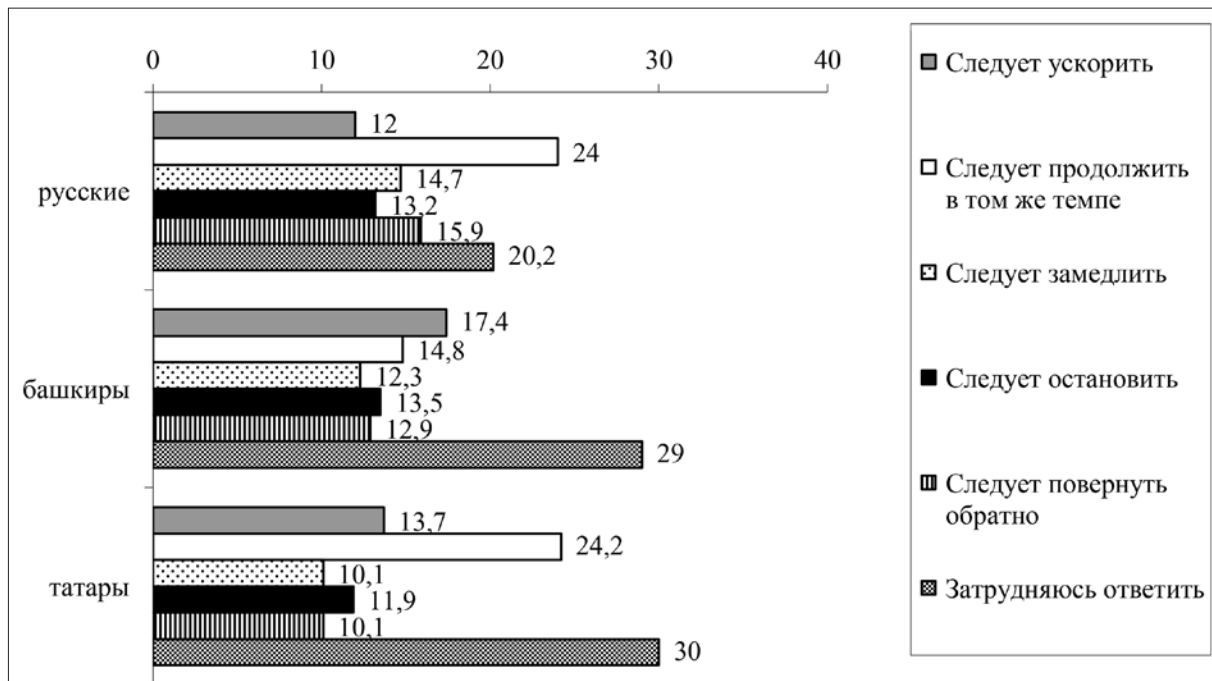

Диаграмма 2 — Как Вы оцениваете приватизацию государственной собственности в России? [6]

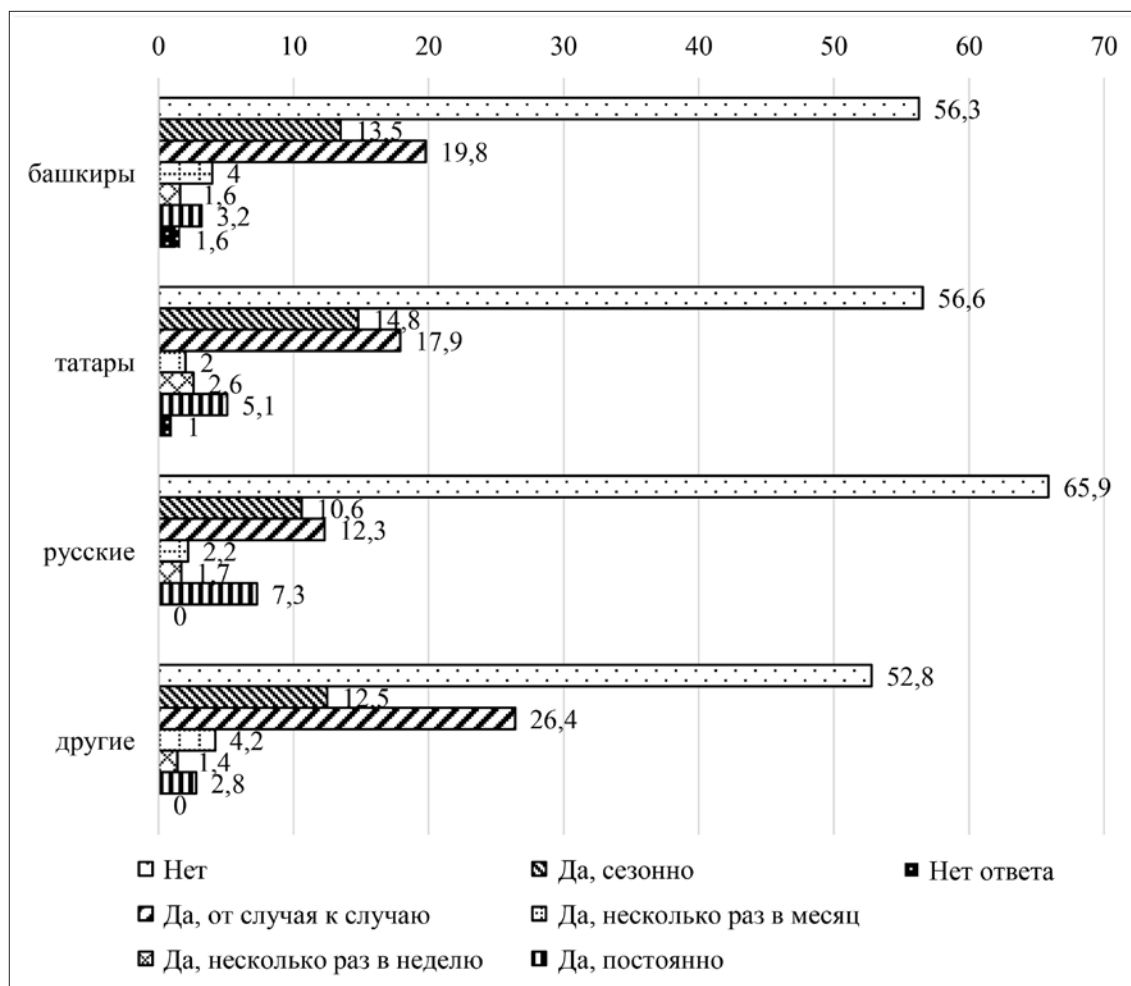

Диаграмма 3 — Есть ли у Вас деятельность, являющаяся дополнительным источником средств к существованию (помимо заработка по основной работе, пенсии, стипендии)? [7]

но мужская, занималась частным извозом (3,5 %), а имеющие высшее образование и педагогический опыт нашли себя в качестве репетиторов (5,5 %). Имеющая определенное техническое образование часть индивидуальных предпринимателей занималась ремонтом бытовой техники, компьютеров и автомо-

билей (2,5 %). Одним из распространенных видов стала мелкая торговля и подработка перепродажей (5,1 %) [7].

Таким образом, несмотря на трудности рыночных отношений, население республики, пользуясь существующими возможностями, активно адаптировалось к новым условиям.

Список источников

- [1] Башкиры в начале XXI века : Статистический сборник. — Уфа : Башкортостанстат, 2008. — 194 с.
- [2] Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. : Статистический сборник : в 2 ч. — Ч. II. — Уфа : Башкортостанстат, 2013. — 189 с.
- [4] Сафин Ф. Г. Чуваши Башкортостана: этносоциологические очерки / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиulina. — Уфа : Диалог, 2020. — 126 с.
- [4] Сафин Ф. Г. Этносоциальная структура чувашского населения в Башкортостане / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиulina // Вестник Чувашского университета. — 2021. — № 2. — С. 189–201.
- [5] Телятников Н. Б. Народы Саратовского Поволжья: современная демография // Вопросы статистики. — 2007. — № 4. — С. 64–67.
- [6] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» (январь 2014 г.)
- [7] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ноябрь 2018 г.).

References

- [1] Bashkiry` v nachale XXI veka : Statisticheskij sbornik [Bashkirs at the Beginning of the XXI Century : Statistical collection]. — Ufa : Bashkortostanstat, 2008. — 194 p.
- [2] Nacional`ny`j sostav i vladenie yazy`kami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Bashkortostan po danny`m Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 g. : Statisticheskij sbornik : v 2 ch. — Ch. II [Ethnic Composition and Language Skills, Citizenship of the Population of the Republic of Bashkortostan According to the 2010 All-Russian Population Census: Statistical collection : in 2 p. — Part II]. — Ufa : Bashkortostanstat, 2013. — 189 p.
- [4] Safin F. G. Chuvashi Bashkortostana: e`tnosociologicheskie ocherki / F. G. Safin, E`. A. Mukhtasarova, A. I. Xaliulina [Chuvash of Bashkortostan: Ethnosociological Essays / F. G. Safin, E. A. Mukhtasarova, A. I. Khaliulina]. — Ufa : Dialogue, 2020. — 126 p.
- [4] Safin F. G. E`tnosocial`naya struktura chuvashskogo naseleniya v Bashkortostane / F. G. Safin, E`. A. Mukhtasarova, A. I. Xaliulina [Ethnosocial Structure of the Chuvash Population in Bashkortostan / F. G. Safin, E. A. Mukhtasarova, A. I. Khaliulina] // Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. — 2021. — No. 2. — Pp. 189–201.
- [5] Telyatnikov N. B. Narody` Saratovskogo Povolzh`ya: sovremennaya demografiya [The Peoples of the Saratov Volga Region: Modern Demography] // Voprosy` statistiki [Statistical Issues]. — 2007. — No. 4. — P. 64–67.
- [6] E`tnosociologicheskij opros po issledovatel`skomu proektu "Sovremennyy`e e`tnokul`turnyy`e processy` v Bashkortostane: e`tnichnost`, identichnost` i tolerantnost`" (yanvar` 2014 g.) [Ethnosociological Survey on the Research Project "Modern Ethnocultural Processes in Bashkortostan: Ethnicity, Identity and Tolerance" (January 2014)].
- [7] E`tnosociologicheskij opros po issledovatel`skomu proektu "Sovremennyy`e e`tnosocial`ny`e processy` v Bashkortostane: social`no-e`konomicheskaya adaptaciya i social`noe samochuvstvie" (noyabr` 2018 g.). [Ethnosociological Survey on the Research Project "Modern Ethnosocial processes in Bashkortostan: Socio-Economic Adaptation and Social Well-Being" (November 2018)].

Информация об авторах

Ф. Г. Сафин — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела этнополитологии, профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета;

М. Н. Ишемгулов — младший научный сотрудник отдела этнополитологии;
Ф. Р. Кульшарипов — аспирант отдела этнополитологии.

Information about authors

F. G. Safin — Doctor of Science (Historical), Professor, Chief Researcher at the Department of Ethnopolitical Science; Professor at the Department of Philosophy, History and Social Engineering, Ufa State Petroleum Technical University;

M. N. Ishemgulov — Junior Researcher at the Department of Ethnopolitology;

F. R. Kulsharipov — postgraduate student at the Department of Ethnopolitology.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 28–33
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 28–33

Научная статья

УДК 331:364.2

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-28-33

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

Алексей Михайлович Кубланов^{1✉}

¹Воронежский государственный институт физической культуры, Воронеж, Россия, kublanoff@mail.ru✉

Аннотация. В настоящее время в условиях перехода к цифровым технологиям всех отраслей жизнедеятельности общества и решения задач повышения национальной конкурентоспособности, исследование аспектов формирования человеческого капитала России является актуальной темой в научной среде. Важным фактором формирования человеческого капитала выступает социальное благополучие — субъективно оцениваемый уровень счастья человека, его удовлетворенности собственным здоровьем, безопасностью, доступностью социальных благ, возможностей для индивидуального развития. В статье рассматриваются теоретические аспекты взаимного влияния социального благополучия и человеческого капитала. Даны определения изучаемых понятий, проанализированы публикации российских и зарубежных ученых по вопросам обеспечения социального благополучия и формирования человеческого капитала. Сделан вывод о том, что в условиях современных глобальных социально-экономических трендов социальное благополучие человека зависит от внешних факторов, что обуславливает необходимость проведения соответствующей социально-экономической политики, направленной на снижение негативного воздействия внешней среды и обеспечивающей устойчивое развитие и накопление человеческого капитала.

Ключевые слова: социальное благополучие, счастье, удовлетворенность, человеческий капитал, условия формирования, социальная политика

Для цитирования: Кубланов А. М. Социальное благополучие и человеческий капитал: взаимоусловленность и взаимовлияние // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 28–33. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-28-33>.

SOCIAL WELL-BEING AND HUMAN CAPITAL: INTERDEPENDENCE AND MUTUAL INFLUENCE

Aleksey Mikhailovich Kublanov^{1✉}

¹Voronezh State Institute of Physical Culture, Voronezh, Russia, kublanoff@mail.ru✉

Abstract. Currently, in the context of the transition to digital technologies in all sectors of society and solving the problems of increasing national competitiveness, the study of aspects of the formation of human capital in Russia is an urgent topic in the scientific community. An important factor in the formation of human capital is social well-being — a subjectively assessed level of happiness of a person, his satisfaction with his own health, safety, availability of social benefits, opportunities for individual development. The article discusses the theoretical aspects of the mutual influence of social well-being and human capital. Definitions of the studied concepts are given, publications of Russian and foreign scientists on the issues of ensuring social well-being and the formation of human capital are analyzed. It is concluded that in the conditions of modern global socio-economic trends, the social well-being of a person depends on external factors, which necessitates the implementation of appropriate socio-economic policies aimed at reducing the negative impact of the external environment and ensuring sustainable development and accumulation of human capital.

Keywords: social well-being, happiness, satisfaction, human capital, conditions of formation, social policy

For citation: Kublanov A. M. Social well-being and human capital: interdependence and mutual influence // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 28–33. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-28-33>.

В настоящее время в условиях перехода к цифровым технологиям всех отраслей жизнедеятельности общества и решения задач повышения национальной конкурентоспособности, исследование аспектов формирования человеческого капитала России является актуальной темой в научной среде. Важнейшим аспектом теории человеческого капитала по сей день остается разработка подходов и методов его количественной и качественной оценки. В этой связи анализируется влияние человеческого капитала на эффективность деятельности территорий, организаций и результатов деятельности отдельно взятого сотрудника [2].

Вопросы разработки методической базы прогнозирования дальнейшего развития человеческого капитала и формирования интеллектуального потенциала России, оценки влияния этих факторов на развитие общества, экономический рост национальной экономики и социальное благополучие граждан России в условиях цифровой трансформации и укрепления национальной конкурентоспособности занимают лучшие умы. Решение актуальных проблем, связанных со способами измерения человеческого капитала, оценкой интеллектуального потенциала, прогнозированием экономического развития под влиянием этих факторов, способно повысить конкурентоспособность России на международных рынках и продолжить социальное развитие с учетом тенденций и трендов национального и глобального продвижения.

Цель работы заключается в исследовании зависимости человеческого капитала от социального благополучия человека в быстроменяющемся современном мире.

В цифровой экономике важное значение приобретает не факт наличия человека, а качество выполняемой работы, именно поэтому определяющими факторами становятся: уровень и качество профессионального образования и подготовки, умения и навыки, позволяющие быть результативным и эффективным в рамках трудовой деятельности. Именно нематериальные активы в настоящее время становятся ключевыми источниками успешного

развития предпринимательства и цифровой экономики, выступая залогом конкурентоспособности на мировых рынках.

При этом, по мнению сторонников теории развития человеческого потенциала и человеческого капитала, возможность формирования необходимых профессиональных компетенций и развития профессиональных навыков обусловлена отнюдь не физическими и природными данными человека, а его стремлением к познанию, освоению профессии, благодаря обучению и специальной подготовке.

Понятие человеческого капитала в научном обороте используется с середины 60-х годов XX века. У истоков теории человеческого капитала стояли известные экономисты Т.-В. Шульц и Г.-С. Беккер. Человеческий капитал рассматривается посредством совокупности индивидуальных способностей и качеств человека и его вложений в собственное развитие. Человеческий капитал выступает как базис, который необходимо наращивать, то есть целесообразно использовать в той или иной сфере общественного воспроизводства, он во многом зависит от обучения и целенаправленного развития необходимых качеств.

В 1948 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определила социальное благополучие как один из нескольких аспектов общего состояния здоровья человека. Социальное благополучие определяется как самооценка индивида о его или ее отношениях с другими людьми, соседями и сообществом [9]. Социальное благополучие достигается тогда, когда удовлетворяются основные потребности людей. Основными компонентами социального благополучия являются — питание, жилье, образование, здоровье, досуг, социальная стабильность, избыточный доход, физическая среда, безопасность и т. д.

«Ключом к решению вопроса о том, является ли показатель социального благополучия частью здоровья индивида, является то, отражает ли этот показатель внутренние реакции на стимулы — чувства, мысли и поведение, отражающие удовлетворенность или неудовлетво-

ренность социальным окружением», — отмечают в своей работе американские ученые [7]. Термин «социальное благополучие» рассматривается как восприятие индивидом его или ее интеграции, согласованности, вклада в общество и общественные события с учетом его или ее принятия другими людьми, а также эволюции общества и потенциального прогресса с учетом аспектов актуализации.

По мнению С. В. Нотченко и Д. А. Добронос «понятие благополучия всегда характеризуется комфортным существованием и успешным функционированием каждого индивида в обществе. Такие понятия как „качество жизни” и „уровень жизни” показывают количество и качество благ, а также услуг, которые индивид или группа может приобрести в соответствии с располагаемым доходом. В отличие от них, понятие „благополучие” заключается в субъективной оценке уровня и качества жизни, индивидуального и социального статуса самим индивидом. Также можно данное понятие соотносить и с понятием счастья. Понятие „благополучие” имеет двойственное, субъективно-объективное содержание. Эта двойственность обусловлена изменчивостью во времени и пространстве» [6].

Концепция социального благополучия — это многомерная концепция, основная цель которой — охватить сложность социально-экологических систем. Общеизвестно, что социальное благополучие — это национальные и международные проблемы и условия, которые влияют как на местные сообщества, так и на отдельных людей. Развитие концепции социального благополучия подняло проблемы, связанные со структурным социальным неравенством, а введение таких показателей, как Индекс человеческого развития (англ. *Human Development Index (HDI)*), Валовое национальное счастье (англ. *Gross National Happiness (GNH)*) и пр. позволило производить оценку уровня социального благополучия в динамике и посредством факторного анализа.

Однако феномен социального благополучия состоит как из объективных, так и субъективных реалий: это коллективные ситуации процветания, счастья, хорошего здоровья, уровня жизни, качества жизни, благосостояния общества, уровня удовлетворенности людей в бли-

жайшем окружении или в обществе в целом. Социальное благополучие — это динамичный процесс, и он зависит от свободной воли людей, хотя существуют внешние обстоятельства, которые могут препятствовать этой возможности или серьезно повлиять на потенциал этого стремления. Таким образом, социальное благополучие зависит от качества жизни, счастья и удовлетворенности жизнью, и его основной целью является сокращение неравенства в обществе с повышенным вниманием к его устойчивому развитию.

Качество жизни является важной составляющей и широким выражением социального благополучия. Предпосылки к исследованиям социального благополучия присутствуют в работах ученых, начиная с античных веков и до настоящего времени. В последние несколько десятилетий ученые в области социальных и поведенческих наук обсуждали основные качества «идеального общества» и «идеальную жизнь» в контексте социального благополучия.

Согласно Аристотелю, для достижения «хорошей жизни» индивиду необходимо полностью реализовать свои потенциальные возможности, что известно как состояние эвдемонии. Но Эммануил Кант считал, что хорошей жизни или хорошего общества можно достичь, действуя в соответствии с моралью.

Существует три основных философских подхода к определению качества жизни (рис. 1).

Счастье является важным показателем общего благополучия человека. Счастье — это переходное состояние эмоций. По мнению ученых, удовлетворенность жизнью необходима для устойчивости демократий и для того, чтобы счастливые граждане уделяли больше времени волонтерству и иным социально значимым практикам, потому что социальное взаимодействие повышает всеобщее благополучие [8].

Единого общепринятого определения социального благополучия не существует. Социальное благополучие является широко распространенным, спорным, сложным и многомерным термином, который отражает совокупность прошлого жизненного опыта людей, нынешних жизненных ситуаций и будущих ожиданий, с основным вопросом о том, как они себя чувствуют и реализуют через разнообразные

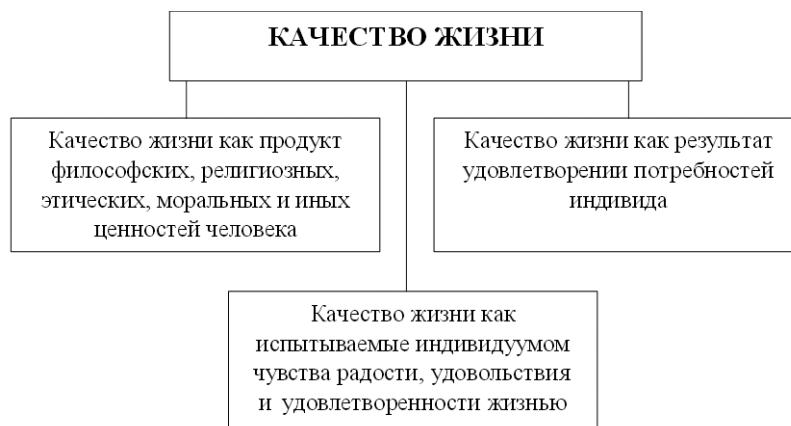

Рисунок 1 — Качество жизни в философских идеях
(Источник: составлено автором)

социально-трудовые функции. По мнению Д. В. Зайцева, И. Ю. Сурковой, Ю. В. Селивановой «социальное благополучие определяется не только экзогенными, но и, в первую очередь, эндогенными факторами, так как во многом это субъективная оценка степени удовлетворения потребностей человека и социальной группы» [1].

В макроэкономическом контексте социальное благополучие — это условия, при которых все люди (граждане) могут удовлетворять свои основные человеческие потребности (еда, жилье, медицинских услугах и пр.) с равным доступом и способны мирно сосуществовать в едином сообществе с возможностями для его развития и улучшения.

Социальное благополучие всегда рассматривалось как динамическая конструкция, которая изменяется под воздействием жизненных событий и ситуаций, с которыми сталкивается человек. Человеческий капитал, который призван обеспечить стабильный рост и сохранность благополучия человека в ряде сфер жизнедеятельности, рассматривался ранее как постоянное накопление, рост человеческого потенциала, что не разделяется современными исследователями.

Так, Я. И. Кузьминов, П. А. Сорокин и И. Д. Фрумин указывают, что «представление о человеке как „винтике“, который необходимо качественно и в соответствии со строгими стандартами изготовить и поместить в определенное место большого рыночного механизма, давно устарело. Человеческий капитал, сформированный таким подходом, с высокой веро-

ятностью окажется отрицательным: субъект с „жесткими“ и неорганичными ему компетенциями просто не найдет удовлетворительно оплачиваемой работы и рискует остаться во все безработным» [4].

В настоящее время идет постоянное изменение привычного рынка труда. Так прогнозируется, что к 2030 году уже не останется ни одной профессии, содержание которой не будет подвергнуто пересмотру из-за стремительной цифровой трансформации и расширения возможностей в технологическом плане. В современном мире уже трудно представить картину, когда полученных в вузе знаний будет хватать на протяжении всей трудовой деятельности. Работающие в настоящее время люди вынуждены постоянно повышать профессиональную квалификацию и овладевать новыми профессиональными умениями и навыками, что диктуется требованиями современного рынка труда и экономики [5]. И сегодня футурологами утверждается, что человек на протяжении своей профессиональной карьеры сменит не просто несколько мест работы, а будет вынужден освоить несколько профессий, которые могут кардинально различаться и требовать новых навыков и умений, что уводит, на наш взгляд, экономическую категорию «человеческий капитал» в область трансформации общества и социальных ценностей.

Стоит отметить, что кроме изменений, происходящих на рынке труда, которые требуют от человека постоянно совершенствовать свои знания, умения и навыки, актуализируются и изменения, связанные с вопросами неустой-

чивой и негарантированной занятости, что, в свою очередь, не может не отразиться на уровне социального благополучия.

Согласно данным, приведенным в докладе Всемирного банка [3], наблюдается значительный рост уровня общего благосостояния в мировом масштабе за период с 1995 по 2018 годы и отмечается тенденция, свидетельствующая о том, что страны со средним уровнем дохода догоняют государства с высоким уровнем дохода. Вместе с тем отмечается и рост неравенства в распределении мирового благосостояния. Так, доля государств с низким уровнем дохода в общем благосостоянии за период с 1995 по 2018 годы не претерпела существенного изменения и осталась на уровне ниже 1%, несмотря на тот факт, что в этих странах проживает около 8% мирового населения.

Рассматривая благосостояние россиян в 2020 году, следует отметить, что по оценкам Счетной палаты показатели благосостояния опустились на уровень результатов 2010–2011 годов и не восстановились до предкризисных данных 2014 года. В настоящее время социальные выплаты, а не повышение уровня жизни, удерживают от роста бедности в России. Так, доля социальных выплат в структуре

доходов россиян в 2020 году, по данным Счетной палаты, составила 20,8%.

Для эффективного развития человеческого капитала в России решающее значение имеют тенденции и структура спроса на рабочую силу. В этой связи планируется ряд дополнительных стимулирующих социальных мер в 2021–2024 годах, благодаря которым российская экономика может выйти на траекторию роста в 3,5–4,0%, не уступающего мировым темпам.

Таким образом, можно сделать ряд выводов:

- формирование и развитие человеческого капитала в макро-экономическом масштабе связано как персональными, индивидуальными характеристиками отдельного человека, так и с внешними факторами, процессами и явлениями;

- турбулентность современной социальной реальности и динамика глобальных социально-экономических процессов дестабилизируют устойчивость процесса формирования и развития человеческого капитала;

- в сложившихся условиях возрастает необходимость формирования и реализации социальной политики государства, направленной на сохранение социального благополучия граждан и их способности и возможности к накоплению человеческого капитала.

Список источников

- [1] Зайцев Д. В. Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в Приволжском районе / Д. В. Зайцев, И. Ю. Суркова, Ю. В. Селиванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2019. — Т. 19. — № 3. — С. 494–502.
- [2] Зоткина Н. С. Человеческий капитал как ведущий фактор развития компании // Н. С. Зоткина, М. С. Гусарова, А. В. Копытова. — Чебоксары : ИД «Среда», 2021. — 164 с.
- [3] Изменение уровня благосостояния наций 2021. Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия, 2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/dddcabc1cce33cb25afb9c8e2a5b4701-0320062021/original/2022000483RUSrus001-Executive-Summary.pdf>
- [4] Кузьминов Я. И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования / Я. И. Кузьминов, П. А. Сорокин, И. Д. Фрумин // Форсайт. — 2019. — Т. 13. — № 2. — С. 19–41.
- [5] Нигматуллин Ш. И. Социальная ответственность бизнеса как фактор управления человеческими ресурсами // Сб. мат-лов X Междунар. науч.-практич. конф. «Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы». — Уфа : Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2014. — С. 174–177.
- [6] Нотченко С. В., Добронос Д. А. Социальное благополучие и социальная защита в рамках моделей социальной помощи // Инновационная наука. — 2017. — № 11. — С. 165–168.
- [7] Diener E. The Satisfaction With Life Scale / E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen, S. Griffin // Journal of Personality Assessment. — 1985. — No. 49 (1). — Pp. 71–75.
- [8] Diener E. Subjective Well-being. The Science of Happiness and a Proposal for a National Index // American Psychologist. — 2000. — 55 (1). — Pp. 34–43.
- [9] Keyes C. Brief Description of the Mental Health Continuum Short Form (MHC-SF). — 2009 [Electronic resource]. — URL: <http://www.sociology.emory.edu/ckeyes/> (date of the application: November 12, 2021).

References

- [1] Zaitsev D. V. Social`no-e`konomicheskoe blagopoluchie i social`naya napryazhennost` v Privolzhskom rajone / D. V. Zaitsev, I. Yu. Surkova, Yu. V. Selivanova [Socio-Economic Well-Being and Social Tension in the Volga Region / D. V. Zaitsev, I. Yu. Surkova, Yu. V. Selivanova] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Sociologiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. — 2019. — Vol. 19. — No. 3. — Pp. 494–502.
- [2] Zotkina N. S. Chelovecheskij kapital kak vedushhij faktor razvitiya kompanii: monografiya / N. S. Zotkina, M. S. Gusarova, A. V. Kopy`tova [Human Capital as a Leading Factor in the Development of a Company / N. S. Zotkina, M. S. Gusarov, A. V. Kopytova]. — Cheboksary: Publishing House "Wednesday", 2021. — 164 p.
- [3] Izmenenie urovnya blagosostoyaniya nacij 2021. Vsemirny`j bank, Vashington, okrug Kolumbiya, 2021 [Changes in the Welfare of Nations 2021. World Bank, Washington, DC, 2021] [Electronic resource]. — URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/dddabc1cce33cb25afb9c8e2a5b4701-0320062021/original/2022000483RUSrus001-Executive-Summary.pdf>
- [4] Kuzminov Ya. I. Obshhie i special`ny`e navy`ki kak komponenty` chelovecheskogo kapitala: novy`e vy`zovy` dlya teorii i praktiki obrazovaniya / Ya. I. Kuz`minov, P. A. Sorokin, I. D. Frumin [General and Special Skills as Components of Human Capital: New Challenges for the Theory and Practice of Education / Ya. I. Kuzminov, P. A. Sorokin, I. D. Frumin] // Forsajt [Foresight]. — 2019. — Vol. 13. — No. 2. — Pp. 19–41.
- [5] Nigmatullin Sh. I. Social`naya otvetstvennost` biznesa kak faktor upravleniya chelovecheskimi resursami [Social Responsibility of Business as a Factor in Human Resource Management] // Sb. mat-lov X Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. "Molodezh` v sovremennom mire: problemy` i perspektivy`" [Collection of materials X International Scientific-Practical Conference "Youth in the Modern World: Problems and Prospects"]. — Ufa : Izd-vo BIST (filiala) OUP VO «ATISO», 2014. — Pp. 174–177.
- [6] Notchenko S. V., Dobronos D. A. Social`noe blagopoluchie i social`naya zashhita v ramkax modelej social`noj pomoshhi [Social Welfare and Social Protection in the Framework of Social Assistance Models] // Innovacionnaya nauka [Innovative Science]. — 2017. — No. 11. — Pp. 165–168.
- [7] Diener E. The Satisfaction With Life Scale / E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen, S. Griffin // Journal of Personality Assessment. — 1985. — No. 49 (1). — Pp. 71–75.
- [8] Diener E. Subjective Well-being. The Science of Happiness and a Proposal for a National Index // American Psychologist. — 2000. — 55 (1). — Pp. 34–43.
- [9] Keyes C. Brief Description of the Mental Health Continuum Short Form (MHC-SF). — 2009 [Electronic resource]. — URL: <http://www.sociology.emory.edu/ckeyes/> (date of the application: November 12, 2021).

Информация об авторах

А. М. Кубланов — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about authors

A. M. Kublanov — Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 34–42
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 34–42

Научная статья

УДК 336.221

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-34-42

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Евгения Анатольевна Протасова^{1✉}

¹Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Москва, Россия,
eaprotasova@gmail.com

Аннотация. В статье проведен критический анализ существующих подходов к налогообложению доходов самозанятых в России, разработаны пути совершенствования налогообложения самозанятости на основе подхода унификации. Предмет исследования — механизм налогообложения доходов самозанятых граждан. Объект исследования — система налогообложения самозанятости в России. Цель исследования — разработка путей совершенствования системы налогообложения самозанятости в России на основе критического анализа существующих подходов к налогообложению доходов самозанятых россиян. Задачи исследования: сравнительный анализ существующих подходов к налогообложению различных моделей самозанятости, оценка эффективности существующего подхода к налогообложению самозанятости в России, разработка путей совершенствования налогообложения доходов самозанятых граждан в России. В статье систематизированы положительные и отрицательные стороны подходов унификации и специализации в налогообложении различных моделей самозанятости. Выявлено, что существующую систему налогообложения в сфере самозанятости в России можно охарактеризовать как специализированную. Проведенное исследование показало, что путь унификации механизмов налогообложения самозанятых граждан в сложившихся социально-экономических условиях представляется более перспективным. Предлагаемая унификация налогообложения доходов физических лиц вне зависимости от их юридического статуса позволит решить не только проблему детенизации доходов самозанятых граждан, но и обеспечит справедливую систему налогообложения, стимулирующую вывод реальных налогов из «тени» для прочих категорий граждан, получающих доход.

Ключевые слова: самозанятость, самозанятое лицо, индивидуальный предприниматель, псевдосамозанятость, налогообложение самозанятости, система налогообложения доходов самозанятых лиц, налог на профессиональный доход, налог на доход физических лиц, унификация налогообложения, специализация налогообложения

Для цитирования: Протасова Е. А. Совершенствование системы налогообложения самозанятости в России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 34–42. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-34-42>.

IMPROVING THE SYSTEM OF TAXATION FOR SELF-EMPLOYMENT IN RUSSIA

Evgenia Anatolyevna Protasova^{1✉}

¹Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia, eaprotasova@gmail.com

Abstract. The article provides a critical analysis of the existing approaches to taxation of income of self-employed in Russia, developed ways to improve taxation of self-employment based on the unification approach. The subject of the research is the mechanism of taxation of income of self-employed citizens. The object of the research is the self-employment taxation system in Russia. The purpose of the study is to develop ways to

improve the taxation system for self-employment in Russia based on a critical analysis of existing approaches to taxation of income of self-employed Russians. Research objectives: comparative analysis of existing approaches to taxation of various models of self-employment, assessment of the effectiveness of the existing approach to taxation of self-employment in Russia, development of ways to improve taxation of income of self-employed citizens in Russia. The article systematizes the positive and negative aspects of the approaches of unification and specialization in taxation of various models of self-employment. It was revealed that the existing taxation system in the sphere of self-employment in Russia can be characterized as specialized. The study showed that the way of unifying the mechanisms of taxation of self-employed citizens in the current socio-economic conditions seems to be more promising. The proposed unification of taxation of income of individuals, regardless of their legal status, will not only solve the problem of shadowing the income of self-employed citizens, but also provide a fair taxation system that stimulates the withdrawal of real taxes from the “shadow” for other categories of citizens who receive income.

Keywords: self-employment, self-employed person, individual entrepreneur, pseudo-self-employment, taxation of self-employment, the system of taxation of income of self-employed persons, tax on professional income, tax on personal income, tax unification, specialization of taxation

For citation: Protasova E. A. Improving the system of taxation for self-employment in Russia // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 34–42. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-34-42>.

Общая тенденция современного рынка труда как в России, так и в глобальной экономике заключается в распространении нестандартных форм занятости, в частности — самозанятости. Это обусловлено, с одной стороны, развитием информационных технологий, позволяющих использовать наемный труд в удаленном режиме, а с другой — тенденцией к оптимизации затрат бизнеса, особенно в части тех функций, потребность в которых для конкретного бизнеса носит непостоянный характер. Сегмент самозанятости на современном рынке труда имеет выраженную тенденцию к росту, и это обусловлено не только возрастающим спросом со стороны работодателей, которые сокращают издержки бизнеса путем использования труда самозанятых, но и растущим предложением со стороны трудоспособного населения, предпочитающего данную форму занятости либо вынужденного к ней прибегнуть в силу растущей безработицы.

Развитие формального института самозанятости в России путем формализации неформальных и полужформальных институциональных образований в сфере самозанятости (иными словами, путем детенизации самозанятости) напрямую зависит от соответствия системы налогообложения самозанятых лиц актуальной экономической ситуации. Именно адекватная система налогообложения самозанятых может стать ключевым инструментом демаргинализации самозанятости в сложив-

шейся ситуации, которая, с одной стороны, характеризуется исключением достаточно широких слоев населения из системы государственного социального обеспечения, а с другой — недополучением доходов в государственный бюджет, а, следовательно, недостаточностью средств на финансирование социального обеспечения.

Отдельные аспекты налогообложения доходов самозанятых граждан в России изучали такие отечественные ученые, как В. В. Полякова, С. Л. Сумбатов, В. А. Басалаев [7], А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская [6], Н. В. Тонких, А. В. Бабинцева [8], Д. Е. Волков [1], Т. Ю. Карпова, Г. Э. Арбаев [3], и др., тем не менее, работ, посвященных критическому анализу существующих подходов к налогообложению доходов самозанятых россиян, а также разработке путей совершенствования налогообложения самозанятости, все еще недостаточно.

Цель статьи — разработка путей совершенствования системы налогообложения самозанятости в России на основе критического анализа существующих подходов к налогообложению доходов самозанятых россиян.

Анализируя существующую систему налогообложения самозанятости в России, необходимо учитывать широкое разнообразие моделей самозанятости, которые уже сформировались в экономике, а также высокую вероятность появления новых моделей, в том числе — за счет перехода в сферу самозанятости профессий,

которые традиционно действовали на рынке наемного труда. Грань между занятостью в качестве наемного сотрудника и самозанятостью в дальнейшем будет становиться все более тонкой, следовательно, это необходимо учесть в процессе разработки механизма налогообложения.

Здесь можно выделить два диаметрально противоположных подхода:

- разработка механизмов налогообложения с учетом специфики сферы деятельности (для одних профессий оптимальной является патентная система, для других — налогообложение в виде процента от валового дохода);
- унификация налогообложения доходов граждан (без разделения на самозанятых и наемных работников).

У каждого из этих подходов можно выделить следующие достоинства и недостатки, систематизированные в таблице 1.

Чем выше уровень унификации налогообложения доходов граждан, тем меньше возможностей для уклонения от уплаты налогов. При достижении максимального уровня унификации (в частности, это наблюдается в системе налогообложения доходов физических лиц в США), все граждане обязаны подавать налоговые декларации, при этом нет разделения на граждан, работающих по найму, по доходам ко-

торых отчитываются работодатели, и на самозанятых. В ситуации, когда все обязаны подавать декларации, уровень уклонения от уплаты налогов снижается. С другой стороны, чем более дифференцирована система, и чем больше отличаются правила отчетности для физических лиц в разном статусе, тем больше возможностей для ухода от налогообложения.

Унифицированные системы являются более гибкими и адаптивными, поскольку максимально уходят от привязки к механизму образования заработка, поэтому новые способы заработка, появляясь в экономике, не выпадают из правового поля на тот период, пока для них не будет разработано специальное налоговое законодательство (как это, в частности, наблюдается в системах специализированных налогов).

Соответственно, прозрачность унифицированной системы также выше, поскольку принципы налогообложения являются общими для всех граждан, отсутствует проблема выбора той или иной схемы налогообложения, нет различий из-за отличий в подходах к подаче налоговых документов. Но, с другой стороны, специализированные механизмы налогообложения позволяют самозанятым лицам выбирать наиболее удобные механизмы. В частности, для наиболее простых видов деятельности

Таблица 1 — Сравнительный анализ подходов к налогообложению различных моделей самозанятости

Параметр сравнения	Унификация	Специальные механизмы для отдельных моделей
Издержки внедрения	Ниже, поскольку не нужно прорабатывать отдельные механизмы налогообложения по базовым моделям	Выше: требуется расчет обоснованных ставок, стоимости патентов для разных видов деятельности и т. д.
Издержки функционирования	Затраты фискальной системы на сбор одного унифицированного налога ниже	Затраты фискальной системы на сбор целой системы налогов разных типов и с разными механизмами взыскания, значительно выше
Привлекательность для налогоплательщиков	Унифицированный налог (при условии обоснованного механизма расчета) воспринимается как более справедливый	Различные формы налогообложения (фиксированный патент, процент) удобнее для разных моделей самозанятости
Возможность уклонения от налогообложения	Ниже	Выше
Гибкость и адаптивность	Выше	Ниже
Прозрачность	Выше	Ниже

наиболее удобным является патентный механизм.

Таким образом, у каждого из этих подходов есть свои достоинства и недостатки, а их эффективность зависит от конкретных экономических условий.

Существующую систему налогообложения в сфере самозанятости в России мы можем охарактеризовать не как унифицированную, а как, скорее, специализированную, причем с возможностью выбора разных механизмов налогообложения в одних и тех же сферах деятельности. Самозанятый гражданин, при условии, что он не уклоняется от уплаты налогов, стоит перед выбором следующих вариантов: оформиться как индивидуальный предприниматель (ИП), платить налог на профессиональную деятельность, платить налог на доходы физических лиц (НДФЛ) на общих основаниях. Безусловно, этот выбор будет в пользу более низких ставок, но сам факт наличия возможности выбора говорит о том, что система налогообложения чрезмерно усложнена.

При этом введение новых налоговых механизмов практически не отражается на решении проблемы вывода самозанятых «из тени». Из 15 млн работающих «в тени» самозанятых граждан, по данным на сентябрь 2021 г., официально в качестве самозанятых зарегистрировались лишь 3 млн (20 %) [2].

Необходимо отметить, что в специальном налоговом режиме для самозанятых граждан «Налог на профессиональный доход» нет обязательных взносов в пенсионный фонд (пенсионное страхование является добровольным), а также любых других фиксированных платежей, не зависящих от суммы доходов самозанятого лица (при том, что на участников данного налогового режима распространяется обязательное медицинское страхование). Налоговые ставки фиксированы на десятилетний период, то есть самозанятые лица могут не опасаться их повышения, кроме того, они достаточно низки (особенно, если учесть возможность налогового вычета в размере 10 000 руб., который действует в первые месяцы): они составляют 4 % (для самозанятых, работающих с физическими лицами) и 6 % для самозанятых, работающих с ИП и юридическими лицами [5].

Тем не менее, несмотря на все преимущества данного налогового режима, за время, прошедшее с момента его внедрения в 2019 году, в качестве самозанятого зарегистрировался лишь каждый пятый. Это говорит о том, что в условиях Российской Федерации доминирующий подход к налоговой специализации в сфере налогообложения физических лиц до сих пор не продемонстрировал надлежащего уровня эффективности. И это при том, что разнообразие налоговых механизмов приводит к возрастанию издержек на функционирование налоговой системы. Каждый новый налоговый режим требует администрирования и контроля, что влечет дополнительные издержки даже в условиях цифровизации.

Поэтому путь унификации механизмов налогообложения самозанятых граждан в сложившихся социально-экономических условиях представляется более перспективным.

Необходимо отметить, что унификацию в сфере налогообложения доходов самозанятых лиц можно рассматривать как более узко, так и более широко. Рассмотрим различные варианты.

Под унифицированным налогом на доходы самозанятых граждан мы подразумеваем четыре возможные модели налогообложения:

- унифицированный налог для самозанятых лиц (в качестве частного случая которого можно рассматривать налог на профессиональный доход);
- унифицированный налог на доход граждан (модифицированный налог на доход физических лиц, охватывающий как самозанятых, так и работающих по найму);
- унифицированный налог на доход самозанятых граждан и предпринимателей, работающих без образования юридического лица (индивидуальных предпринимателей);
- унифицированный налог на доход граждан (работающих по найму, самозанятых, индивидуальных предпринимателей).

По сути, налог на профессиональный доход самозанятых лиц, действующий в настоящее время в России, является унифицированным налогом на доход самозанятых и ИП, причем спектр видов экономической деятельности, которые допускают использование данного налогового режима, чрезвычайно широк [5].

Это означает, что данный режим налогообложения рассматривает самозанятость в достаточно широком смысле, при этом дефиниции «самозанятость» и «индивидуальное предпринимательство» рассматриваются как практически эквивалентные формы занятости, отличающиеся лишь юридическим статусом, определяющим налоговый режим. Это в очередной раз демонстрирует, насколько остро стоит вопрос законодательного определения дефиниции «самозанятость» в российской юридической практике.

Безусловно, как один из вариантов универсализации налогообложения самозанятости, налоговый режим «Налог на профессиональный доход самозанятых» является значимым шагом вперед на пути совершенствования отечественной системы налогообложения (в сфере налогообложения доходов граждан). Тем не менее, как показала практика уже с первых лет его внедрения, единый подход в сфере налогообложения самозанятых и индивидуальных предпринимателей оказался недостаточным.

Внедрение данного режима налогообложения повлекло за собой активизацию псевдосамозанятости, поскольку в целом ряде сфер экономической деятельности, на которые распространяется данный налоговый режим, перед работодателями открылась новая возможность налоговой оптимизации. Уход от традиционного оформления сотрудника позволяет работодателю сэкономить на отчислениях в социальные фонды, обеспечив при этом своим сотрудникам более конкурентоспособный уровень зарплаты. При этом сотрудники, которым работодатели предлагают оформить статус самозанятого лица, оказывающего услуги ИП либо юридическому лицу, как правило, тоже выигрывают, поскольку разница между налогообложением по НДФЛ (13%) и налогом на доход самозанятого, контрагентами которого выступает юрлицо или ИП как фактический работодатель (6%) является достаточно существенной, при том, что для такого псевдосамозанятого сотрудника остается доступным пакет услуг по медицинскому страхованию.

Таким образом, законодательная инициатива, направленная на детенизацию доходов граждан, создала лазейку для уклонения от

уплаты налогов для работодателей, которые не преминули ею воспользоваться. Косвенным доказательством этого может служить тот факт, что, по первоначальным оценкам Росстата, численность самозанятых, подпадающих под данный налоговый режим, изначально составляла порядка 1,2 млн граждан (приблизительно десятая часть от общей численности самозанятых) [4], а уже через два года действия налогового режима число зарегистрированных самозанятых плательщиков налога на профессиональный доход составила 3 млн граждан [2].

Отсюда можно сделать вывод, что либо первоначальные оценки были неверны, либо масштабы использования данного налогового режима для псевдосамозанятых наемных работников весьма значительны. В последнем случае, цифра 3 млн зарегистрированных самозанятых может оказаться не показателем успешной реализации эксперимента по внедрению налогового режима «Налог на профессиональный доход самозанятых», а свидетельством массового ухода от налогообложения работодателями в сферах, на которые распространяется данный налоговый режим, путем использования псевдосамозанятости как инструмента налоговой оптимизации.

Причем юридически такая псевдосамозанятость, при условии оформления договоров аренды и других гражданско-правовых договоров, является абсолютно правомерной. Более того, со временем она может привести к реальному переходу на использование модели самозанятости в данных сферах экономической деятельности, что соответствует общемировым тенденциям трансформации традиционного рынка труда. Грань между самозанятостью и псевдосамозанятостью будет все более стираться, поэтому строить систему налогообложения доходов граждан на дихотомии «самозанятые — наемные работники» не имеет смысла, тем более что при этом нарушается принцип социальной справедливости.

Фактически в настоящее время в Российской Федерации разница между налогом на доход физических лиц, работающих по найму и получающих другие доходы в сферах, не подпадающих под действие налогового режима «Налог на профессиональный доход», (НДФЛ

13%), и налогом на профессиональный доход самозанятых (6 или 4% — в зависимости от юридического статуса контрагентов самозанятого лица) весьма ощутима.

Официально оформленные наемные работники отчуждают значительно большую часть своего заработка (то есть испытывают значительно большее налоговое давление), чем псевдосамозанятые наемные работники или реально самозанятые лица. И это не считая обязательных отчислений в социальные фонды, которые для лиц, имеющих статус самозанятых, обязательными не являются. По мере роста числа зарегистрированных самозанятых такая разница в налогообложении доходов граждан будет приводить к росту социальной напряженности в обществе, поскольку для таких диспропорций в налогообложении нет никаких социально либо экономически оправданных оснований. Безусловно, низкие ставки по налогообложению самозанятых выступают инструментом стимулирования для оформления официального статуса, что способствует детенизации самозанятости. Но если учесть, как возможности данного налогового статуса были использованы некоторыми работодателями, такая разница является неоправданной и несправедливой по отношению к тем наемным работникам, работодатели которых либо не хотят, либо не могут прибегнуть к такой налоговой оптимизации.

Таким образом, налогообложение доходов граждан требует дальнейшей унификации, которая бы охватила все категории физических лиц, получающих доход: самозанятых, ИП, наемных работников, псевдосамозанятых наемных работников, а также граждан, получающих иные доходы.

Поскольку по закону налоговый режим «Налог на профессиональный доход самозанятых» не предусматривает возможность изменения налоговых ставок в сторону увеличения в течение десятилетнего периода, предлагаемая унификация доходов граждан либо должна быть отложена до окончания данного периода, либо должна идти по пути уменьшения ставок НДФЛ до уровня ставок налога на профессиональный доход самозанятых.

У каждого из этих вариантов есть свои недостатки.

Если отложить унификацию системы налогообложения граждан до 2029 года, это приведет к следующим негативным социально-экономическим последствиям:

- рост социальной напряженности по мере распространения псевдосамозанятости, обусловленный значительной разницей в уровне налогообложения доходов работающих по найму граждан и доходов самозанятых и псевдосамозанятых наемных работников, а также правом добровольного выбора для самозанятых и псевдосамозанятых относительно уплаты отчислений в социальные фонды (которого лишены лица, работающие по найму);

- рост социальной напряженности в силу того, что участие разных категорий работающих лиц в финансировании социальных благ существенно отличается, а доступ к этим благам сохраняется для всех;

- недополучение налоговых платежей в бюджет в результате использования работодателями моделей псевдосамозанятости, что предполагает более низкие ставки налога на доходы граждан, а, следовательно, позволяет варьировать уровнем «чистой зарплаты» и/или повышает конкурентоспособность работодателя на рынке труда при сохранении затрат на труд на том же уровне;

- недополучение платежей в фонды социального страхования, поскольку налоговый режим «Налог на профессиональный доход самозанятых» позволяет добровольно решать вопрос таких отчислений самим самозанятым лицам (фактический работодатель, использующий модель псевдосамозанятости, вообще не касается вопросов социального страхования фактических сотрудников);

- несоблюдение трудового законодательства: переход на модель псевдосамозанятости позволяет фактическому работодателю сохранить все рычаги воздействия на номинально самозанятых сотрудников, но при этом существенно сокращает его обязанности (в части нормирования рабочего времени, условий труда, предоставления больничных и отпусков, увольнения и т. д.); традиционные модели «работодатель — работник» в условиях псевдосамозанятости претерпевают существенную трансформацию не в пользу работника.

В случае если унификация будет проводится в более короткие сроки по пути сокращения ставок НДФЛ до уровня ставок на доход самозанятых, а также путем введения права для всех граждан добровольно принимать решение об отчислениях в социальные фонды, также возникает ряд проблем, таких как:

- существенное сокращение налоговых поступлений от НДФЛ в бюджеты разного уровня (региональный и местный бюджеты), что, с учетом его значимости, потребует кардинального пересмотра бюджетной политики;

- необходимость кардинальной перестройки системы социального страхования, поскольку переход на принципы добровольности с высокой долей вероятности повлечет за собой существенное сокращение отчислений в государственные социальные фонды.

Безусловно, означенные проблемы являются достаточно серьезными, но их решение позволит усовершенствовать механизм функционирования многих государственных институтов, в том числе и за счет окончательной утраты государственными органами монопольного положения в ключевых сферах социального обеспечения, что, в конечном итоге, должно привести к совершенствованию формальных институтов и повышению эффективности их работы в таких сферах, как пенсионное обеспечение, медицинское обеспечение и т. д.

Таким образом, совершенствование системы налогообложения самозанятости по пути унификации системы налогообложения доходов граждан в целом, невзирая на ряд проблем, которые оно порождает, в конечном итоге послужит целям совершенствования и развития многих других государственных институтов в сфере социального обеспечения.

Итак, в качестве комплекса мер по совершенствованию системы налогообложения профессионального дохода самозанятых лиц с целью устранения социальной несправедливости, которые породил налоговый режим «Налог на профессиональный доход», а также с целью предотвращения распространения явления псевдосамозанятости, мы предлагаем унифицировать систему налогообложения доходов граждан (самозанятых, ИП, наемных работников, а также лиц, получающих доход из

иных законодательно разрешенных источников) путем снижения ставки НДФЛ в среднесрочном периоде, а также путем повышения ставок налога на профессиональный доход в долгосрочном периоде и путем предоставления права всем работающим лицам (а не только самозанятым) добровольно принимать решения об отчислениях в фонды социального страхования.

Поэтапную унификацию ставок НДФЛ и налога на профессиональный доход предлагается проводить по следующей схеме:

- на первом этапе (в среднесрочном 5-летнем периоде) — снижение НДФЛ до 12 %;

- на втором этапе (в долгосрочном 8-летнем периоде, после истечения десятилетнего запрета на повышение ставки налога на профессиональный доход) — повышение налога на профессиональный доход до 8 %;

- на третьем этапе (в долгосрочном 12-летнем периоде) — унификация ставок НДФЛ и налога на профессиональный доход на уровне 10 %.

Такое распределение во времени позволит минимизировать отрицательные эффекты от сокращения доходов региональных бюджетов и даст время на поиск и развитие альтернативных источников финансирования, а также на разработку мероприятий по повышению эффективности использования бюджетных ресурсов. Кроме того, снижение ставок НДФЛ не означает сокращения доходов бюджета, поскольку сокращение уровня налоговой нагрузки с одновременным введением права добровольных отчислений в пенсионный фонд для всех категорий работающих лиц будет иметь следствием детенизацию доходов граждан, поскольку в настоящих условиях часть доходов работников уплачивается неофициально, что приводит к недополучению налоговых поступлений в бюджет. Сбалансированное снижение ставок НДФЛ с последующим повышением ставок налога на профессиональный доход не только позволит обеспечить социальную справедливость в налогообложении доходов граждан, но и нивелирует предпосылки для тенизации доходов граждан.

Кроме того, успешная практика в части цифровизации налогообложения плательщиков налога на профессиональный доход позволяет до-

полнить данный комплекс мероприятий предложением о распространении данного подхода на все категории работающих: как самозанятых, так и наемных работников. Цифровизация налогообложения наемных работников позволит полностью уйти от участия в данном процессе работодателей, что до сих пор порождало и продолжает порождать разнообразные спекуляции со стороны последних, теннизацию и сокрытие реальных доходов работников путем разделения зарплаты на «официальную» и «неофициальную» части, а также к сокращению налоговых источников поступлений в бюджет.

Переход на цифровизацию налогообложения всех категорий работающих позволит вывести работодателя как излишнее звено из системы отношений «налогоплательщик — физлицо — государство», тем самым, сократив возможности теннизации фактических доходов физических лиц. Детенизация налогов граждан может рассматриваться как один из резервов компенсации сокращения налоговых поступлений, которые могут возникнуть вследствие поэтапного снижения налоговых ставок НДФЛ до уровня налога на профессиональный доход. Более низкие ставки послужат веским стимулом к тому, чтобы легализовать реальный уровень дохода, избавившись тем самым

от риска уплаты штрафов за несоблюдение налогового законодательства.

Реальные масштабы уклонения от уплаты налогов граждан обусловлены далеко не только явлением неофициальной самозанятости, но и такими явлениями, как неофициальное трудоустройство либо официальное трудоустройство с частичным сокрытием зарплаты. Поэтому целесообразно реформировать не только налогообложение самозанятых, но и налогообложение всех физических лиц, получающих доход.

Именно отсутствие комплексности и унифицированных подходов в решении данных вопросов приводит к таким явлениям, как псевдосамозанятость реально работающих по найму граждан, уклонение от уплаты налогов и обязательных платежей в социальные фонды, рост социального напряжения между лицами, трудоустроенными по разным моделям. Предлагаемая унификация налогообложения доходов физических лиц вне зависимости от их юридического статуса позволит решить не только проблему детенизации доходов самозанятых граждан, но и обеспечит справедливую систему налогообложения, стимулирующую вывод реальных налогов из «тени» для прочих категорий граждан, получающих доход.

Список источников

- [1] Волков Д. Е. Отрицательные и положительные стороны специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otritsatelnye-i-polozhitelnye-storony-spetsialnogo-nalogovogo-rezhima-nalog-na-professionalnyy-dohod/viewer> (дата обращения: 01.11.2021).
- [2] В России зарегистрировались 3 миллиона самозанятых [Электронный ресурс]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11275333/ (дата обращения 01.11.2021).
- [3] Карпова Т. Ю., Арбаев Г. Э. Самозанятость в Российской Федерации: проблемы и пути развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-puti-razvitiya/viewer> (дата обращения: 01.11.2021).
- [4] Налог для самозанятых: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/484954/> (дата обращения 01.11.2021).
- [5] Официальный сайт «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс]. — URL: <https://npd.nalog.ru/> (дата обращения 01.11.2021).
- [6] Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hse.ru/data/2020/03/20/1567702119/%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%B4%D0%B0,%20%D0%97%D1%8B%D0%B1%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%201-2020.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).
- [7] Полякова В. В. Финансовые аспекты становления института самозанятости / В. В. Полякова, С. Л. Сумбатян, В. А. Басалаев [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-aspekty-stanovleniya-instituta-samozanyatosti/viewer> (дата обращения: 01.11.2021).
- [8] Тонких Н. В., Бабинцева А. В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie>

samozanyatosti-naseleniya-v-rossiyskoy-federatsii-obschie-i-chastnye-problemy/viewer (дата обращения 01.11.2021).

References

- [1] *Volkov D. Ye.* Otriczatel'ny'e i polozhitel'ny'e storony` special'nogo nalogovogo rezhima "Nalog na professional'ny`j dohod" [Negative and Positive Aspects of the Special Tax Regime "Tax on Professional Income"] [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otritsatelnye-i-polozhitelnye-storony-spetsialnogo-nalogovogo-rezhima-nalog-na-professionalnyy-dohod/viewer> (date of the application: November 1, 2021).
- [2] *V Rossii zaregistrovalis` 3 milliona samozanyaty`x* [There are 3 Million Self-Employed Registered in Russia] [Electronic resource]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11275333/ (date of the application: November 1, 2021).
- [3] *Karpova T. Yu., Arbaev G. E.* Samozanyatost` v Rossijskoj Federacii: problemy` i puti razvitiya [Self-Employment in the Russian Federation: Problems and Ways of Development] [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-puti-razvitiya/viewer> (date of the application: November 1, 2021).
- [4] *Nalog dlya samozanyaty`x: plyusy` i minusy`* [Tax for Self-Employed: Pros and Cons] [Electronic resource]. — URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/484954/> (date of the application: November 1, 2021).
- [5] *Oficial'ny`j sajt "Nalog na professional'ny`j dohod"* [Official site "Tax on Professional Income"] [Electronic resource]. — URL: <https://npd.nalog.ru/> (date of the application: November 1, 2021).
- [6] *Pokida A. N., Zybunovskaya N. V.* Regulirovanie deyatel'nosti samozanyaty`x grazhdan [Regulation of the Activities of Self-Employed Citizens] [Electronic resource]. — URL: <https://www.hse.ru/data/2020/03/20/1567702119/%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%B4%D0%B0,%20%D0%97%D1%8B%D0%B1%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%201-2020.pdf> (date of the application: November 1, 2021).
- [7] *Polyakova V. V.* Finansovy`e aspekty` stanovleniya instituta samozanyatosti / *V. V. Polyakova, S. L. Sumbatyan, V. A. Basalaev* [Financial Aspects of the Establishment of the Institution of Self-Employment / *V. V. Polyakova, S. L. Sumbatyan, V. A. Basalaev*] [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovy-e-aspekty-stanovleniya-instituta-samozanyatosti/viewer> (date of the application: November 1, 2021).
- [8] *Tonkikh N. V., Babintseva A. V.* Issledovanie samozanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii: obshhie i chastny`e problemy` [Research of the Population's Self-Employment in the Russian Federation: General and Particular Problems] [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-samozanyatosti-naseleniya-v-rossiyskoy-federatsii-obschie-i-chastnye-problemy/viewer> (date of the application: November 1, 2021).

Информация об авторах

Е. А. Протасова — аспирант факультета экономики, финансовый директор ООО «Эйр групп».

Information about authors

E. A. Protasova — postgraduate student at the Economic Faculty, Financial Director of Air Group LLC.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 14.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 14.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 43–51
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 43–51

Научная статья
УДК 331.104(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-43-51

ОТРАСЛЕВЫЕ ФОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Роман Владимирович Калякулин^{1✉}

¹Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия, specprocess@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0758-8359>

Аннотация. В настоящей статье автором исследуется система регулирования социально-трудовых отношений на отраслевых предприятиях машиностроительной промышленности региона. Проведено изучение вклада промышленного потенциала машиностроительной отрасли в экономику региона и страны. Анализируются цели и задачи профсоюзов в системе социального партнерства, законодательные и правовые акты, регулирующие вопросы трудовых отношений на региональном уровне, показана структура республиканской отраслевой трехсторонней комиссии и представлены примеры исполнения республиканских отраслевых соглашений и коллективных договоров предприятий. Автором определены возможные риски возникновения правовой неопределенности регулирования социально-трудовых отношений на региональном отраслевом уровне. Сформулированы и предложены новые формы и механизмы взаимодействия с российскими промышленными корпорациями для решения социально-экономических вопросов трудовых коллективов. Одним из ключевых ориентиров становится заключение корпоративных соглашений.

Ключевые слова: авиационная промышленность, машиностроение, ГК «Ростех», профсоюзы, трудовые отношения, отрасль, социальное партнерство, соглашение, коллективный договор, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Калякулин Р. В. Отраслевые формы регулирования социально-трудовых отношений: региональный аспект // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 43–51. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-43-51>.

SECTORAL FORMS OF REGULATION OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS: REGIONAL ASPECT

Roman Vladimirovich Kalyakulin^{1✉}

¹Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia, specprocess@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0758-8359>

Abstract. In this article, the author examines the system of regulation of social and labor relations at sectoral enterprises of the machine-building industry in the region. The study of the contribution of the industrial potential of the machine-building industry to the economy of the region and the country has been carried out. The goals and objectives of trade unions in the system of social partnership, legislative and legal acts regulating labor relations at the regional level are analyzed, the structure of the republican sectoral tripartite commission is shown and examples of the implementation of republican sectoral agreements and collective agreements of enterprises are presented. The author identified the possible risks of legal uncertainty in the regulation of social and labor relations at the regional sectoral level. New forms and mechanisms of interaction with Russian industrial corporations for solving social and economic issues of labor collectives have been formulated and proposed. The conclusion of corporate agreements is becoming one of the key benchmarks.

Keywords: aviation industry, mechanical engineering, Rostec State Corporation, trade unions, labor relations, industry, social partnership, agreement, collective agreement, socio-economic development

For citation: Kalyakulin R. V. Sectoral forms of regulation of social and labor relations: regional aspect // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 43–51. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-43-51>.

Система регулирования социально-трудовых отношений является сложной системой отношений, возникающих в процессе производственной, экономической, социальной и общественно-политической деятельности. Данная система направлена на обеспечение высокого уровня и качества жизни конкретного человека, трудового коллектива и общества в целом. Без стабильной, конструктивной и слаженной работы внутри трудового коллектива конкретного предприятия сложно достичь социально-экономического эффекта, особенно, если вести речь о трудовых коллективах промышленных предприятий.

Характеризуя промышленный потенциал Республики Башкортостан, следует отметить многоотраслевой характер экономики региона, включающей в себя не только топливно-энергетический, но и мощный машиностроительный комплекс, объединяющий предприятия разных видов экономической деятельности (ВЭД) — производство машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и готовых металлических изделий. Отраслевые предприятия, находящиеся на территории региона, занимают ведущие позиции в стране, поэтому машиностроение всегда являлось для республики одним из ключевых видов промышленного производства, наиболее динамично развивающимся, наукоемким и конкурентоспособным видом деятельности, насчитывающим 1300 предприятий, территориально-обособленных подразделений и производств, из которых более 100 относится к крупным и средним самостоятельным предприятиям.

Республика имеет самую большую долю предприятий нефтегазового машиностроения и авиастроения в Российской Федерации и является лидером по производству газотурбинных двигателей, автобетоносмесителей (70 % от всех произведенных в Российской

Федерации), занимает 2-е место по выпуску автобусов и вертолетов, 3-е место — талей и подъемников, кузовов для автотранспортных средств среди производителей страны. На долю республики приходится 25 % производства универсальных электродвигателей. Качественная продукция и новейшие разработки предприятий оборонно-промышленного комплекса, находящихся на территории региона, внедрение систем трехмерного моделирования, автоматизированного проектирования, управления качеством, проектными, инженерными данными и жизненным циклом изделий вносят значительный вклад в укрепление обороноспособности страны.

Так, за январь-август 2020 г. предприятиями машиностроительного комплекса было отгружено инновационной продукции на 24,6 млрд руб., что на 15,9 %, в действующих ценах, больше чем в январе-августе 2019 года. При этом ее доля в общем объеме всей отгруженной продукции машиностроения составила 22,6 % против 18,8 % в январе-августе 2019 г. [7–8].

Благодаря наукоемким сферам деятельности, где востребован интеллектуальный потенциал инженеров, конструкторов, технологов и квалифицированных рабочих кадров, Республика Башкортостан имеет статус индустриально развитого региона.

Всего, по данным Башкортостанстата, в машиностроении региона занято 60,5 тыс. чел., или около четверти занятых в промышленном секторе и 5,7 % от среднесписочной численности работников в целом по республике [8].

Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации трудовое законодательство отнесено к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, соответственно, круг отношений регулируется как федеральным, так и региональным законодательством. Региональная система регулирования социально-трудовых отношений в машиностроительной и оборонной промышленности, с точки зрения действующей

Рисунок 1 — Показатели отгруженной продукции предприятиями машиностроительного комплекса Республики Башкортостан в 2020 году (Источник: [7])

щего законодательства, базируется на ст. 75.1 Конституции Российской Федерации, Трудовом кодексе Российской Федерации (ТК РФ) от 30.12.2001 № 197-ФЗ и Законе Республики Башкортостан от 06.12.2005 № 252-з [1–2].

Правовыми актами, способствующими развитию системы социального партнерства в сфере труда, являются Постановление Правительства Республики Башкортостан от 30.01.2020 № 52, Указ Главы Республики Башкортостан от 20.10.2021 № УГ-605 [3–4].

В тоже время практическое наполнение правового поля региональной отраслевой системы регулирования социально-трудовых отношений достигается за счет коллективно-договорной формы, широко применяемой профсоюзными организациями. Для усиления социально-экономической защищенности работников приняты Республиканское отраслевое соглашение по машиностроительной и оборонной промышленности Республики Башкортостан на 2020–2022 годы (Отраслевое соглашение), заключенное на региональном уровне социального партнерства и коллективные договоры отраслевых предприятий.

Дополнена система соглашениями территориального уровня (например, Территориальное соглашение по г. Уфа на 2020–2022 годы). В целях совершенствования форм социального партнерства заключены двусторонние

соглашения между РОБ Роспрофавиа и Минпромэнерго Республики Башкортостан, АО «КумАПП», АО «УНПП „Молния”», ПАО «ОДК-УМПО» и АО «УППО», а также соглашения о гарантиях для членов профсоюза с АО «КумАПП» и АО «УНПП „Молния”». В силу ст. ст. 40, 45 ТК РФ соглашения и коллективные договоры приобретают статус правовых актов с момента их заключения и введения в действие.

Целью соглашений является обеспечение социально-экономических интересов и трудовых прав работников в части справедливой и своевременной оплаты труда, охраны труда, обеспечения занятости, социальных гарантий, укрепления трудовой дисциплины и предотвращения трудовых конфликтов. При этом работодателей (предприятий, организаций), не присоединившимся к действию указанных соглашений, в регионе не зафиксировано.

Сторонами Отраслевого соглашения выступают Республиканские организации профсоюзов, представляющие работников, Республиканское объединение работодателей в лице регионального отделения «СоюзМашРоссии» и Республиканский орган исполнительной власти в лице Минпромэнерго Республики Башкортостан. Контроль осуществляется Сторонами, Министерством семьи и труда Республики Башкортостан и Республиканской трехсторонней отраслевой комиссией (Отраслевой

комиссией) по регулированию социально-трудовых отношений в машиностроительной промышленности Республики Башкортостан, образованной на паритетной основе из представителей каждой из Сторон, состав которой утвержден совместным решением от 18 февраля 2020 г. [9].

Стоит отметить, что рабочие заседания Отраслевой комиссии в период с 2014 по 2019 годы проходили не реже трех-четырёх раз в год, что позволяло проводить скоординированную работу между сторонами по выработке и принятию оперативных решений, направленных на защиту социально-экономических интересов трудовых коллективов. На региональном отраслевом уровне сторона работников представлена двумя республиканскими профсоюзными организациями (РОБ Роспрофавиа и Роспрофпром-Башкортостан), объединяющими, в свою очередь, крупные первичные профсоюзные организации таких машиностроительных предприятий, как: ПАО «ОДК-УМПО», ПАО «НЕФАЗ», АО «КумАПП», АО «УАП «Гидравлика», АО «БелЗАН», АО «УАПО», АО «УППО», АО «УНПП „Молния”», ООО «Палфингер Кама Цилиндры», АО «ИНМАН», ООО «СалаватГидравлика», ООО «НПО Станкостроение», ЗАО «БЗРП», ЗАО «БПО «Прогресс»», АО «НИИ «Солитон», ООО «ГеоспейсТехнолоджис Евразия» и др.

Так, в 2020 году на предприятиях (в организациях) присутствия РОБ Роспрофавиа, относящихся по ВЭД к машиностроению, действовало 11 коллективных договоров, распространяющихся на 37 тыс. работников. На предприятиях (в организациях) присутствия Роспрофпром-Башкортостан, с учетом легкой промышленности, действовало 20 коллективных договоров, охватывающих 17 тыс. работников. Соответственно, в коллективно-договорном процессе указанные профсоюзные организации представляют абсолютное большинство наемных работников машиностроения.

В соответствии с указанными правовыми актами, представителям профсоюза была обеспечена возможность посещать предприятия для осуществления контроля выполнения работодателями трудового законодательства, соглашений и коллективных договоров. Так, например, к основным индикаторам по оплате труда Соглашение относит:

- гарантированный размер минимальной заработной платы на уровне не ниже величины регионального прожиточного уровня трудоспособного населения (ПМ ТН), без учета доплат за условия труда, отклоняющихся от нормальных;

- применение работодателями межотраслевых соотношений и размеров тарифных ставок 1-го разряда рабочих основных профессий, установленных Республиканской трехсторонней комиссией по Республиканскому соглашению;

- ежегодную индексацию заработной платы на величину не менее индекса потребительских цен в регионе;

- покупательную способность заработной платы, т.е. достижение средней заработной платы до уровня не ниже четырех ПМ ТН;

- долю тарифной части в структуре заработной платы не менее 60 % [6].

По результатам профсоюзного мониторинга социально-экономической ситуации и уровня заработной платы в 2020 году отмечено, что самый высокий уровень среднемесячной заработной платы достигнут в АО «ИНМАН» — 62 068 руб., АО «УНПП „Молния”» — 57 159 руб. Наиболее высокий уровень заработной платы основных производственных рабочих достигнут в НПА «Технопарк авиационных технологий» — 57 964 руб. При этом средняя заработная плата в 2020 году в регионе составила 37 656 руб. Индексация тарифных ставок (окладов) проводилась в ПАО «ОДК-УМПО», ПАО «НЕФАЗ», АО «КумАПП», АО «УАП «Гидравлика», АО «УАПО», АО «БелЗАН», АО «МК «Витязь», АО «УНПП „Молния”», ЗАО «БПО «Прогресс», ООО «СалаватГидравлика». Выработка на одного работающего нарастающим итогом за 2020 год сложилась на уровне от 800 тыс. руб. (АО «НИИТ») до 4311 тыс. руб. (ПАО «ОДК-УМПО»). В 2020 году коллективных обращений, спровоцированных неурегулированными социально-трудовыми ситуациями, со стороны работников предприятий не поступало.

23 ноября 2007 г. принят Федеральный закон № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех», который внес новые

формы в систему регулирования социально-трудовых отношений.

Так, в ГК «Ростех» были сформированы дочерние холдинговые компании и интегрированные структуры (ИС), которые наделялись правом принятия управленческих решений, напрямую затрагивающих трудовые отношения внутри предприятий, находящихся в контуре управления ИС. Формирование ИС и передача активов региональных предприятий завершились в 2013–2014 годах. Предприятия авиационной и радиоэлектронной промышленности региона входят в корпоративное управление таких ИС, как АО «Объединенная двигателестроительная корпорация», Холдинг «Вертолеты России», Холдинг «Технодинамика», АО «Концерн Радиоэлектронные технологии», АО «Концерн Автоматика» и другие.

Как показала практика, принимаемые в ИС решения зачастую не учитывали необходимость согласования своих планов с региональной властью, что создало предпосылки возникновения социальной напряженности в обществе. По причине принятия разного рода управленческих решений, напрямую затрагивающих вопросы оплаты труда и занятости работников в 2014–2015 годах на отдельных предприятиях региона стала обостряться ситуация в трудовых коллективах.

По инициативе профсоюзных организаций в Комплексный план обеспечения устойчивого развития экономики и социальной стабильности в Республике Башкортостан на 2015–2017 годы, утвержденный Распоряжением Главы Республики Башкортостан от 13.02.2015 № РГ-26 были внесены мероприятия, направленные на изменение законодательства о ГК «Ростех». Предлагалось ввести учет мнения органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации при утверждении планов развития (реорганизации) дочерних обществ и предприятий, входящих в структуру ГК «Ростех», по аналогии с нормами ТК РФ.

В тоже время, согласно решению Правления ГК «Ростех» (протокол № 15 от 14.03.2017) и приказу ГК «Ростех» от 27.04.2017 № 50 «Об утверждении Единых стандартов реализации корпоративной социальной политики» (Корпоративный социальный стандарт) руководителям ИС было предписано организовать

работу по приведению локальных нормативно-правовых документов и коллективных договоров в соответствие с ЕСКСП (например, письмо АО «РТ-Химкомпозит» от 15.05.2017 № 01-08/542). Данная ситуация вызвала серьезную озабоченность в среде общероссийских профсоюзов, так как это было воспринято как прямое указание руководителям предприятий начать ревизию и пересмотр действующих систем коллективно-договорного регулирования во всех регионах присутствия предприятий ГК «Ростех», которых на территории страны насчитывается около 700-750 ед.

По результатам совместного совещания представителей ГК «Ростех» и отраслевых профсоюзов в холдинги и ИС было направлено письмо от 31.08.2017 № РТ33-10425, в котором предлагалось скоординировать работу с общероссийскими отраслевыми профсоюзами, до введения в действие Корпоративного социального стандарта проводить его согласование на федеральном уровне с руководством профсоюза, а затем с профсоюзной организацией конкретного предприятия.

Можно констатировать, что правильно организованные действия профсоюзных организаций в защиту социально-экономических прав и интересов трудящихся в процессе переговоров с представителями собственников предприятий и интегрированных структур ГК «Ростех» и исполнительных органов власти позволили избежать ущемления законных прав и интересов трудящихся и не допустить возникновения социальной напряженности в трудовых коллективах.

Наряду с этим, в 2009, 2017 и 2020 годах Правительством Республики Башкортостан были заключены двусторонние соглашения о взаимодействии с ГК «Ростех». В 2020 году принято Положение о Межведомственной комиссии Республики Башкортостан и ГК «Ростех» (Межведомственная комиссия) по вопросам взаимодействия действующих на территории республики предприятий ГК «Ростех» с республикой и муниципальными образованиями Республики Башкортостан, утвержденное Распоряжением Главы Республики Башкортостан от 07.02.2020 № РГ-46. Аналогичная межведомственная комиссия создана с ПАО АНК «Башнефть» [5].

В течение 2020–2021 годов проведено семь заседаний Межведомственной комиссии, на которых были рассмотрены вопросы: формирования заказов для предприятий на территории городов Белебей, Белорецк, Кумертау, Уфа; приобретения авиационной техники; переноса производственных мощностей; повышения производительности труда; передачи объектов социальной инфраструктуры предприятий (стадионов, профилакториев, санаториев, оздоровительных центров); создания регионального авиационного кластера и другие, имеющие существенные последствия для трудовых коллективов. Однако, представители работников в лице отраслевых профсоюзов в состав Межведомственной комиссии до настоящего времени не включены.

Таким образом, можно сделать вывод, что принимаемые указанной комиссией решения ведут к правовой неопределенности и дисбалансу в региональной отраслевой системе регулирования социально-трудовых отношений и неисполнению норм регионального законодательства в области социального партнерства. Обусловлено это тем, что две стороны (объединение работодателей и региональная власть), представленные в составе Межведомственной комиссии руководителями более высокого уровня, чем в составе Отраслевой комиссии, фактически выступают в роли социальных партнеров и принимают решения, не увязанные с позицией Отраслевой комиссии, что не способствует укреплению статуса последней.

Соответственно, такой подход может привести к тому, что профсоюзные организации, минуя региональный отраслевой уровень, в случае возникновения спорных ситуаций с управляющими компаниями (холдингами) по вопросам социально-экономического положения предприятий, вынуждены будут выносить решение вопросов трудовых коллективов на уровень Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Согласно позиции представителей Международной организацией труда (МОТ), сформулированной в ходе IV Международной научно-практической конференции, посвященной

социально-трудовым конфликтам в России и в мире, «за последнее столетие стало очевидно, что лучшим способом установления размера заработной платы, определения условий труда и организации работы, а также перспектив трудоустройства являются добровольные коллективные переговоры» [10].

Для решения обозначенной задачи предлагается использовать новую модель системы социального партнерства, реализуемую в общественной организации «Российский профсоюз трудящихся авиационной промышленности» (Профавиа) в социальном диалоге с интегрированными структурами (холдингами). Так, начиная с 2012 года ведется планомерная работа по заключению корпоративных соглашений.

Впервые корпоративное соглашение между Профавиа и Объединенной авиастроительной корпорацией было подписано в апреле 2012 г. Соглашение направлено на регулирование социально-трудовых отношений и обеспечение социально-экономической защиты работников. Документ распространяется на такие области, как трудовые отношения, режим труда и отдыха, оплата труда, охрана труда и здоровья, социальные льготы и гарантии, работа с молодежью, а также определяет гарантии прав первичных профсоюзных организаций. С тех пор Холдинг и Профавиа постоянно координируют взаимодействие по улучшению оплаты труда и выполнению социальных гарантий на предприятиях.

В настоящее время в Профавиа заключены соглашения со следующими корпорациями:

- ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация»;
- АО «Объединенная двигателестроительная корпорация»;
- ОАО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение».

Корпоративные соглашения признаны важными правовыми актами для регулирования социально-трудовых отношений на предприятиях, так как затрагивают вопросы, касающиеся индустриальной модели корпораций, кадровой политики, ипотечного кредитования, диверсификации производства, загрузки предприятий и финансирования при выполнении заказов. Данная форма является особен-

но актуальной в условиях, когда на предприятиях корпораций осуществляют свою деятельность профсоюзные организации разных отраслевых профсоюзов.

Практика применения указанной формы взаимодействия доказала свою актуальность и востребованность в связи с постоянным совершенствованием законодательства Российской Федерации в сфере труда, которое требует сближения позиции сторон в интересах производства и решения социальных задач, направленных на улучшение благосостояния работников корпораций.

Для решения обозначенной задачи предлагается деятельность Межведомственной комиссии привести в соответствие с нормами регионального законодательства путем введения в состав указанной комиссии уполномоченных представителей трудовых коллективов, что в полной мере будет соответствовать основополагающим принципам трипартизма, рекомендуемым МОТ в качестве стандартного способа разрешения и недопущения конфликтов в сфере труда.

В качестве следующего этапа взаимодействия предлагается применить апробированную в Профавиа форму заключения Корпоративного соглашения между Правительством Республики Башкортостан, ГК «Ростех» и республиканскими организациями отраслевых профсоюзов.

Принятие регионом соглашения подобного рода с высокой долей вероятности будет способствовать гармонизации действующего федерального и регионального законодательства в области социального партнерства в сфере труда и принятым сторонами обязательствам, закрепленным в действующих трехсторонних соглашениях, а также практической реализации Указа Главы Республики Башкортостан от 20.10.2021 № УГ-605, что, в свою очередь, позволит обеспечить соблюдение прав трудящихся. Работа в данном направлении позволит также гарантированно применять нормы Международного стандарта ИСО 26000 «Руководство по социальной ответственности» и Социальной Хартии Российского бизнеса на территории Республики Башкортостан.

Список источников

- [1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // СПС «Консультант плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 07.12.2021).
- [2] Закон Республики Башкортостан от 06.12.2005 № 252-з (ред. от 26.09.2017) «Об органах социального партнерства в Республике Башкортостан» [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/17710687/> (дата обращения: 07.12.2021).
- [3] Указ Главы Республики Башкортостан от 20.10.2021 № УГ-605 «О мерах по обеспечению развития социального партнерства в сфере труда в Республике Башкортостан» // Официальный сайт Министерства семьи и труда Республики Башкортостан. — URL: <https://mintrud.bashkortostan.ru/upload/uf/936/mdkxu7spru70u6abm3rlyl7o2oqajmx1/Ukaz-Glavy---RB-o-SP.pdf> (дата обращения: 07.12.2021).
- [4] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 30.01.2020 г. № 52 «О назначении координаторов республиканских трехсторонних (двусторонних) отраслевых (межотраслевых) комиссий по регулированию социально-трудовых отношений» [Электронный ресурс]. — URL: <https://npa.bashkortostan.ru/27088/> (дата обращения: 07.12.2021).
- [5] Интервью Министра промышленности, энергетики, инноваций Республики Башкортостан А. Н. Шельдяева // Официальный сайт журнала «Региональная энергетика и энергосбережение». — URL: <https://energy.s-kon.ru/bashkortostan-sformiroval-tselyj-ryad-tochek-rosta-v-promyshlennosti/> (дата обращения: 07.12.2021).
- [6] *Калякулин Р. В.* Роль профсоюзов в обеспечении гарантий по заработной плате как элемента системы социального партнерства (на примере предприятий Республики Башкортостан) // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие : сб. статей Междунар. форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. — Уфа : Мир Печати, 2019 — 492 с.
- [7] Предприятия машиностроительного комплекса Республики Башкортостан. Компетенции, инжиниринг, технологии : каталог. — 3-е изд. — Уфа : ТПП РБ, 2015 — 256 с.; ил. [Электронный ресурс]. — URL: https://mprom.rk.gov.ru/file/Bashkortostan_mashinostr.pdf (дата обращения: 07.12.2021).
- [8] Пресс-выпуск Башкортостанстата № 04-13/13 от 25.09.2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/fS1e9oEL/press_mashinostroenie.pdf (дата обращения: 07.12.2021).

[9] Состав Республиканской трехсторонней отраслевой комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в машиностроительной промышленности Республики Башкортостан // Официальный сайт РОБ Роспрофавиа. — URL: <https://profaviarb.ru/novosti-assocziaczii-profsoyuzov/1962-respublikanskaya-trehstoronnyaya-otraslevaya-komissiya> (дата обращения: 07.12.2021).

[10] Тапиола К. Культура социального диалога на основе принципов свободы ассоциации: проблемы и перспективы // Социально-трудовые конфликты в России и в мире : IV Междунар. науч.-практич. конф. (30 марта 2018 г.) — СПб. : СПбГУП, 2018. — 222 с.

References

[1] Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 22.11.2021) [Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FL (as amended on November 22, 2021)] // SPS "Konsul'tant plyus" [RLS "Consultant Plus"]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of the application: July 12, 2021).

[2] Zakon Respubliki Bashkortostan ot 06.12.2005 № 252-z (red. ot 26.09.2017) "Ob organax social'nogo partnerstva v Respublike Bashkortostan" [Law of the Republic of Bashkortostan dated December 6, 2005 No. 252-I (as amended on September 26, 2017) "On the Bodies of Social Partnership in the Republic of Bashkortostan"] [Electronic resource]. — URL: <https://base.garant.ru/17710687/> (date of the application: December 7, 2021).

[3] Ukaz Glavy Respubliki Bashkortostan ot 20.10.2021 № UG-605 "O merax po obespecheniyu razvitiya social'nogo partnerstva v sfere truda v Respublike Bashkortostan" [Decree of the Head of the Republic of Bashkortostan dated October 20, 2021 No. DH-605 "On Measures to Ensure the Development of Social Partnership in the World of Work in the Republic of Bashkortostan"] // Oficial'nyj sajt Ministerstva sem'i i truda Respubliki Bashkortostan [Official website of the Ministry of Family and Labor of the Republic of Bashkortostan]. — URL: <https://mintrud.bashkortostan.ru/upload/uf/936/mdkxu7spy70u6a6m3rlyl7o2oqaijmx1/Ukaz-Glavy-RB-o-SP.pdf> (date of the application: December 7, 2021).

[4] Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan ot 30.01.2020 g. № 52 "O naznachenii koordinatorov respublikanskix trexstoronnix (dvustoronnix) otraslevy'x (mezhotraslevy'x) komissij po regulirovaniyu social'no-trudovy'x otnoshenij" [Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan dated January 30, 2020 No. 52 "On the Appointment of Coordinators of Republican Tripartite (Bilateral) Sectoral (Intersectoral) Commissions for the Regulation of Social and Labor Relations"] [Electronic resource]. — URL: <https://npa.bashkortostan.ru/27088/> (date of the application: December 7, 2021).

[5] Interv'yu Ministra promy'shlennosti, e'nergetiki, innovacij Respubliki Bashkortostan A. N. Shel'dyaeva [Interview of the Minister of Industry, Energy, Innovations of the Republic of Bashkortostan A. N. Sheldyaev] // Oficial'nyj sajt zhurnala "Regional'naya e'nergetika i e'nergoberezhenie" [Official website of the magazine "Regional Energy and Energy Saving"]. — URL: <https://energy.s-kon.ru/bashkortostan-sformiroval-tselyj-ryad-tochek-rosta-v-promyshlennosti/> (date of the application: December 7, 2021).

[6] Kalyakulin R. V. Rol' profsoyuzov v obespechenii garantij po zarabotnoj plate kak e'lementa sistemy social'nogo partnerstva (na primere predpriyatij Respubliki Bashkortostan) [The Role of Trade Unions in Providing Guarantees for Wages as an Element of the Social Partnership System (on the Example of Enterprises of the Republic of Bashkortostan)] // Budushhee sfery truda: global'ny'e vy'zovy i regional'noe razvitie : sb. statej Mezhdunar. foruma "Budushhee sfery truda: dostojnyj trud dlya vsekh" / pod red. G. R. Bajmurzinoj, R. M. Valiaxmetova [Future of the Labor Sphere: Global Challenges and Regional Development : collection of articles of International Forum "The Future of the World of Work: Decent Work for All" / ed. by G. R. Baimurzina, R. M. Valiaxmetov]. — Ufa : Mir Print, 2019. — 492 p.

[7] Predpriyatiya mashinostroitel'nogo kompleksa Respubliki Bashkortostan. Kompetencii, inzhiniring, texnologii : katalog. — 3-e izd. [Enterprises of the Machine-Building Complex of the Republic of Bashkortostan. Competences, Engineering, Technologies : catalog. — 3rd ed. — Ufa : CCI RB, 2015. — 256 p.; il.] [Electronic resource]. — URL: https://mprom.rk.gov.ru/file/Bashkortostan_mashinostr.pdf (date of the application: December 7, 2021).

[8] Press-vy'pusk Bashkortostanstata № 04-13/13 ot 25.09.2020 g. [Press release of Bashkortostanstat No. 04-13/13 dated September 25, 2020] [Electronic resource]. — URL: https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/fS1e9oEL/press_mashinostroenie.pdf (date of the application: December 7, 2021).

[9] Sostav Respublikanskoj trexstoronnej otraslevoj komissii po regulirovaniyu social'no-trudovy'x otnoshenij v mashinostroitel'noj promy'shlennosti Respubliki Bashkortostan [Composition of the Republican Tripartite Sectoral Commission for the Regulation of Social and Labor Relations in the Machine-Building Industry of the Republic of Bashkortostan] // Oficial'nyj sajt ROB Rosprofavia [Official website of the Rosprofavia]. —

URL: <https://profaviarb.ru/novosti-assocziaczii-profsoyuzov/1962-respublikanskaya-trehstoronnyaya-otraslevaya-komissiya> (date of the application: December 7, 2021).

[10] *Tapiola K. Kul'tura social'nogo dialoga na osnove principov svobody` associacii: problemy` i perspektivy`* [Culture of Social Dialogue Based on the Principles of Freedom of Association: Problems and Prospects] // *Social'no-trudovy`e konflikty` v Rossii i v mire : IV Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (30 marta 2018 g.)* [Social and Labor Conflicts in Russia and in the World : IV International Scientific-Practical Conference (March 30, 2018)]. — St. Petersburg : SPbGUP, 2018. — 222 p.

Информация об авторах

Р. В. Калякулин — аспирант.

Information about authors

R. V. Kalyakulin — Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 03.12.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 03.12.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ ПРЕДПРИЯТИЙ

ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 52–55
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 52–55

Научная статья

УДК 37

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-52-55

BLOCKCHAIN IN PUBLIC EDUCATION: CRYPTOCOLONIALISM, SHADOW PRIVATIZATION AND PROSPECTS FOR IMPROVING EDUCATION

Mihaylo Milovanovitch^{1✉}

¹European Training Foundation, Turin, Italy, mihaylo.milovanovitch@etf.europa.eu

Abstract. The article is devoted to topical issues of complex solutions and implementation of modern technologies in the field of education. According to the author, blockchain, as one of the main elements of digitalization, can become a kind of impetus for the educational sphere, a breakthrough technology, which are extremely necessary in the modern world, the coronavirus pandemic. The author agrees with the researchers who believe that it is the blockchain that makes it possible to create a more secure, open and efficient educational system that is trustworthy all over the world. The article analyzes the pros and cons of blockchain, assesses modern education policy, provides examples of the practice of using blockchain in different countries.

Keywords: education, digitalization, blockchain, innovation, reform, innovative programs, education policy

For citation: Milovanovich M. Blockchain in public education: cryptocolonialism, shadow privatization and prospects for improving education // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 52–55. (In Russ). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-52-55>.

БЛОКЧЕЙН В ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ: КРИПТОКОЛОНИАЛИЗМ, ТЕНЕВАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЛУЧШЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Михайло Милованович^{1✉}

¹Европейский Фонд Образования, Турин, Италия, mihaylo.milovanovitch@etf.europa.eu

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам комплексного решения и внедрения в сферу образования современных технологий. По мнению автора, блокчейн, как один из основных элементов цифровизации, может стать своего рода толчком для образовательной сферы, прорывной технологией, которая в условиях современного мира, пандемии коронавируса, крайне необходима. Автор солидарен с исследователями, которые считают, что именно блокчейн позволяет создать более безопасную, открытую и эффективную образовательную систему, заслуживающую доверие во всем мире. В статье анализируются плюсы и минусы блокчейна, дается оценка современной политике в области образования, приводятся примеры практики использования блокчейна в разных странах.

Ключевые слова: образование, цифровизация, блокчейн, инновация, реформа, инновационные программы, политика в области образования

Для цитирования: Милованович М. Блокчейн в государственном образовании: криптоколониализм, теневая приватизация и перспективы улучшения образования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 52–55. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-52-55>.

The COVID-19 pandemic has accelerated the process of digitalisation in education [1] and today, in many countries that process goes far beyond responding to the requirements of physical distancing [3]. A new generation of ideas and idealistic solutions is emerging which call for strategic investments into the digitalization of decisions and processes in key areas of education system operation, such as student assessment, the management of academic credentials, student records and educational careers, financial resource allocations, and others. Such developments are becoming an inevitable element of education system development globally, and in many cases they also open new avenues for a system-wide change and disruption.

One such avenue is the incipient introduction of distributed ledger technologies (blockchain) in education. A recent scan of progress in OECD countries shows that early blockchain applications and experimental projects are rapidly expanding beyond the sector of financial services [4]. Although education is only at the beginning of that process [8], a wave of early adoptions is gaining momentum, especially in low-income countries which depend on development support and cooperation, and where the process is driven largely by international partnerships. In Ethiopia, for instance, the government is partnering with private, international consortia for a transition towards blockchain-based IDs for the entire school population by the beginning of 2022. Recent news suggests that other countries — in Africa and possibly beyond — may soon follow suit [5].

Assuming that blockchain developments in the financial sector are indicative of the overall disruptive potential of the technology, blockchain-based solutions in education may usher a new era of transformation in key areas of educational policy and practice. As peerless, trustless, decentralized systems of decision-making and record-keeping which offer manipulation-proof, secure, efficient, and trustworthy way of recording and handling decisions and transactions, they may offer radically new solutions to old problems, while also creating a slate of new challenges.

Despite the potential impact of the technology, there is still little in terms of reflection about the opportunities and risks which it may bring, and in terms of experiences with its implementation. The literature about its use cases is still fragmented and

scarce, and most of the initiatives to use blockchain in education have not been systematically researched and documented yet [6]. At present, it is therefore difficult to anticipate the impact of reforms promoting blockchain-based innovation, and to take evidence-based decisions about their implementation. This information gap is of particular significance in more fragile policy contexts. In such contexts, national education systems may be struggling with long-standing equity, quality, integrity and/or resource challenges. At the same time, they are also most likely to be subjected to what some observers call “crypto-colonialism” [2] in the form of external pressure to adopt the new technology for profit.

Research which seeks to contribute to the emerging field of blockchain-in-education will have to deliver answers to three guiding questions. Firstly, what can we learn from current blockchain initiatives in education about the opportunities and risks of using blockchain in our sector? Secondly, what are the possible use cases of forthcoming Layer 3 protocols and third generation blockchains against the backdrop of known problems with education quality, quantity, and integrity? Finally, based on the experience of countries which are more advanced in terms of blockchain regulation like Ukraine or Australia, what are the features of a policy environment which supports the harvesting of opportunities of blockchain in education, while mitigating the risks associated with it.

We are preparing to explore these questions with the help of a combination of case-based and research-based approaches, which examine relevant initiatives and available research studies which focus on blockchain in education in view of determining their advantages and disadvantages. On that basis, we will also be evaluating the technical fundamentals of Layer 2 protocols and third generation blockchain solutions in the light of their applicability in education policy areas with known challenges, such as quality assurance and integrity. We will also look into legislative and public policy analysis of regulations pertaining to blockchain applications in a selection of countries, including the European Union.

Preliminary insights suggest that, like with other digitalization ventures, most initiatives for introducing blockchain to education have also increased the influence of the private sector, in particular the global EdTech industry, on national education systems.

For the most part, the push towards the adoption of blockchain-based solutions is driven by private companies which have an impressive track record of innovation, but little experience in education. Their disproportionate influence on curricula, methods and administrative procedures in schools and universities is the source of risk as it may undermine the mandate of public education providers [3]. In turn, this may lead to a capture of limited public resources, lack of control of data collection, harmful practices of advertising towards children and youth, long-term effects of handing over control of education to commercial actors and blurring of the public/private dichotomy in public education [7].

Our preliminary scan of information also shows that the indiscriminate introduction of blockchain technology in countries which struggle with education improvement, and in policy areas which are plagued by weaknesses may simply reinforce these weaknesses and bring additional disadvantage to certain groups of students and stakeholders.

However, it is also fair to say that blockchain projects which have reached implementation maturity may allow for the transformation of education institutions into highly efficient, decentralized autonomous organizations (DAOs) in which key decisions are driven by smart contracts and — once taken are immutable. While we see clear possibilities to use this technology in education, the most promising policy environments with respect to this technology appear to be those in which there are boundaries in the form of clear regulatory criteria, checks and balances. Processes and areas in education which are well-functioning may thereby be the best candidate for blockchain-based improvements, as they are usually also the most mature and resilient to disruption. Unfortunately, this is quite the opposite of the thinking behind the pilot projects we analyzed, where blockchain innovation is targeting areas of apparent policy weakness. Layering the technology over such weaknesses may simply exacerbate them and augmenting the existing problems instead of resolving them [3].

References

- [1] *Frattini F.* The Acceleration of Digitalisation within Education as a Result of COVID-19. February 15, 2021 [Electronic resource]. — URL: <https://www.globalfocusmagazine.com/the-acceleration-of-digitalisation-within-education-as-a-result-of-covid-19/> (date of the application: October 25, 2021).
- [2] *Howson P.* The Headache of "Crypto Colonialism". July 14, 2021 [Electronic resource]. — URL: <https://www.coindesk.com/markets/2021/07/14/the-headache-of-crypto-colonialism/> (date of the application: October 27, 2021).
- [3] *Langthaler M.* Lessons from COVID 19: Digitalization Calls for Strong Public Education Systems by Margarita Langthaler. March 16, 2021 [Electronic resource]. — URL: <https://www.norrag.org/lessons-from-covid-19-digitalization-calls-for-strong-public-education-systems-by-margarita-langthaler/> (date of the application: October 25, 2021).
- [4] *Lindman J.* The Uncertain Promise of Blockchain for Government / *J. Lindman, J. Berryhill, B. Welby, M. Piccinin Barbieri.* — Paris : OECD Publishing, 2020.
- [5] *Molchan Y.* "Charles Hoskinson Meets Zanzibar President and Heads of Other Countries on Cardano Africa Tour" [Electronic resource]. — URL: <https://u.today/charles-hoskinson-meets-zanzibar-president-and-heads-of-other-countries-on-cardano-africa-tour> (date of the application: October 27, 2021).
- [6] *Steu Mara-Florina.* Blockchain in education: Opportunities, Applications, and Challenges // *First Monday.* — 2020. — Vol. 25. — No. 9.
- [7] *Thomson G., Hogan A.* Privatisation and Commercialisation in Public Education: How the Public Nature of Schooling is Changing. — New York : Routledge. 2020.
- [8] *Vlies van der Reyer.* Digital Strategies in Education across OECD Countries: Exploring Education Policies on Digital Technologies // *Working Paper.* — Paris : OECD Publishing. 2020.

Список источников

- [1] *Frattini F.* The Acceleration of Digitalisation within Education as a Result of COVID-19 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.globalfocusmagazine.com/the-acceleration-of-digitalisation-within-education-as-a-result-of-covid-19/> (дата обращения: 25.10.2021).
- [2] *Howson P.* The Headache of "Crypto Colonialism" [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.coindesk.com/markets/2021/07/14/the-headache-of-crypto-colonialism/> (дата обращения: 27.10.2021).
- [3] *Langthaler M.* Lessons from COVID 19: Digitalization Calls for Strong Public Education Systems by Margarita Langthaler [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.norrag.org/lessons-from-covid-19-digitalization-calls-for-strong-public-education-systems-by-margarita-langthaler/> (дата обращения: 25.10.2021).

[4] *Lindman J.* The Uncertain Promise of Blockchain for Government / *J. Lindman, J. Berryhill, B. Welby, M. Piccinin Barbieri.* — Paris : OECD Publishing, 2020.

[5] *Molchan Y.* "Charles Hoskinson Meets Zanzibar President and Heads of Other Countries on Cardano Africa Tour" [Электронный ресурс]. — URL: <https://u.today/charles-hoskinson-meets-zanzibar-president-and-heads-of-other-countries-on-cardano-africa-tour> (дата обращения: 27.10.2021).

[6] *Steiu Mara-Florina.* Blockchain in education: Opportunities, Applications, and Challenges // *First Monday.* — 2020. — Vol. 25. — No. 9.

[7] *Thomson G., Hogan A.* Privatisation and Commercialisation in Public Education: How the Public Nature of Schooling is Changing. — New York : Routledge. 2020.

[8] *Vlies van der Reyer.* Digital Strategies in Education across OECD Countries: Exploring Education Policies on Digital Technologies // *Working Paper.* — Paris : OECD Publishing. 2020.

Information about authors

Mihaylo Milovanovitch is senior policy specialist and coordinator for lifelong learning and system change at the European Training Foundation, an agency of the European Union based in Italy. He is also a pro-bono affiliate of the Center for Applied Policy and Integrity, a civil society organisation from Bulgaria. Previously, he was a research fellow with the institutional corruption initiative of Edmond J. Safra Center for Ethics at the Harvard School of Law, policy analyst with the OECD Directorate for Education and Skills, and coordinator of the educational co-operation with Eastern Europe for the Federal Government of Austria and the Stability Pact for South East Europe.

Информация об авторах

Михайло Милованович — старший специалист по политике и координатор по непрерывному обучению и системным изменениям Европейского Фонда образования, базирующегося в Италии. На общественных началах является членом Центра прикладной политики и добросовестности, организации гражданского общества из Болгарии. Ранее был научным сотрудником в рамках инициативы по институциональной коррупции Центра этики Эдмонда Дж. Сафры при Гарвардской школе права, политическим аналитиком в Управлении образования и навыков Организации экономического сотрудничества и развития и координатором образовательного сотрудничества с Восточной Европой для Федерального правительства Австрии и Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 56–61
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 56–61

Научная статья

УДК 378.4

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-56-61

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Полина Игоревна Ананченкова^{1✉}, Сергей Александрович Шапиро²

^{1, 2}Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия,

¹ananchenkova@yandex.ru✉

²sergey_shapiro@mail.ru

Аннотация. В статье отражены результаты некоторых социологических исследований, результаты которых свидетельствуют о необходимости формирования новых, цифровых компетенций преподавателям высшей школы. Глобальные экономические процессы и цифровые тренды трансформируют содержание и технологии педагогического труда, однако, многие педагоги не готовы к подобным инновациям. Сделан вывод о том, что устойчивое внедрение цифровых инструментов обучения может быть успешным только в том случае, если общий вектор цифровой трансформации образовательного процесса будет обоснован и поддержан и администрацией вуза, и непосредственно преподавателями.

Ключевые слова: цифровизация, образование, образовательный процесс, преподаватели, компетенции, технологии обучения

Для цитирования: Ананченкова П. И., Шапиро С. А. Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы в эпоху цифровизации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 56–61. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-56-61>.

PROFESSIONAL COMPETENCIES OF A HIGH SCHOOL TEACHER IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Polina Igorevna Ananchenkova^{1✉}, Sergei Aleksandrovich Shapiro²

^{1, 2}Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia

¹ananchenkova@yandex.ru✉

²sergey_shapiro@mail.ru

Abstract. The article reflects the results of some sociological studies, the results of which indicate the need for the formation of new, digital competencies for higher school teachers. Global economic processes and digital trends are transforming the content and technologies of pedagogical work, but many teachers are not ready for such innovations. The conclusion is made that the sustainable introduction of digital learning tools can be successful only if the general vector of digital transformation of the educational process is justified and supported by both the university administration and the teachers themselves.

Keywords: digitalization, education, educational process, teachers, competencies, learning technologies

For citation: Ananchenkova P. I., Shapiro S. A. Professional competencies of a high school teacher in the era of digitalization // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 56–61. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-56-61>.

Цифровизация высшей школы — актуальная проблема для многих заинтересованных сторон в сфере образования — начиная от студентов, осваивающих востребованные на рынке труда цифровые профессиональные компетенции, и заканчивая государством, заинтересованном в развитии человеческого капитала в соответствии с современными глобальными тенденциями. Навыки информационных коммуникационных технологий (ИКТ) становятся все более актуальными в любом контексте объективной социальной реальности, поэтому одной из главных задач высшей школы выступает формирование цифровой компетенции обучающихся как жизненно важного набора знаний, умений и навыков.

Совершенно очевидно, что обучить студентов цифровым компетенциям невозможно, если ими не владеет сам преподаватель. Цифровая грамотность выступает базовым квалификационным навыком современного педагога, однако, как показывают российские и зарубежные исследования, освоение и формирование цифровых умений преподавателями происходит неравномерно.

В международной практике цифровые компетенции преподавателя определяются по-разному. Образовательные организации и учреждения практикуют дифференцированные подходы, показатели или стандарты, описывающие цифровую компетент-

ность учителей, их классификацию, методы измерения и дескрипторы сформированности [7].

Нормативные документы Европейского союза (ЕС) определяют ключевые компетенции как «совокупность знаний, способностей и подходов, адаптированных к контексту» [3]. В так называемом обществе знаний одной из этих фундаментальных компетенций является цифровая компетенция, т. е. «та, которая предполагает безопасное и критическое использование технологий информационного общества для работы, отдыха и общения» [3].

Наиболее авторитетной в образовательном пространстве ЕС является Европейская система цифровой компетентности для учителей Digital Computer Education (DigCompEdu), разработанная и утвержденная Объединенным исследовательским центром ЕС (JRC) в конце 2017 года [8]. Ее основная цель состоит в том, чтобы привести европейскую образовательную политику в соответствие с определенными базовыми рамками. Синтез научных исследований на местном, национальном, европейском и международном уровнях позволил сформировать DigCompEdu как универсальную модель цифровой компетенции преподавателей с шестью дифференцированными областями компетенции (рис. 1). В каждой области есть ряд компетенций, которыми «должны обладать преподаватели, чтобы продвигать эффективные,

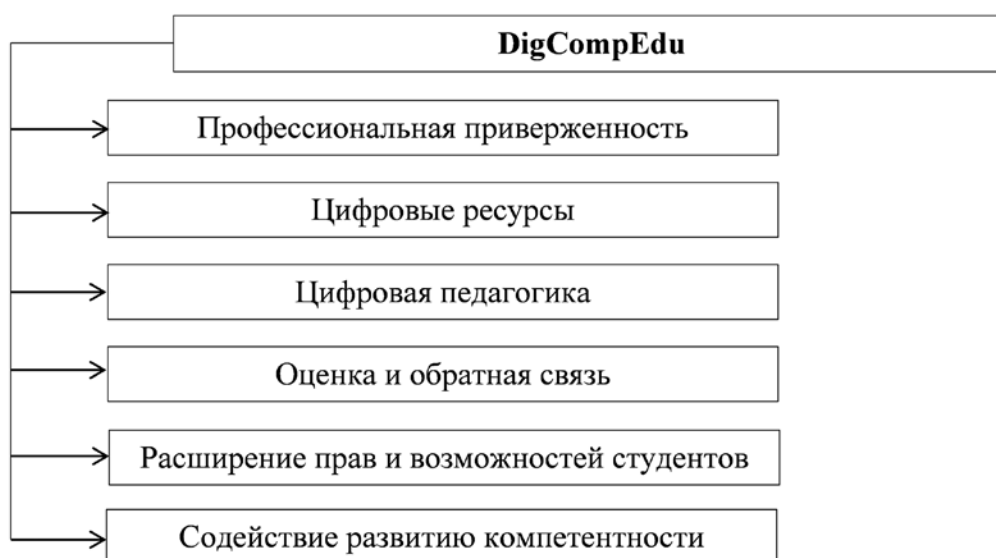

Рисунок 1 — Модель цифровых компетенций преподавателей DigCompEdu
(Источник: составлено авторами)

инклюзивные и инновационные стратегии обучения с использованием цифровых инструментов» [8].

Рассмотрим указанные компетенции подробнее.

– *Профессиональная приверженность* рассматривается как способность использовать цифровые технологии для улучшения учебного процесса и профессионального взаимодействия с коллегами, студентами, родителями и различными представителями образовательного сообщества. Кроме того, эта коммуникационная технология обеспечивает индивидуальное профессиональное развитие, коллективные и непрерывные инновации в образовательной организации.

– *Качественные цифровые образовательные ресурсы* предполагают, что преподаватели должны иметь возможность изменять, создавать и делиться этими ресурсами, чтобы адаптировать их к своим целям, студентам и стилям преподавания. Аналогичным образом они должны знать, как ответственно использовать и администрировать цифровой контент, уважая права автора и защищая персональные данные.

– *Цифровая педагогика*: знание того, как проектировать, планировать и внедрять использование цифровых технологий на всех этапах учебного процесса, продвигая подходы и методологии, ориентированные на учащихся.

– *Оценка и обратная связь* предполагает, что цифровые технологии могут улучшить существующие стратегии оценки и проложить путь для новых и более совершенных методов оценки. Кроме того, проанализировав большое количество доступных данных (прежде всего, цифровых) об индивидуальных достижениях учащихся, преподаватели могут предоставить более индивидуализированные методы преподавания, оценки образовательных результатов и поддержку.

– *Расширение прав и возможностей студентов*: одной из ключевых сильных сторон цифровых технологий в образовании является их потенциал для расширения сотрудничества студентов в процессе преподавания и обучения и их самостоятельности в нем. Кроме того, цифровые технологии могут быть использо-

ваны для обеспечения учебной деятельности, адаптированной к уровню компетентности, интересам и учебным потребностям каждого студента.

– *Содействие развитию компетентности* предполагает способность содействовать развитию цифровой компетентности у студентов и является неотъемлемой частью компетентности учителя в области ИКТ и основной темой этой области компетенции.

В исследовании, проведенном испанскими учеными в 2015 году под руководством Carlos Marcelo-García, приняли участие 941 университетский преподаватель [6]. Исследование показало, что только 44,4 % из них в процессе преподавания использовали технологии, которые, как правило, ограничивались мультимедийными презентациями, электронной почтой и системами управления обучением (LMS).

Более высокая частота использования технологий, ориентированных на университетских преподавателей, была обнаружена в другом исследовании тех же ученых, проведенном в 2018 году. 291 преподаватель показал, что те, кто занимается социальными науками, преподаванием языков с большей вероятностью внедряют ассимилятивные технологии по сравнению с преподавателями, работающими в других предметных областях.

Финские ученые Jääskelä P., Häkkinen P., Rasku-Puttonen H. в своем исследовании 2017 года отмечают, что осторожное отношение к использованию цифровых инструментов обучения в работе преподавателей университетов связано с их низкой самооценкой собственных цифровых навыков по сравнению со студенческими [5].

Проведя исследование на базе университетов Великобритании и Северной Ирландии Sarah Grand-Clement и ее коллеги пришли к выводу, что «современные преподаватели не успевают за быстрыми изменениями в технологиях и не могут оседлать волну, которая разрушает традиционное образование. Это особенно заметно в отношении преподавателей, которые находятся в профессиональной сфере продолжительное время» [4]. Авторы утверждают, что технологические навыки не являются частью непрерывного профессионального развития преподавателей

высшей школы, и обучение высококлассных педагогов не всегда является обязательным. Педагоги системно недостаточно подготовлены к тому, чтобы расширять использование цифровых технологий в образовательном процессе.

Было бы методологически неверно анализировать только результаты зарубежных исследований, поскольку менталитет и образ жизни отечественных и иностранных работников сильно различается. В связи с этим считаем целесообразным привести результаты исследования особенностей формирования новых профессиональных компетенций в создавшихся условиях в российской сфере высшего образования.

Члены коллектива кафедры экономики труда и управления персоналом Академии труда и социальных отношений весной 2020 г. перед началом периода активизации пандемии коронавируса и перехода на полное дистанционное обучение в системе высшей школы провели исследование, охватившее ряд регионов страны. Путем онлайн-анкетирования были опрошены преподаватели экономических и управленческих дисциплин вузов в количестве 240 человек. В соответствии с целью данного исследования была предпринята попытка оценить готовность научно-педагогических работников сферы высшего образования к освоению ими необходимых компетенций при подготовке специалистов в области управления, а также определить мотивацию преподавателей к проведению обучения с более широким использованием информационно-компьютерных технологий.

Представляя отдельные результаты данного исследования [1], акцентируем внимание на следующих аспектах:

1. Дистанционная форма проведения занятий как желаемая в повседневной педагогической практике рассматривается 42% респондентов среднего возраста. Преподаватели старше 60 лет отрицательно отнеслись к этой идее именно в связи с трудностью освоения цифровых навыков.

2. Информацию для подготовки к занятиям почти 100% опрошенных находят в сети Интернет, при этом 82,5% обращаются к помощи электронных библиотечных систем.

3. Почти всем преподавателям независимо от возраста (98%) важна непосредственная двусторонняя коммуникация со студентами, и следует отметить, что это очень важный мотивационный фактор, который с трудом удается реализовать в условиях дистанционного обучения.

4. Традиционные формы обучения утрачивают свою популярность как малоэффективные с точки зрения вовлеченности студентов в процесс обучения. Подавляющая часть преподавателей старается применять интерактивные методики, направленные на развитие творческих и аналитических способностей (деловые игры, дискуссии, написание эссе, видеокейсы), даже в условиях дистанционного обучения, однако, небольшая часть научно-педагогических работников, преимущественно старше 60 лет, выступает за сохранение традиционных форм обучения (лекции, семинары).

5. Практически $\frac{2}{3}$ опрошенных (74,6%) при проведении занятий используют стационарный компьютер, в том числе ноутбук, при этом более молодые педагоги (35,4% респондентов) активно используют возможности современных гаджетов и проводят занятия с использованием смартфона и планшета.

6. Наиболее важными для будущей профессиональной деятельности студентов-экономистов и управленцев и их социального взаимодействия являются компетенции, которые необходимо сформировать в рамках образовательного процесса:

- владение цифровыми технологиями (78,8%),
- аналитические способности (75,8%),
- креативность (45,4%).

7. Отвечая на вопрос «Испытываете ли Вы удовлетворенность своим преподавательским трудом в условиях внедрения цифровых технологий?», 83% опрошенных нами респондентов из числа профессорско-преподавательского состава (ППС) ответили утвердительно.

8. Учитывая, что «главным критерием достижения успеха является соответствие характера личности характеру труда и характеру времяпровождения» [2], 98% опрошенных нами членов ППС продемонстрировали высокую степень приверженности к своей профессии.

Можно констатировать, что ППС высшей школы в целом достаточно адекватно воспринимает происходящие в окружающей социальной реальности цифровые трансформации и с готовностью (хотя и с некоторой долей нежелания) реагирует на необходимость формирования соответствующих новых для себя профессиональных компетенций. «Коронавирусная» реальность «опрокинула» традиционные предпочтения педагогов относительно повседневной трудовой практики и заставила всех без исключения научно-педагогических работников активно включиться в процесс повышения квалификации и освоения цифровых навыков, или уйти из профессии.

Чтобы стимулировать цифровую трансформацию обучения в современных образовательных организациях крайне важно понимать, отслеживать и своевременно актуализировать технологические навыки и знания как преподавателей, так и студентов, выявлять их соответствующие потребности и стремиться к их удовлетворению в соответствии с современными глобальными тенденциями. Кроме того, устойчивое внедрение цифровых инструментов обучения может быть успешным только в том случае, если общий вектор цифровой трансформации образовательного процесса будет обоснован и поддержан и администрацией вуза, и непосредственно преподавателями.

Список источников

- [1] *Баландина О. В.* Формирование новых профессиональных и личностных компетенций преподавателей высшей школы в условиях цифровизации экономики / *О. В. Баландина, А. Б. Вешкурова, И. В. Филимонова, С. А. Шапиро* // Труд и социальные отношения. — 2020. — Т. 31. — № 3. — С. 93–113.
- [2] *Шапиро С. А., Мандрусова Э. С.* Характерология личности. — М. : Директ-Медиа, 2018. — С. 6.
- [3] Council of the European Union. (2018). Recomendación del Consejo, de 22 de mayo de 2018, relativa a las competencias clave para el aprendizaje permanente // Official Journal of the European Union. — P. 7 [Электронный ресурс]. — URL: <https://op.europa.eu/et/publication-detail/-/publication/6fda126a-67c9-11e8-ab9c-01aa75ed71a1/language-es/format-PDFA1A>
- [4] *Grand-Clement S.* Digital Learning. Education and Skills in the Digital Age / *S. Grand-Clement, A. Devaux, J. Belanger, C. Manville*. — RAND Corporation, Santa Monica, Calif., and Cambridge, UK, 2017. — 23 p. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF369/RAND_CF369.pdf
- [5] *Jääskelä P.* Teacher Beliefs Regarding Learning, Pedagogy, and the Use of Technology in Higher Education / *P. Jääskelä, P. Häkkinen, H. Rasku-Puttonen* // Journal of Research on Technology in Education. — 2017. — Vol. 49. — Issue 3–4. — Pp. 198–211 [Электронный ресурс]. — URL: <https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/56088>
- [6] *Marcelo-García C.* Enseñar con tecnologías digitales en la Universidad. University teaching with digital technologies / *C. Marcelo-García, C. Yot-Domínguez, C. Mayor-Ruiz* // Comunicar. — 2015. — No. 45. — Vol. 23. — Pp. 117–124.
- [7] *Muñoz-Repiso A. G.* Validation of an Indicator Model (INCODIES) for Assessing Student Digital Competence in Basic Education / *A. G. Muñoz-Repiso, S. C. Martín, V. M. B. Gómez-Pablos* // Journal of New Approaches in Educational Research. — 2020. — No. 9 (1). — Pp 110–125.
- [8] *Redecker C., Punie Y.* Digital Competence of Educators DigCompEdu. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2017.

References

- [1] *Balandina O. V.* Formirovanie novy`x professional`ny`x i lichnostny`x kompetencij prepodavatelej vy`sšshej shkoly` v usloviyax cifrovizacii e`konomiki / *O. V. Balandina, A. B. Veshkurova, I. V. Filimonova, S. A. Shapiro* [Formation of New Professional and Personal Competences of Higher Education Teachers in the Context of Digitalization of the Economy / *O. V. Balandina, A. B. Veshkurova, I. V. Filimonova, S. A. Shapiro*] // Trud i social`ny`e otnosheniya [Labor and Social Relationship]. — 2020. — Vol. 31. — No. 3. — Pp. 93–113.
- [2] *Shapiro S. A., Mandrusova E. S.* Karakterologiya lichnosti [Characterology of Personality]. — Moscow : Direct-Media, 2018. — P. 6.
- [3] Council of the European Union. (2018). Recomendación del Consejo, de 22 de mayo de 2018, relativa a las competencias clave para el aprendizaje permanente // Official Journal of the European Union. — P. 7 [Electronic resource]. — URL: <https://op.europa.eu/et/publication-detail/-/publication/6fda126a-67c9-11e8-ab9c-01aa75ed71a1/language-es/format-PDFA1A>

[4] *Grand-Clement S.* Digital Learning. Education and Skills in the Digital Age / *S. Grand-Clement, A. Devaux, J. Belanger, C. Manville.* — RAND Corporation, Santa Monica, Calif., and Cambridge, UK, 2017. — 23 p. [Electronic resource]. — URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF369/RAND_CF369.pdf

[5] *Jääskelä P.* Teacher Beliefs Regarding Learning, Pedagogy, and the Use of Technology in Higher Education / *P. Jääskelä, P. Häkkinen, H. Rasku-Puttonen* // *Journal of Research on Technology in Education.* — 2017. — Vol. 49. — Issue 3–4. — Pp. 198–211 [Electronic resource]. — URL: <https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/56088>

[6] *Marcelo-García C.* Enseñar con tecnologías digitales en la Universidad. University teaching with digital technologies / *C. Marcelo-García, C. Yot-Domínguez, C. Mayor-Ruiz* // *Comunicar.* — 2015. — No. 45. — Vol. 23. — Pp. 117–124.

[7] *Muñoz-Repiso A. G.* Validation of an Indicator Model (INCODIES) for Assessing Student Digital Competence in Basic Education / *A. G. Muñoz-Repiso, S. C. Martín, V. M. B. Gómez-Pablos* // *Journal of New Approaches in Educational Research.* — 2020. — No. 9 (1). — Pp 110–125.

[8] *Redecker C., Punie Y.* Digital Competence of Educators DigCompEdu. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2017.

Информация об авторах

П. И. Ананченкова — кандидат экономических наук, доцент;

С. А. Шапиро — кандидат экономических наук, доцент.

Information about authors

P. I. Ananchenkova — Candidate of Science (Economic);

S. A. Shapiro — Candidate of Science (Economic).

Статья поступила в редакцию 03.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 03.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 62–67
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 62–67

Научная статья

УДК 65.12

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-62-67

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Рушан Рахимзянович Галлямов¹, Юлия Александровна Кузнецова^{2✉}

¹Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Уфа, Россия,
gal-rushan@yandex.ru

²Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, Новокузнецк, Россия,
acanaria2005@yandex.ru✉

Аннотация. В статье раскрыты ключевые особенности методических подходов моделирования инновационных процессов социально-экономического развития в современных условиях. Показано, что большинство теоретиков и специалистов-практиков рассматривают инновационный процесс в рамках таких характеристик, как: высокий динамизм, неустойчивость, неопределенность, наличие комплекса взаимосвязанных элементов, имеющих в свою очередь, набор собственных уникальных характеристик, иерархичность, разнонаправленность. Определено, что любая модель чаще всего подвергается критике с позиции учета (недоучета) факторов, влияющих на инновационный процесс, а также ее излишнему упрощению (усложнению). Большое внимание в работе уделено сложным вопросам изменения состава и структуры элементов инновационного процесса в зависимости от выбранного инновационного объекта в системе социально-экономического развития.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, инновационный процесс, моделирование, подходы, динамические параметры, агентное моделирование, имитационный метод, риски, эффективность

Для цитирования: Галлямов Р. Р., Кузнецова Ю. А. Методические основы моделирования инновационных процессов социально-экономического развития на современном этапе // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 62–67. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-62-67>.

METHODOLOGICAL BASIS OF MODELING INNOVATIVE PROCESSES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AT THE PRESENT STAGE

Rushan Rakhimzyanovich Gallyamov¹, Yulia Aleksandrovna Kuznetsova^{2✉}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch), Ufa, Russia,
gal-rushan@yandex.ru

²Gorbachev Kuzbass State Technical University, Novokuznetsk, Russia, acanaria2005@yandex.ru✉

Abstract. The article reveals the key features of methodological approaches to modeling innovative processes. It is shown that the majority of scientists and specialists consider the innovation process within the framework of such characteristics as high dynamism, instability, uncertainty, the presence of a complex of interrelated elements, which, in turn, have a set of their own unique characteristics, hierarchy, and multidirectionality. It was determined that any model is most often criticized from the standpoint of accounting (underestimation) of factors affecting the innovation process, as well as its excessive simplification (complication). Much attention is paid to the complex issues of changing the composition and structure of the elements of the innovation process, depending on the selected innovation object.

Keywords: innovation, innovation activity, innovation process, modeling, approaches, dynamic parameters, agent-based modeling, simulation method, risks, efficiency

For citation: Gallyamov R. R., Kuznetsova Yu. A. Methodological basis of modeling innovative processes of socio-economic development at the present stage // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 62–67. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-62-67>.

На современном этапе социально-экономического развития российского общества, в ходе продолжающихся рыночных преобразований и возрастания внешнего геополитического влияния на развитие экономики, именно инновационные процессы становятся одним из важнейших факторов предполагаемого успеха в будущем. С одной стороны, инновации являются ресурсом для повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, выхода на качественно иной уровень развития. Но, с другой стороны, они отходят на второй план, когда речь заходит о необходимости финансирования и поддержания базовых, традиционных потребностей общества. Ввиду того, что задача построения инновационной экономики поставлена руководством страны уже давно, а инновационные процессы до сих пор не отвечают характеристикам стабильности и устойчивости, на современном этапе еще более актуализируется необходимость разработки эффективной научно-методологической базы для внедрения в практику прикладных методов управления инновационными процессами. Исследование вопроса о том, какие параметры будут иметь инновационные процессы в текущем, будущем среднесрочном и долгосрочном периодах, представляет, на наш взгляд, одно из важнейших направлений современной науки.

В целом можно согласиться с мнением Л. В. Кириной и Л. А. Астаниной о том, что инновационный процесс — это совокупность нескольких подпроцессов и операций. К подпроцессам относится создание и тиражирование инноваций. Что касается операций, то они могут быть организационные, финансовые, информационные и иные [4].

Результаты теоретических и прикладных исследований в области управления инновационными процессами позволили авторам выявить существенный научный задел по искомой проблематике, что обусловлено, в том числе, различным восприятием значимости тех или иных его элементов. При этом существенно различ-

ся и комплекс проблем, который выявляется в ходе разработки методического обеспечения оценки инновационных процессов.

Компаративное исследование методических подходов построения моделей инновационных процессов позволило выявить следующие ключевые особенности:

1) моделированию подлежат, преимущественно, динамические параметры; менее часто рассматриваются статичные бизнес-процессы для фиксации определенных характеристик инновационной деятельности;

2) большинство специалистов современным методом исследования инновационных процессов признают агентное- (мультиагентное) моделирование;

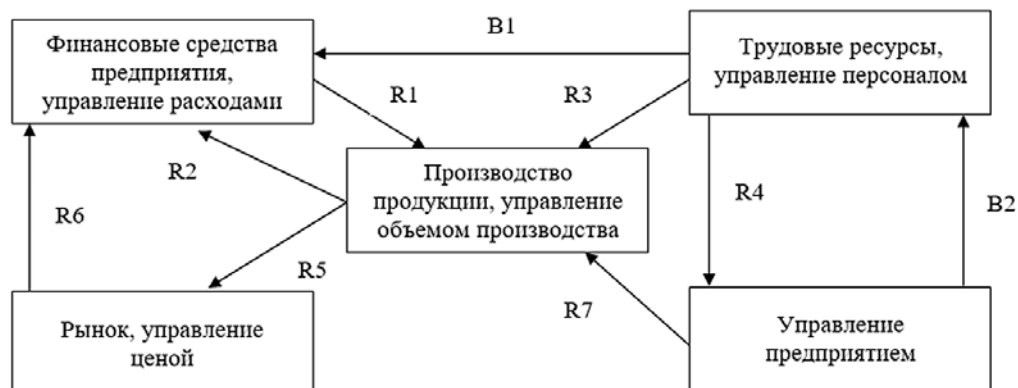
3) для обработки числовой информации чаще предлагается использовать вероятностные и имитационные методы;

4) основными элементами инновационной деятельности, которые наиболее часто становятся объектами моделирования, являются:

- принятие решений по разработке новых товаров;
- фиксация и прогнозирование рисков;
- финансовые результаты инновационных проектов;
- реализация производственного процесса;
- реинжиниринг бизнес-процессов;
- эффективность инновационных проектов.

Рассматривая особенности инновационного развития предприятия В. А. Путилов, А. В. Горохов выделяют три фазы его развития (рост на основе креативности, рост на основе развития направления, рост на основе делегирования) и раскрывают наиболее существенные факторы и управляющие параметры системно-динамической модели, приводя описания комплекса существенных положительных (R) и отрицательных (B1, B2) причинно-следственных связей модели (рис. 1).

Предложенная модель позволяет определить границы роста инновационного предприятия в каждой фазе его развития, а также про-

Примечание: R1 – «финансовые средства - производство», R2 – «производство - финансовые средства», R3 – «трудовые ресурсы – производство», R4 – «трудовые ресурсы - управление», R5 – «рынок - производство», R6 – «рынок – финансовые средства», R7 – «управление предприятием - производство»

Рисунок 1 — Структура системно-динамической модели инновационного предприятия по В. А. Путилову, А. В. Горохову [7, с. 7]

межутки времени для принятия эффективных управленческих решений.

Схожее понимание в выделении положительных и отрицательных связей между стейкхолдерами в процессе формирования системно-динамической модели предлагают В. Н. Трегубов, Л. В. Славнецкова. С точки зрения авторов, «положительная обратная связь определяет усиливающий эффект от воздействия на систему, а отрицательная — обеспечивает ее стабилизацию» [9, с. 29]. Направления действия усиливающих эффектов могут быть кардинально противоположными. При этом связи объединены в шесть следующих циклов: внедрение инноваций, административное регулирование, практическое приложение инновационных разработок, уменьшение административных барьеров, потребность в инновациях, получение прибыли в короткий срок, инвестиционная поддержка.

Акцент на важности и необходимости использования именно динамического моделирования делает и А. В. Маслобоев, выделяющий его следующие основные преимущества: возможность более простого решения проблемы моделирования в случаях с оценкой сложных, слабоформализованных ситуаций; возможность моделирования поведения систем в тех ситуациях, которые ранее не встречались; моделирование ситуаций, наблюдение которых осложнено большой длительностью их развития (или, наоборот) [5]. Предлагаемая системно-динамическая модель нацелена на по-

нимание процессов распространения инновации, отражает содержание наиболее важных факторов, которые представлены структурными элементами и отдельными компонентами (переменными, константами, уровнями, потоками). К этим факторам автор относит: внутреннюю структуру соответствующего сектора рынка; управленческие решения в отношении ценообразования, рекламной политики, управления качеством продукции, проведения НИОКР; общие закономерности развития инновационных рынков» [5, с. 36].

Принимая во внимание сложность инновационных процессов, наиболее эффективным подходом их исследования нам представляется имитационное моделирование. Создание модели инновационного процесса в рамках данного метода заключается в том, что подробному воссозданию подлежат все объектные и процессные составляющие системы, а все агенты образуют класс объектов [8]. С точки зрения М. В. Шермадини, агент — это «автономный объект, который имеет определенное восприятие окружающего пространства, информацию, которая у него есть» [10, с. 135]. Цели агентов могут быть у каждого свои либо взаимосвязаны, противоположны или одинаковые. Действия, выполняемые агентом, могут быть индивидуальные, независимые, или, напротив, коллективные, зависимые от действия других. У каждой из методик существуют свои достоинства и недостатки: мультиагентная

система может быть сведена к обычному моделированию, но технические возможности агентной модели существенно выше.

Анализ тех элементов инновационной деятельности, которые наиболее часто становятся объектами моделирования, позволяет говорить об их выделении в рамках двух относительно самостоятельных процессов: создание инноваций и их последующее использование [6]. По мнению А. Г. Паршина, ключевыми объектами моделирования являются следующие (табл. 1).

Нельзя не согласиться с мнением И. А. Александровой, А. М. Губернаторова в том, что наиболее целесообразным в процессе моделирования инновационных процессов является использование комплекса методических подходов, в основании которых лежат как статистические, так и экспертные данные [1, с. 451]. В этой связи авторы предлагают использовать указанные ранее методы при одновременном применении теории нечеткой логики. Как подчеркивают Л. В. Кирина и Л. А. Астанина, процесс реализации инноваций по своей сути связан с экономическим риском. Следовательно, управление нововведениями должно опираться на два основных условия: а) необходимо стимулировать с помощью предпроектных инвестиций выдвижение идей, связанных с инновациями продукта; б) осуществлять систематический контроль за инновационным процессом с точки зрения оценки шансов на достижение успеха инновации продукта [4, с. 104].

Риск, как наиболее важный элемент инновационной деятельности, выделяется также М. Б. Гузаировой, Е. В. Орловой. Вероятностно-статистические методы, методы теории нечетких множеств, методы теории конфликтов, имитационное моделирование и эконометрические модели — это тот неполный ряд подходов к анализу и оценке рисков, которые используются в настоящее время. Однако, наиболее широко применяются статистические и экспертные группы методов, которые, тем не менее, имеют ряд ограничений и недостатков для оценки рисков инновационной деятельности. Риск инновационной деятельности возникает в том случае, когда существует несколько путей ее развития, каждый из которых характеризуется своим индивидуальным набором параметров. Причем для каждого субъекта инновационной деятельности можно выделить свой набор рисков [3, с. 230] (рис. 2).

Помимо высокой вариативности видов рисков в зависимости от их потенциального носителя, состав рисков изменятся в зависимости от стадии жизненного цикла инновации. В еще большем диапазоне изменяется состав факторов риска — тех причин, которые привели к неудовлетворительному результату инновационной деятельности.

Рассуждая о рисках реализации инновационных проектов, А. С. Васин, А. Ю. Шахов обосновывают настоятельную необходимость использования для их оценки методов статистического моделирования, основанных на

Таблица 1 — Ключевые объекты моделирования инновационной деятельности

Наименование объекта	Краткая характеристика	
Разработка инноваций	Осуществляются экономики и организационно взаимосвязанным комплексом научно-исследовательских, проектно-конструкторских и иных организаций и учреждений	Характеризуют собственно инновационную деятельность
Производство (диффузия) инноваций	Осуществляется на промышленных предприятиях (за исключением организационно-управленческих инноваций)	
Внедрение инноваций	Осуществляется конкретными предприятиями и организациями, являющиеся потребителями инноваций	
Позитивные изменения	Явления и процессы, наблюдаемые в вещественных элементах, организационно-управленческих и социальных аспектах производства	Характеризуют конечные результаты инновационной деятельности

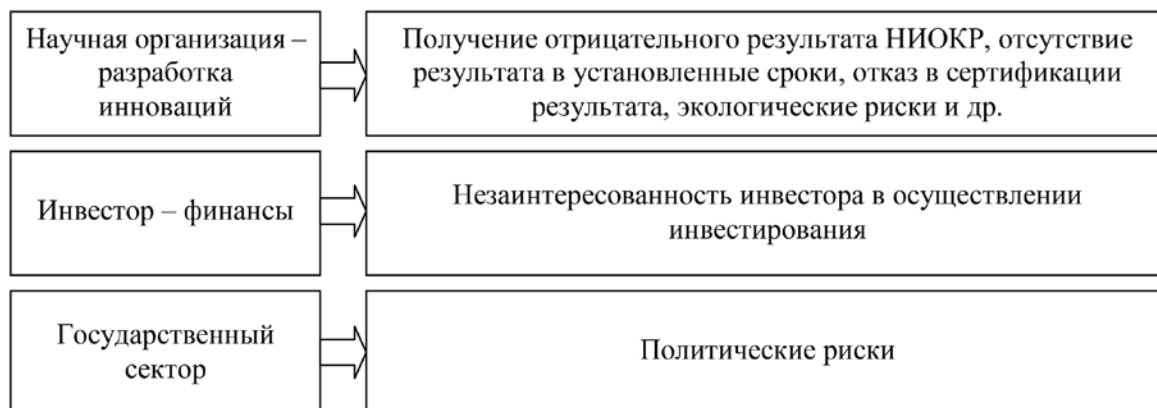

Рисунок 2 — Виды риска инновационной деятельности

реализации трех этапов. Первый этап — это разработка модели входящих параметров, второй — расчет их количественных значений, третий — построение вероятности их распределения на основе квазистатистических законов [2]. С точки зрения авторов, преимущество данного метода для моделирования инновационных процессов является то, что один алгоритм можно использовать для параметров с различным вероятностным распределением.

Таким образом, ввиду сложности, многоаспектности, разнонаправленности инновационных процессов, учитываемых факторов и условий в рамках даже одной рассматриваемой системы (например, город), любая модель имеет ограниченную полноту и точность, высокую вариабельность используемых параметров, что предопределяет актуальность дальнейших исследований в области моделирования инновационных процессов.

Список источников

- [1] *Александрова И. А., Губернаторов А. М.* Моделирование инновационных процессов в отраслях экономики на основе принципов нечеткой логики // *Современные проблемы науки и образования.* — 2015. — № 2–2. — С. 451.
- [2] *Васин А. С., Шахов А. Ю.* Моделирование финансовых результатов инновационных проектов на транспортных предприятиях // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* — 2009. — Т. 5. — № 24 (57). — С. 20–23.
- [3] *Гузаиров М. Б., Орлова Е. В.* Моделирование инновационных процессов региональных систем в условиях риска // *Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета.* — 2012. — № 1. — С. 226–232.
- [4] *Кирина Л. В., Астанина Л. А.* Моделирование инновационных процессов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки.* — 2008. — Т. 8. — Вып. 2. — С. 105.
- [5] *Маслобоев А. В.* Имитационное моделирование развития инновационных процессов на основе метода системной динамики и агентных технологий // *Качество. Инновации. Образование.* — 2009. — № 3 (46). — С. 34–43.
- [6] *Паршин А. Г.* Моделирование инновационных процессов в отраслях хозяйства региона // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС.* — 2013. — Т. 4. — № 1 (8). — С. 51–55.
- [7] *Путилов В. А., Горохов А. В.* Имитационное моделирование инновационных процессов: инновационного предприятия в области промышленного производства // *Информационные ресурсы России.* — 2007. — № 4 (98). — С. 7.
- [8] *Соломина О. А., Румянцев Е. К.* Мультиагентное моделирование инновационных процессов в экономике // *Сборники конференций НИЦ Социосфера.* — 2011. — № 24. — С. 13–14.
- [9] *Трегубов В. Н., Славнецкова Л. В.* Моделирование инновационных процессов на городском транспорте с использованием методов системной динамики // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.* — 2020. — Т. 20. — № 1. — С. 29–37.
- [10] *Шермадини М. В.* Агентное моделирование как современный метод исследования инновационных экономических систем // *Экономика: вчера, сегодня, завтра.* — 2018. — Т. 8. — № 7А. — С. 135–142.

References

- [1] Aleksandrova I. A., Gubernatorov A. M. Modelirovanie innovacionny`x processov v otraslyax e`konomiki na osnove principov nechetkoj logiki [Modeling Innovation Processes in Sectors of the Economy Based on the Principles of fuzzy Logic] // Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. — 2015. — No. 2–2. — P. 451.
- [2] Vasin A. S., Shaxov A. Yu. Modelirovanie finansovy`x rezul`tatov innovacionny`x proektov na transportny`x predpriyatiyax [Modeling the Financial Results of Innovative Projects at Transport Enterprises] // Nacional`ny`e interesy`: priority` i bezopasnost` [National Interests: Priorities and Security]. 2009. — Vol. 5. — No. 24 (57). — Pp. 20–23.
- [3] Guzairov M. B., Orlova E. V. Modelirovanie innovacionny`x processov regional`ny`x sistem v usloviyax riska [Modeling the Innovation PROCESSES of Regional Systems under Risk Conditions] // Vestnik Ufimskogo gosudarstvennogo aviacionnogo texnicheskogo universiteta [Bulletin of the Ufa State Aviation Technical University]. — 2012. — No. 1. — Pp. 226–232.
- [4] Kirina L. V., Astanina L. A. Modelirovanie innovacionny`x processov [Modeling innovation processes] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social`no-e`konomicheskie nauki [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences]. — 2008. — Vol. 8. — Iss. 2. — Pp. 105.
- [5] Masloboev A. V. Imitacionnoe modelirovanie razvitiya innovacionny`x processov na osnove metoda sistemnoj dinamiki i agentny`x texnologij [Simulation of the Development of Innovative Processes Based on the Method of System Dynamics and Agent Technologies] // Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie [Quality. Innovation. Education]. — 2009. — No. 3 (46). — Pp. 34–43.
- [6] Parshin A. G. Modelirovanie innovacionny`x processov v otraslyax xozyajstva regiona [Modeling Innovation Processes in the Sectors of the Regional Economy] // Nauchny`e trudy` Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANXiGS [Scientific works of the North-West Institute of Management RANEPa]. — 2013. — Vol. 4. — No. 1 (8). — Pp. 51–55.
- [7] Putilov V. A., Goroxov A. V. Imitacionnoe modelirovanie innovacionny`x processov: innovacionnogo predpriyatiya v oblasti promy`shlennogo proizvodstva [Simulation of Innovative Processes: an Innovative Enterprise in the Field of Industrial Production] // Informacionny`e resursy` Rossii [Information Resources of Russia]. — 2007. — No. 4 (98). — P. 7.
- [8] Solomina O. A., Rumyantsev E. K. Mul`tiagentnoe modelirovanie innovacionny`x processov v e`konomike [Multi-Agent Modeling of Innovative Processes in the Economy] // Sborniki konferencij NICz Sociosfera [Proceedings of Conferences of the Scientific Research Center Sociosphere]. — 2011. — No. 24. — Pp. 13–14.
- [9] Tregubov V. N., Slavnechkova L. V. Modelirovanie innovacionny`x processov na gorodskom transporte s ispol`zovaniem metodov sistemnoj dinamiki [Modeling Innovation Processes in Urban Transport Using System Dynamics Methods] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo [Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Economics. Control. Right]. — 2020. — Vol. 20. — No. 1. — Pp. 29–37.
- [10] Shermadini M. V. Agentnoe modelirovanie kak sovremenny`j metod issledovaniya innovacionny`x e`konomicheskix sistem [Agent Modeling as a Modern Method for Researching Innovative Economic Systems] // E`konomika: vchera, segodnya, zavtra [Economy: Yesterday, Today, Tomorrow]. — 2018. — T. 8. — No. 7A. — Pp. 135–142.

Информация об авторах

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и права;

Ю. А. Кузнецова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about authors

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Head at the Department of Philosophy, History and Law;

Yu. A. Kuznetsova — Candidate of Science (Economic), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 68–75
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 68–75

Научная статья

УДК 658:338.24:339.924

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-68-75

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМИ СИСТЕМАМИ

Ирина Александровна Сабирова^{1, 2✉}

¹Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия, Sabirovairina28@yandex.ru

²Российские железные дороги, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы внедрения инновационных технологий в систему управления железными дорогами. Объектом исследования выступает эффективность управления железнодорожными системами. Предметом исследования — инновационные технологии и их влияние на результативность менеджмента железнодорожных систем. Цель работы — провести теоретический анализ влияния инноваций на эффективность управления железнодорожными системами и на примере крупных зарубежных ж/д систем определить основные факторы эффективности инноваций. Научная новизна представленной работы заключается в анализе зарубежного опыта развития эффективных инструментов управления железнодорожными системами в условиях внедрения инноваций. В работе сделан вывод о том, что будущее железнодорожной отрасли напрямую зависит от степени ее цифровизации и технологизации, внедрения интеллектуальных транспортных систем и активной интеграции в глобальное пространство инновационного развития.

Ключевые слова: транспорт, железные дороги, железнодорожные системы, управление, эффективность, тенденции, инновационные технологии, интернет вещей, «умные железные дороги», проблема внедрения

Для цитирования: Сабирова И. А. Влияние инновационных технологий на эффективность управления железнодорожными системами // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 68–75. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-68-75>.

THE IMPACT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES ON THE EFFICIENCY OF RAILWAY SYSTEM MANAGEMENT

Irina Aleksandrovna Sabirova^{1, 2✉}

¹Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia, Sabirovairina28@yandex.ru

²Russian Railways, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the issues of introducing innovative technologies into the railway management system. The object of the study is the efficiency of management of railway systems. The subject of the research is innovative technologies and their impact on the effectiveness of railway systems management. The purpose of the work is to conduct a theoretical analysis of the impact of innovations on the efficiency of railway systems management and, using the example of large foreign railway systems, to determine the main factors of innovation efficiency. The scientific novelty of the presented work lies in the analysis of foreign experience in the development of effective management tools for railway systems in the context of innovation. The paper concludes that the future of the railway industry directly depends on the degree of its digitalization and technologization, the introduction of intelligent transport systems and active integration into the global space of innovative development.

Keywords: transport, railways, railway systems, management, efficiency, trends, innovative technologies, Internet of things, "smart railways", the problem of implementation

For citation: Sabirova I. The impact of innovative technologies on the efficiency of railway system management // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 68–75. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-68-75>.

Ожидается, что объем мирового рынка систем управления железнодорожными путями вырастет с 10,50 млрд долларов США в 2016 году до 20,58 млрд долларов США к 2021 году и до 61,9 млрд долларов США к 2025 году при совокупном годовом темпе роста (CAGR) в течение прогнозируемого периода в размере 8,7 % [6, с. 249]. Ожидается, что основными факторами, стимулирующими рост рынка систем управления железнодорожным транспортом, станут:

- высокий демографический рост и гиперурбанизация,
- рост государственных инициатив и государственно-частного партнерства,
- внедрение интернета вещей (*IoT* — *internet of things*) и других технологий автоматизации,
- рост загруженности из-за старения железнодорожной инфраструктуры.

Кроме того, по данным Международного транспортного форума Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к 2050 году мобильность пассажиров увеличится на 200–300 %, а грузовая активность — на 150–250 % по отношению к 2010 году [3]. Ожидается, что эти цифры окажут влияние на каждый компонент цепочки создания стоимости отрасли — от обслуживания пассажиров до внутренней организации.

Пандемия COVID-19 значительно повлияла на железнодорожные перевозки в 2020 году, когда железнодорожное сообщение во многих странах было остановлено на четверть. Несколько стран продолжили железнодорожные перевозки с ограниченным количеством поездов на пути, но это не оказало существенного влияния на аналитику отрасли. В то время как одни страны понесли серьезные потери от пандемии, другие занялись полной реконструкцией железнодорожной инфраструктуры и строительством новых путей и грузовых коридоров во время введенной блокады.

Несмотря на то, что влияние COVID-19 на рынок было серьезным в 2020 году, ожида-

ется, что к концу 2021 года рынок вернется к допандемическим показателям. Потребуется технологии дистанционного мониторинга и прогнозного технического обслуживания, поскольку выведенный из эксплуатации подвижной состав будет нуждаться в надлежащем техническом обслуживании.

Современная европейская система железнодорожных коммуникаций была построена в начале 1990-х годов с учетом устоявшихся стандартов и потенциала предоставления железнодорожных услуг того времени. В настоящее время железные дороги сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны других видов транспорта. Например, автодорожный сектор обеспечивает привлекательные, экономически эффективные, надежные, гибкие и удобные перевозки грузов и пассажиров «от двери до двери», в том числе, с возможностью пересечения границы. Однако, как отмечает А. С. Головин, «железнодорожный транспорт имеет качественное преимущество перед остальными видами транспорта по таким показателям, как грузоподъемность, низкая стоимость, скорость. Инвестиции в данную отрасль помогут увеличить товаро- и пассажирооборот. Опираясь на исторический опыт, можно сделать вывод, что развитие железных дорог способствовало территориальному развитию и, как следствие, освоению новых или заброшенных территорий» [1, с. 57].

Растущий спрос на железнодорожные услуги оказывает давление на существующие системы управления перевозками и требует оптимизации пассажирских и грузовых расписаний для достижения увеличения пропускной способности существующей железнодорожной инфраструктуры. Железнодорожные грузовые компании переживают рост торговли, особенно в энергетической и сырьевой сферах. Железнодорожные гавани функционируют на грани безаварийности, поскольку ежедневно вынуждены проходить «узкие места» в плане логистики, расписания, ресурсного обеспечения и прочих факторов, что приводит к проблемам в коммуникациях с отдаленными железнодо-

рожными модулями. Железнодорожные компании увеличивают использование активов и делают значительные инвестиции в инфраструктуру для решения проблем с пропускной способностью. Они также вкладывают значительные средства в надлежащее управление активами, автоматизацию и технологии управления движением.

В Европе эта проблема еще более усугубляется фрагментированным железнодорожным рынком с многочисленными национальными системами железнодорожной сигнализации и контроля скорости. Таким образом, интероперабельность представляет собой ключевую проблему для свободного движения железнодорожных перевозок.

Стареющие железнодорожные системы ограничивают эффективность использования ресурсов и ставят под угрозу надежность существующих железнодорожных рынков. Новые рынки принимают новые, более гибкие технологические инфраструктуры и технологические решения. Некоторые ИТ-системы, используемые в управлении железнодорожными системами, являются старыми и сложными, что снижает эффективность управления железнодорожными модулями. Они также не в состоянии адаптироваться под масштабы роста, прогнозируемые в ближайшие несколько лет. Частые сбои в работе сети и сбои в работе системы могут иметь эффект домино, существенно влияющий на удовлетворенность клиентов.

Следует отметить, что такие факторы, как эксплуатационная неэффективность, отсутствие инфраструктуры и интероперабельности, высокая первоначальная стоимость развертывания и сложности интеграции устаревших систем и сети, могут препятствовать росту железнодорожной отрасли. Кроме того, устаревшая инфраструктура, устаревшие системы связи и медленное внедрение автоматизации и защитных технологий в этом сценарии создают огромные риски для безопасности. Поскольку железнодорожные системы все больше и больше полагаются на беспроводную связь, риск внешних помех, вторжений и кибератак в отношении них становится все более актуальным, а проблема снижения уязвимыми выступает вызовом технологиче-

ским инновациям. Последствия даже небольшого сбоя становятся особенно серьезными, поскольку поезда становятся более мощными, перевозят больше пассажиров и движутся быстрее. Системы, критически важные для безопасной работы, могут быть скомпрометированы простым электронным устройством или небольшим фрагментом вредоносного кода. Когда на карту поставлены безопасность и жизнь пассажиров, усиленная защита электронных систем становится фундаментальным требованием.

Устаревшие системы часто не могут интегрироваться с интеллектуальными устройствами нового поколения из-за проблем с протоколом. Эти системы недостаточно способны эффективно взаимодействовать с технологически развитыми системами. Поскольку большинство развивающихся стран все еще полагаются на свою унаследованную инфраструктуру, то эти интеграционные сложности, как ожидается, будут препятствовать росту рынка в развивающихся регионах в ближайшие годы. Ограничения в использовании интернет технологий и уровень сетевой безопасности, по прогнозам, станут одними из основных проблем роста рынка систем управления железнодорожным транспортом.

Зарождение «умных железных дорог» началось с эволюции Глобальной системы мобильной связи — Железная дорога или GSM-Железная дорога (GSM-R), которая считается краеугольным камнем трансформации железнодорожной отрасли. Железнодорожные операторы в основном используют GSM-R для оперативной голосовой связи и передачи данных. В течение определенного периода времени инновации в области технологий беспроводной связи обеспечивали надежную передачу видео и данных на большие расстояния. В 2000-е годы внедрение новых технологических решений и различных цифровых устройств спроектировало новые области применения, такие как предоставление пассажирам информации о маршрутах и точках стоянок и пересадок, коммуникационный контроль рельсового пути, системы управления железнодорожным движением и решения в области управления поездами. Однако после 2005 года железнодорожная отрасль

пережила серьезную революцию с появлением IoT и принятием проектов «умного города», что привело к разработке таких решений, как интеллектуальные билеты, информационно-развлекательная система для пассажиров, железнодорожная аналитика и динамическое планирование маршрутов. Промышленные решения на основе IoT в конечном итоге укрепили конкурентные преимущества, а также открыли новые бизнес-модели, которые уже оказывают влияние на мировую железнодорожную отрасль», — отмечается в работе В. П. Куприяновского, О. Н. Покусаева, Ю. И. Волокитина, Д. Е. Намиот, И. П. Петруниной, А. В. Зажигалкина [2].

Система управления железной дорогой требует огромных первоначальных инвестиций для создания устройств полевого уровня, замены устаревшей инфраструктуры, организации сетей передачи данных между конечными пользователями и управления интеграцией новых и существующих систем в объектах инфраструктуры железной дороги. Высокие эксплуатационные и неэксплуатационные расходы также являются огромной проблемой для железнодорожного менеджмента.

IoT оказал значительное влияние на транспортную отрасль с появлением автономных транспортных средств и улучшением управления грузами. По мере того как IoT продолжает развиваться, он обеспечивает большую стандартизацию, открытость и масштабируемость информации, предоставляемой операторам: они получают представление о том, как работают их активы, что открывает множество новых возможностей для более творческого и эффективного использования больших данных. Тем не менее тот факт, что поезда проходят на высоких скоростях через туннели, а также движутся в экстремальных погодных условиях, представляет реальные проблемы, когда речь идет о расширении использования систем IoT.

IoT обладает потенциалом вывести железнодорожную отрасль на совершенно новый уровень цифровизации. Все элементы железнодорожной сети должны работать совместно. Интернет поездов обещает, что железнодорожные системы могут перепрыгнуть через вопросы совместимости и безопасности, одно-

временно быстро модернизируясь. Это относится к использованию сетей интеллектуальных бортовых устройств, подключенных к облачным приложениям для улучшения систем связи и управления. Та же самая сеть, которая укрепляет безопасность, обладает достаточными возможностями для доставки данных, которые служат различным приложениям по всей железнодорожной системе, чтобы снизить затраты и улучшить качество эксплуатации подвижного состава. Использование IoT возможно благодаря достижениям в некоторых базовых технологиях:

1. Телекоммуникационные сети становятся специализированными для приложений IoT, при этом широкополосная связь становится недорогой, более быстрой и повсеместной. Железнодорожные компании используют оптоволокно вдоль своих путей и заключают договоры с операторами мобильной связи, чтобы использовать свои сети для поддержания непрерывной мобильной связи. Таким образом, соответствующие технологические решения могут повысить эффективность телекоммуникационной составляющей железнодорожных услуг за счет использования датчиков, встроенных в различные объекты и системы, для автоматизации задач и обеспечения мониторинга и анализа в реальном времени.

2. Датчики для сбора данных становятся все меньше, доступнее и теперь потребляют меньше энергии. В некоторых случаях срок службы батареи датчиков может быть продлен до пяти лет, что немаловажно, так как не всегда можно быть близко к источнику питания.

3. Облачные сервисы стали более распространенными, подпитываемыми как быстрым подключением, так и иными «умными» устройствами. Они могут быть использованы для хранения данных датчиков и обеспечения вычислений, необходимых для анализа больших данных.

Известные коммерческие компании в последнее время инвестируют в IoT. В качестве примера приведем Frecciarossa — высокоскоростной поезд итальянской железнодорожной компании Trenitalia, которая работает с SAP над разработкой динамической системы управления техническим обслуживанием [7]. Система

обеспечивает экономию затрат от 8 до 10 % от ее счета за техническое обслуживание. В этом случае сотни датчиков собирают данные в режиме реального времени (от тормозных систем до раздвижных дверей), загружая их в облако SAP каждые десять минут. В Trenitalia курсируют 8000 поездов в день, используется парк из 30 000 локомотивов, вагонов и грузовых вагонов. Как только данные попадают в облако, они анализируются с помощью программного обеспечения SAP Predictive Maintenance and Service и обрабатываются инструментом Predictive Analytics Tool SAP HANA. Таким образом, Trenitalia может строить прогнозные модели с использованием машинного обучения, а также запускать действия (например, когда температура двигателя достигает определенного порога, чтобы помочь поездам работать без задержек). Ключевые показатели, а также диагностические и управленческие данные доступны инженерам и визуализируются в режиме реального времени: количество поездов, вышедших из эксплуатации, оповещения, подразумевающие действия по техническому обслуживанию, состояние поездов на пути или количество пассажиров. Trenitalia надеется автоматизировать те немногие оставшиеся части диагностики и технического обслуживания, которые не могут быть обнаружены датчиками, такие как крыша и ходовая часть поездов, которые все еще нуждаются в визуальном осмотре. В будущем эти задачи будут автоматизированы с помощью камер, а не визуального контроля, необходимого сегодня.

В 2013 году финская государственная железнодорожная компания в целях повышения своей конкурентоспособности начала внедрять в свои системы датчики для мониторинга возможных сбоев, связанных с погодными условиями [8]. Ранее эта компания выполняла техническое обслуживание (ТО) двумя способами. Во-первых, плановое ТО, которое затрагивало наиболее критические системы (например, тележки и колеса). Из-за этого типа обслуживания детали заменялись даже тогда, когда они все еще могли использоваться чуть больше времени. Вторая процедура ТО состояла в фиксации деталей после их поломки. Этот вид обслуживания не мог быть легко предска-

зан и выведен из пропущенных маршрутов и неудовлетворенных клиентов. Чтобы предотвратить проблемы, возникшие в результате этих двух процедур ТО, компания разработала прогностическую программу ТО, которая постоянно отслеживает состояние наиболее важных деталей. Эта система с помощью математических моделей оценивает, когда деталь может выйти из строя, чтобы ее можно было заменить раньше, во избежание незапланированных простоев. Чтобы оптимизировать время между мероприятиями ТО, компания анализирует данные, собранные с помощью системы статистического анализа (SAS), и определяет, нужно ли заменять такие критические элементы, как поворотные колеса или колесно-осевые агрегаты. С учетом всех проведенных улучшений, по оценкам компании, ремонтные работы сократятся на 35 %. За счет этого повышается надежность поездов и достигается экономия времени и денег. Кроме того, знания, полученные с помощью системы, позволяют компании минимизировать свой запас запасных частей, покупая и сохраняя только то, что прогнозируется, что будет необходимо в ближайшем будущем.

Прогнозное ТО, реализуемое на основе интернет-данных, передаваемых в офис, также поощряется Siemens совместно с Teradata [5]. В компании ожидают, что прогнозное ТО будет развиваться в направлении подвижного состава следующего поколения, создавая совершенно новую бизнес-модель для предоставления широкого перечня услуг с гарантиями бесперебойной работы, моделями распределения рисков и контрактами на основе производительности для мобильных систем.

Другой пример использования IoT в железнодорожной отрасли представлен французской «Национальной компанией французских железных дорог» (SNCF) [4], которая также использует IoT на базе платформы IBM Watson Deep Learning Analytics и сети IoT SigFox. Эти альянсы являются частью стратегии компании до 2020 года стать промышленным лидером, стремящимся к операционному совершенству и оптимальной эффективности, которую они успешно реализовали.

SNCF разработала прототип, в котором устройства сбора данных встроены в систему

передачи на поезде à Grande Vitesse (TGV). Данные передаются по GSM-R и могут быть доступны удаленно в железнодорожном депо, что позволяет технике видеть, насколько хорошо работает коробка передач локомотива. SNCF также использует коммуникационные устройства Sigfox для измерения уровня воды в туалетах TGV, что ускоряет время оборота, когда поезд прибывает в депо. Кроме того, инженеры могут подключаться к работающим поездам в режиме реального времени, что позволяет SNCF выяснить, может ли отказать та, или иная деталь, что может привести к выводу поезда из эксплуатации. Облачные технологии позволяют SNCF выполнять распределенные вычисления, результаты которых могут быть повторно внедрены в процессы обслуживания поездов и рельсов.

Как отмечают В. П. Куприяновский, О. Н. Покусаев, Ю. И. Волокитин, Д. Е. Намиот, И. П. Петрунина, А. В. Зажигалкин, «устаревшая инфраструктура постепенно заменяется системами управления поездами, которые превращают поезда в коммуникационные узлы, обменивающиеся данными между ними и с сетевыми центрами управления. Кроме того, инновационные коммуникационные решения позволяют операторам оптимизировать и сделать более безопасным использование оборудования и инфраструктуры» [2].

Ожидается, что в ближайшие годы расходы на ТО будут расти в связи со старением инфраструктуры и увеличением числа перевозимых пассажиров и грузов. В связи с этой тенденцией возникает потребность в мониторинге сложных ремонтных работ, связанных с различными элементами железнодорожной системы.

Решения по ТО критически важных объектов инфраструктуры могут быть улучшены с использованием точного местоположения поезда, его скорости, веса, данных с датчиков вибрации, расположенных вдоль пути, метеорологических отчетов и подробностей о том, как долго разъем питания отключается от контактной сети во время работы. Слияние этой информации с другими метаданными, такими как коэффициенты расширения контактной сети и температура пути, может еще больше повысить эффективность процесса принятия решений и помочь создать более сложное про-

граммное обеспечение для планирования железнодорожных перевозок.

Безопасность железных дорог в Европейском союзе является одной из самых высоких в мире. Железнодорожные инциденты (аварии, терроризм и пр.) не являются частыми и приводят к относительно низкому числу смертей, но часто затрагивают значительное число людей. Для поддержания и повышения безопасности необходимы совместимые и согласованные стандарты.

IoT может повысить безопасность и эффективность железнодорожных перевозок за счет обеспечения профилактического обслуживания. Экономическая эффективность также может быть получена за счет упрощения процессов и принятия более взвешенных решений с помощью аналитики, основанной на слиянии сенсоров данных, собранных с поездов и других инфраструктур. Информация, касающаяся классификации неисправностей, может быть проанализирована на нескольких активах, даже на нескольких операторах, чтобы позволить выявить тенденции износа и определить области для профилактического обслуживания. Кроме того, анализ данных может ускорить анализ первопричин, сократив рабочее время.

В. П. Куприяновский, О. Н. Покусаев, Ю. И. Волокитин, Д. Е. Намиот, И. П. Петрунина, А. В. Зажигалкин подчеркивают, что «умные железные дороги представляют собой комбинацию взаимосвязанных технологических решений и компонентов, а также современной транспортной инфраструктуры, такой как автоматические билетные системы, цифровые дисплеи и умные счетчики. Кроме того, эти системы требуют бесшовной беспроводной связи с высокой скоростью передачи данных и интегрированных программных решений для оптимизации использования активов, от путей до поездов, для удовлетворения постоянно растущего спроса на энергоэффективные и более безопасные услуги» [2].

Движущим фактором «умных» железных дорог станет рост отрасли в целом. Возрастают важность устойчивости, государственного регулирования; роль демографических факторов (т.е. растущего пассажиропотока и грузопотока, старения населения и быстрой

урбанизации); макроэкономики (т.е. ограниченного государственного финансирования и дефицита государственного бюджета, правительственных инициатив и моделей партнерства); микроэкономики (т.е. чувствительности цен, потребностей в улучшении пассажирского опыта, интересов заинтересованных сторон); важность умных городов, невероятных темпов телекоммуникационных и технологических изменений и необходимости мобильности.

Безусловно, интернет поездов и IoT все еще сталкиваются со многими проблемами, таки-

ми как стандартизация, интероперабельность, масштабируемость, энергоэффективность и кибербезопасность, которые должны быть решены как на научном, так и прикладном уровнях, поскольку в перспективе любым технологическим инновациям, которые внедряются сегодня в систему управления железнодорожной отраслью уже в самом ближайшем будущем придется справляться с дополнительными проблемами, связанными с железнодорожной средой и специфическим характером операций и сетей.

Список источников

- [1] Головин А. С. Повышение эффективности финансирования модернизации железных дорог // Актуальные проблемы современной науки и практики. — 2018. — № 1. — С. 57.
- [2] Куприяновский В. П. Формализованные онтологии и сервисы для высокоскоростных магистралей и цифровой железной дороги / В. П. Куприяновский, О. Н. Покусаев, Ю. И. Волокитин и др. // International Journal of Open Information Technologies. — 2018. — Т. 6. — № 6. — С. 69–86.
- [3] Шкурина Л. В., Маскаева Е. А., Щекочихина Ю. Н. Менеджмент и экономика предприятий железнодорожного транспорта : учеб. пособие. — М. : ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», 2020. — 231 с.
- [4] International Transport Forum [Electronic resource]. — URL: www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/11outlook.pdf (date of the application: July 19, 2021).
- [5] Railway Management System Market by Solution. Global Forecast to 2025. — NY, 2021. — P. 249.
- [6] SNCF Mise Sur l'IoT Industriel Avec Ericsson, IBM et Sigfox [Electronic resource]. — URL: www.aruco.com/2016/04/sncf-internet-objets-industriel/ (date of the application: July 17, 2021).
- [7] The Internet of Trains-Analysing Sensor Data Helps Siemens Keep Operators on Track by Reducing Train Failures (Case study/Transportation) [Electronic resource]. — URL: www.assets.teradata.com/resourceCenter/downloads/CaseStudies/EB8903.pdf?processed=1 (date of the application: July 17, 2021).
- [8] Trenitalia: Creating a Dynamic Maintenance Management System Powered by SAP HANA [Electronic resource]. — URL: www.sap.com/italy/assetdetail/2015/12/b6caea0d-507c-0010-82c7-eda71af511fa.html (date of the application: July 17, 2021).

References

- [1] Golovin A. S. Povysheniye effektivnosti finansirovaniya modernizatsii zheleznnykh dorog [Increasing the Efficiency of Financing the Modernization of Railways] // Aktual'nyye problemy sovremennoj nauki i praktiki [Actual Problems of Modern Science and Practice]. — 2018. — No. 1. — P. 57.
- [2] Kupriyanovskiy V. P. Formalizovannye ontologii i servisy dlya vy sokoskorostnykh magistralej i cifrovoj zheleznoj dorogi / V. P. Kupriyanovskij, O. N. Pokusaev, Yu. I. Volokitin i dr. [Formalized Ontologies and Services for High-Speed Highways and Digital Railway / V. P. Kupriyanovskiy, O. N. Pokusaev, Yu. I. Volokitin et al.] // [International Journal of Open Information Technologies]. — 2018. — Vol. 6. — No. 6. — Pp. 69–86.
- [3] Shkurina L. V., Maskaeva E. A., Shchekochikhina Yu. N. Menedzhment i ekonomika predpriyatij zheleznodorozhnogo transporta : ucheb. posobie [Management and Economics of Railway Transport Enterprises : a tutorial]. — Moscow : Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian University of Transport", 2020. — 231 p.
- [4] International Transport Forum [Electronic resource]. — URL: www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/11outlook.pdf (date of the application: July 19, 2021).
- [5] Railway Management System Market by Solution. Global Forecast to 2025. — NY, 2021. — P. 249.
- [6] SNCF Mise Sur l'IoT Industriel Avec Ericsson, IBM et Sigfox [Electronic resource]. — URL: www.aruco.com/2016/04/sncf-internet-objets-industriel/ (date of the application: July 17, 2021).
- [7] The Internet of Trains-Analysing Sensor Data Helps Siemens Keep Operators on Track by Reducing Train Failures (Case study/Transportation) [Electronic resource]. — URL: www.assets.teradata.com/resourceCenter/downloads/CaseStudies/EB8903.pdf?processed=1 (date of the application: July 17, 2021).

[8] Trenitalia: Creating a Dynamic Maintenance Management System Powered by SAP HANA [Electronic resource]. — URL: www.sap.com/italy/assetdetail/2015/12/b6caea0d-507c-0010-82c7-eda71af511fa.html (date of the application: July 17, 2021).

Информация об авторах

И. А. Сабирова — аспирант кафедры непроизводственной сферы и социальных технологий; заместитель начальника отдела ОАО «Российские железные дороги».

Information about authors

I. A. Sabirova — postgraduate student at the Department of Non-Production Sphere and Social Technologies; Deputy Division Chief, Russian Railways JSC.

Статья поступила в редакцию 29.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 29.10.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 20.12.2021.

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

ECONOMY AND LAW

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 76–83
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 76–83

Научная статья

УДК 347.78

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-76-83

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА РАЗЛИЧНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Наиля Альфритовна Гареева^{1✉}, Амир Айдарович Гареев²

¹Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия,
gareevana5@mail.ru✉

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
amir.gareev.1999@mail.ru

Аннотация. К числу ключевых проблем правоприменительной практики и юридической науки в современных условиях относится проблема наследования интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства, особенность которой обусловлена их нематериальным характером и правовой природой фактического принятия наследства. Целью исследования является объективная оценка оснований наследования интеллектуальных прав, критериев интеллектуальных прав, подлежащих наследованию. Научная новизна исследования заключается в комплексной диагностике полномочий наследников интеллектуальных прав, содержания процесса наследования интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства, выявлении различий между кругом наследников по закону и по завещанию.

Ключевые слова: наследство, интеллектуальные права, правомочия наследников, личные неимущественные права, наследники по закону, наследники по завещанию, произведения литературы, произведения науки, произведения искусства

Для цитирования: Гареева Н. А., Гареев А. А. Проблемные аспекты наследования интеллектуальных прав на различные произведения науки, литературы и искусства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 76–83. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-76-83>.

PROBLEMATIC ASPECTS OF INHERITANCE OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS TO VARIOUS WORKS OF SCIENCE, LITERATURE AND ART

Nailya Alfritovna Gareeva^{1✉}, Amir Aidarovich Gareev²

¹V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, Kazan, Russia, gareevana5@mail.ru✉

²National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, amir.gareev.1999@mail.ru

Abstract. Among the key problems of law enforcement practice and legal science in modern conditions is the problem of inheritance of intellectual rights to works of science, literature and art, the peculiarity of which is due

to their intangible nature and the legal nature of the actual acceptance of the inheritance. The aim of the study is an objective assessment of the grounds for the inheritance of intellectual property rights, criteria for intellectual property rights to be inherited. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive diagnosis of the powers of the heirs of intellectual rights, the content of the process of inheritance of intellectual rights to works of science, literature and art, identifying the differences between the circle of heirs by law and by will.

Keywords: inheritance, intellectual rights, heirs' rights, personal non-property rights, heirs at law, heirs at law, works of literature, works of science, works of art

For citation: Gareeva N., Gareev A. Problematic aspects of inheritance of intellectual property rights to various works of science, literature and art // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 76–83. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-76-83>.

Наследование интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства — это одна из самых сложных тем в области частного права. Данная тема находится в призме сегодняшнего научного дискурса и привлекает внимание не только ученых-теоретиков в области наследственного и интеллектуального права, но также опытных и молодых практикующих юристов.

В круг рассматриваемых вопросов данного исследования входят особенности принятия наследства интеллектуальных прав и рассмотрение ключевых вопросов, связанных с принятием и отказом от наследства интеллектуальных прав на произведения литературы, науки и искусства.

Рассматривая степень научной разработанности темы, следует отметить, что ряд интеллектуальных прав, наследуемых по различным основаниям, закреплен в акте, содержащем нормы интеллектуального права — Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) [3–4]. Это свидетельствует о важной их роли для охраны прав авторов и правообладателей и защиты интересов других субъектов наследственных отношений.

Особенность правовой природы интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства заключается в том, что они являются авторскими правами. Автору принадлежит исключительное право, право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения и другие права, которые закреплены в ст. 1255 ГК РФ [4]. Также произведения науки, литературы и искусства входят в закрытый перечень объектов интеллектуальной собственности. То есть авторство предполагает определенный, нор-

мативно закрепленный перечень охраняемых законом прав, вытекающих из ст. 1255 ГК РФ.

Далее целесообразно отметить, что в ст. 1112 ГК РФ указано, какие права могут наследоваться, а какие нет [3]. Так, не могут наследоваться следующие категории прав. Это права неразрывно связанные с личностью автора и права, переход которых по наследству не допускается ГК РФ или другими законами. Например, в ст. 1295 ГК РФ установлено, что «право на вознаграждение за служебное произведение неотчуждаемо и не переходит по наследству» [4]. Также законодатель добавляет, что не наследуются личные неимущественные права и нематериальные блага. Права, которые могут переходить по наследству, это имущественные права.

Сущность исключительного права на произведение состоит в том, что автору или правообладателю принадлежит право использовать произведение в любой форме и любым способом, не противоречащим закону. Например, автор может запретить иным лицам использовать результат интеллектуальной деятельности. Следующей характеристикой исключительного права на произведение является ограниченность его существования, то есть наличие определенных сроков.

Право авторства — это личное право лица признаваться автором результатов интеллектуальной деятельности, в частности, автором произведения (ст. 1265 ГК РФ) [4]. Право авторства является абсолютным, поскольку у самого автора имеется возможность требовать от иных лиц признания того факта, что он создал свое произведение. Никакое третье лицо не может иметь право авторства на то же произведение, если оно не создано в соавторстве.

В ст. 1265 ГК РФ подчеркивается, что право авторства характеризуется неотчуждаемостью, то есть оно неразрывно связано с личностью автора и не может быть передано другому лицу ни при жизни, ни после смерти. Следовательно, право авторства не наследуется и не может перейти к другому лицу, в том числе к наследнику, даже если произойдет переход исключительного права на произведение.

Право автора на имя состоит в возможности лицом, являющимся автором, использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под псевдонимом или анонимно — без указания имени. Поскольку нормативное регулирование права автора на имя и права авторства содержится в одной и той же статье — 1265 ГК РФ, то по многим характеристикам они схожи [4]. Например, право на имя также не может отчуждаться и передаваться другим лицам, а отказ права на имя также является ничтожным. Соответственно, оно не наследуется.

Далее следует право на неприкосновенность произведения, правовая сущность которого изложена в ст. 1266 ГК РФ [4]. Неприкосновенность произведения заключается в том, что без согласия автора иным лицам нельзя вносить изменения, сокращения, дополнения в произведение. Пленум Верховного Суда также уточняет, что данные изменения касаются уже имеющегося произведения, а не нового [8]. То есть при их помощи новое произведение не создается, и неприкосновенность касается того произведения, которое изначально было создано автором.

Более того, право автора на неприкосновенность произведения содержится и в международных соглашениях. Например, ст. 6 bis Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений содержит положение о праве автора на противодействие искажениям и иным изменениям произведения [1]. Несмотря на то, что перечень возможных изменений носит открытый характер, в данной норме можно проследить причинно-следственную связь между изменением произведения без согласия автора и последствиями таких действий, а именно — потенциальный риск нанесения ущерба репутации и чести автора.

В судебной практике часто можно встретить дела, где было нарушено право на неприкосновенность произведения и автор требует компенсации нарушенного исключительного права, а также возмещения морального вреда, причиненного автору в связи с тем, что нарушителем были внесены изменения в изначальную версию произведения. Однако, в делах суды часто указывают, что взыскание компенсации за нарушение права автора на неприкосновенность произведения не предусмотрено и снижают общую сумму компенсации за нарушение авторских прав.

Так, в одном из дел, истец, ООО «Город 52», обратилось с иском в суд к ООО «Ньюсрум» о взыскании компенсации за нарушение исключительного права и права на неприкосновенность произведения, которое относится к произведению искусства. Нарушение авторских прав в данном деле состояло в том, что ответчик без согласия автора и без указания правообладателя разместил произведение искусства на сайте. Суд хотя и признал нарушение права на неприкосновенность, но указал при этом, что «взыскание компенсации за нарушение права на неприкосновенность произведения не предусмотрено» [7].

Возвращаясь к исключительному праву автора на произведение, отметим, что оно может переходить по наследству также как и право следования, права на вознаграждение по наследству за использование интеллектуальных прав.

Однако, не все интеллектуальные права могут переходить по наследству, о чем указывается в ст. 1112 ГК РФ, где говорится не только об этих правах, но и о невозможности наследования личных неимущественных прав, которые тесно связаны с личностью наследодателя [3]. Проанализированные нами ранее личные неимущественные права (например, право на имя), весьма точно отвечают критерию тесной связи с личностью наследодателя. В качестве права, неразрывно связанного с личностью, зачастую в научной доктрине приводят право на вознаграждение за использование интеллектуальных прав. Тем не менее, по мнению некоторых ученых-юристов, право на вознаграждение не связано с личностью, так как выплата вознаграждения

не обязательно предполагает личное участие автора.

Наследование интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства по закону состоит в том, что имущественные права умершего на данные произведения переходят к наследникам на основании того порядка и тех условий, которые указаны в законе. На эти условия наследодатель и наследник не могут повлиять, поскольку в этой части ГК РФ содержит императивные нормы, не предполагающие учет волеизъявления данных лиц. Наследование по закону применяется в тех случаях, когда наследодатель перед смертью не составил завещание. Как верно отмечает Н. П. Чалая, одним из основных принципов наследования по закону является установление исчерпывающего круга наследников, которые имеют право на получение наследства по закону на основе очередности, основанной на родственных отношениях с наследодателем [15].

Что касается вопроса о субъектах права наследования, то в рамках наследования по закону и по завещанию это две категории физических лиц (граждан), которые: 1) на момент смерти наследодателя были живыми; 2) были зачаты при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Более того, последний пункт связан с презумпцией отцовства, подразумевающей, что если ребенок родился в течение 300 дней с момента смерти супруга матери ребенка, то отец ребенка — это супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное [2]. При определении вопроса о том, живым ли является человек, необходимо руководствоваться тем, жив ли его мозг, и нет ли факта его биологической смерти [5].

Реализация наследственного правопреемства подразумевает, что наследник после смерти наследодателя может заменять его в соответствующих правоотношениях. Он начинает располагать некоторым объемом правомочий в отношении результатов интеллектуальной деятельности. Также правомочия наследников распространяются и на унаследованные интеллектуальные права.

Далее рассмотрим один из основных вопросов, возникающих в данной теме: сопо-

ставление объемов правомочий наследника и наследодателя. Внесение изменений в произведение — ключевой момент их расходжения. Например, автор произведения литературы может внести правки в текст в содержательной части, дополнив или сократив его, а также позволить сделать это другим лицам. Наследник таким правом также обладает, но при соблюдении определенных условий. Он может вносить изменения в произведение, если тем самым он не исказит замысел автора и не нарушит целостность восприятия произведения.

На наследника возлагается обязанность по охране неприкосновенности произведения литературы [13]. Тем не менее он, также как и создатель произведения, может: заключать договоры с лицами, которые направлены на отчуждение исключительного права; разрешить иным лицам осуществлять перевод произведения литературы и так далее.

В научной доктрине по этому поводу сложилась определенная точка зрения, в частности Ю. Н. Стражевич, которую мы разделяем. Исследователи ссылаются на то, что наследодатель — это лицо, творческими усилиями которого было создано произведение. Он получает на него исключительные права в связи с тем, что им были приложены усилия и он может вносить изменения, так как является создателем и, более того, написание человеком произведения литературы — это работа творческая. Наследник же получает право на использование в силу того, что оно перешло к нему на основании факта наследования и не предполагает возможность внесения изменений в произведение [14].

Рассматривая вопрос о правомочии наследников интеллектуальных прав, возникает дискуссия относительно правового режима исключительных прав наследника и правового режима исключительных прав автора. Одна из наиболее очевидных и близких нам точек зрения отражена в исследовании В. Л. Чертова, который отмечает, что тождество правовых режимов автора, то есть наследодателя, и наследника невозможно, поскольку к нему правомочия переходят в меньшем объеме, чем тот объем правомочий автора, который был у него на момент смерти [16]. Это связано

с тем, что ряд правомочий прекращается вместе со смертью автора. Наследник также имеет правомочие по обнародованию произведения с согласия автора. Если допустить, что автор письменно не давал согласие на опубликование произведения при жизни, то объем правомочий наследника, действительно, меньше.

Однако стоит заметить, что правомочие по защите личных неимущественных прав может возлагаться не только на наследника. Автор в завещании может указать лицо, на которое он возлагает охрану личных неимущественных прав (право авторства, право на имя и право на неприкосновенность произведения) после своей смерти (ст. 1267 ГК РФ) [4]. Такое лицо осуществляет полномочия по охране вплоть до своей смерти. В данном случае наследодатель может указать лицо, которое не является его наследником, и в связи с этим правомочия у наследника могут не возникать. То есть, данный случай является исключением в вопросе защиты личных неимущественных прав автора.

Несмотря на то, что наследник может извлекать выгоду от унаследованного произведения, он при обнародовании произведения все же распоряжается правами на нематериальный объект. Это также можно обосновать тем, что для обнародования произведения наследник может требовать заключения договора. Например, наследнику перешло исключительное право на произведение литературы и он, зная о согласии автора на опубликование произведения в письменном виде, решает заключить договор с книжным издательством на выпуск литературного произведения. В таком случае необходимо говорить о распоряжении исключительным правом на данное литературное произведение, поскольку наследник реализует свое право в том, что определяет судьбу результата интеллектуальной собственности.

Отметим, что и в судебной практике можно найти подтверждение нашей позиции относительно правомочий наследника по обнародованию произведения. Например, в одном из дел суд отмечает, что согласно ст. 1268 ГК РФ, неопубликованное произведение может быть обнародовано, причем использование одного из способов опубликования произведения не

влечет запрет на использование других способов [10]. То есть факт становления произведения доступным для всеобщего сведения может быть достигнут одновременно несколькими способами. Однако, в данном деле суд не использует термины распоряжение и пользование применительно к результату интеллектуальной собственности.

Также в ходе рассмотрения особенностей принятия наследства особый интерес вызвало судебное дело, которое связано с решением проблемы, возникающей при принятии наследства еще по советскому праву. В материалах судебного дела не указаны дата рождения и смерти автора произведения. Также известно, что на момент смерти действовал ГК РСФСР 1922 года [6]. В нем было положение о том, что если наследник в течение трех месяцев не примет наследство, то считается, что он фактически его принял. В этом примере есть два ключевых отличия от современного гражданского законодательства. В первую очередь, это срок принятия наследства и последствия его принятия, которые влекут фактическое принятие всего наследства. Суд пришел к выводу о том, что факт принятия наследниками исключительного права на произведение литературы установить нельзя, так как ими не было совершено действий, в которых бы проявлялось их отношение к этому имуществу, как к своему собственному [9].

В самой процедуре наследования могут возникать неопределенности, связанные с принятием наследства интеллектуальных прав. В частности, исследователь в области наследования интеллектуальных прав В. Н. Гаврилов отмечает, что наследование исключительного права возможно только с помощью подачи заявления о принятии наследства нотариусу или иному уполномоченному лицу, которое имеет право на выдачу свидетельства о праве на наследство. То есть в отношении этих прав нельзя осуществить фактическое вступление в наследство [11].

Другой точки зрения придерживаются ученые, которые полагают, что наследование исключительных прав имеет двойственную природу принятия, и наследник может их принять не только путем подачи заявления, но и путем фактического вступления в наследство.

В качестве подтверждения своей позиции они приводят аргументы о том, что произведения науки, литературы и искусства также могут иметь материальную форму выражения в виде следующего имущества: рукописи, картины, книги, сборники стихов и так далее. В данном случае можно говорить про фактическое вступление во владение имуществом в отношении авторских прав [12].

Таким образом, наследник может фактически вступить в наследство, не подавая заявление о принятии наследства нотариусу или уполномоченному лицу, если оно состоит из имущественных прав. Для этого ему необходимо совершить действия, указанные в ст. 1153 ГК РФ, правовая природа которых не исключает их применение к имущественным правам. Для подтверждения фактического вступления в наследство, при наличии у наследодателя при смерти имущественных прав, наследник может использовать соответствующие документы, перечень которых является открытым и зависит от конкретного вида произведения.

Проведенное исследование выявило проблемы, связанные с возможностью перехода по наследству различных интеллектуальных прав. На основе отечественного гражданского законодательства, судебной практики и научной доктрины в области частного права, нами сделаны следующие выводы. Интеллектуальные права, непосредственно связанные с личностью автора, в частности право автора на

имя, право авторства, право на обнародование произведения, не переходят по наследству. Однако, у наследников таких прав могут возникать права по их охране, например, реализация права на неприкосновенность произведения. То есть, если то или иное интеллектуальное право по наследству не переходит, это еще не означает, что у наследников не возникает никаких прав и обязанностей по отношению к ним.

Также мы столкнулись с проблемой определения круга субъектов наследования и их правомочий. Нами были выявлены различия между кругом наследников по закону и по завещанию. Более того, нами были проанализированы и те интеллектуальные права, в частности, авторские права, которые могут наследоваться, например, исключительное право на произведение, и у наследников возникают определенные правомочия в связи с этим.

Таким образом, в гражданском законодательстве имеются многочисленные пробелы в области наследования интеллектуальных прав, что стимулирует правоприменительную практику в поиске решения возникших проблем. В связи с этим очевидна необходимость детального рассмотрения проблемных аспектов, связанных с определением круга субъектов наследования и их правомочий, возможностью перехода по наследству различных интеллектуальных прав, содержанием процесса наследования интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства.

Список источников

- [1] Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/
- [2] Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ «Семейный кодекс Российской Федерации» (с последними изм. и доп.) // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
- [3] Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья» (с последними изм. и доп.) // СЗ РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
- [4] Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая» (с последними изм. и доп.) // СЗ РФ. — 2006. — № 52 (Ч. 1). — Ст. 5496.
- [5] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. — 2011. — 23 нояб.
- [6] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») [Электронный ресурс]. — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1435.htm
- [7] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.04.2016 № С01-214/2016 по делу № А43-31718/2014 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71283722/>
- [8] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2019. — 6 мая.

- [9] Апелляционное определение Московского городского суда от 20.08.2015 по делу № 33-29269 [Электронный ресурс]. — URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/Oc412...>
- [10] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Курганского областного суда от 11.02.2016 по делу № 33-494/2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/140252741/>
- [11] Гаврилов В. Н. Наследование по новому российскому законодательству. — М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2018. — 51 с.
- [12] Рудакова О. А. Комментарий к четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации. — М. : Экзамен. — 2007. — 258 с.
- [13] Ситдикова Р. И. Добросовестность при охране личных авторских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2010. — № 9. — С. 42–46.
- [14] Стражевич Ю. Н., Слепко Г. Е. Наследственное преемство и авторские права: соотношение и особенности правового регулирования // Судья. — 2014. — №. 3. — С. 25–30.
- [15] Чалая Н. П. Правовая природа наследования по закону // Актуальные исследования. — 2020. — №12(15). — С. 59–61.
- [16] Чертков В. Л. Наследование авторских прав // Советское государство и право. — 1970. — № 11. — С. 120–123.

References

- [1] Bernskaya Konvenciya po ohrane literaturny`x i xudozhestvenny`x proizvedenij ot 09.09.1886 (red. ot 28.09.1979) [Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works dated 09.09.1886 (as revised on September 28, 1979)] [Electronic resource]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/
- [2] Federal`ny`j zakon ot 29.12.1995 № 223-FZ "Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii" (s poslednimi izm. i dop.) [Federal Law dated December 29, 1995 No. 223-FL "Family Code of the Russian Federation" (with the latest amendments and additions)] // SZ RF [Code of Laws of the Russian Federation]. — 1996. — No. 1. — Art. 16.
- [3] Federal`ny`j zakon ot 26.11.2001 № 146-FZ "Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` tret`ya" (s poslednimi izm. i dop.) [Federal Law dated November 26, 2001 No. 146-FL "Civil Code of the Russian Federation. Part Three"(with the latest amendments and additions)] // SZ RF [Code of Laws of the Russian Federation]. — 2001. — No. 49. — Art. 4552.
- [4] Federal`ny`j zakon ot 18.12.2006 № 230-FZ "Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` chetvertaya" (s poslednimi izm. i dop.) [Federal Law dated December 18, 2006 No. 230-FL "Civil Code of the Russian Federation. Part Four" (with the latest amendments and additions)] // SZ RF [Code of Laws of the Russian Federation]. — 2006. — No. 52 (Part 1). — Art. 5496.
- [5] Federal`ny`j zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ "Ob osnovax ohrany` zdorov`ya grazhdan v Rossijskoj Federacii" [Federal Law dated November 21, 2011 No. 323-FL "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation"] // Rossiyskaya Gazeta [Russian Newspaper]. — 2011. — November 23.
- [6] Postanovlenie VCIK ot 11.11.1922 (red. ot 01.02.1949) "O vvedenii v dejstvie Grazhdanskogo kodeksa R.S.F.S.R." (vmeste s "Grazhdanskim kodeksom R.S.F.S.R.") [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee dated November 11, 1922 (as revised on February 1, 1949) "On the Introduction of the Civil Code of the Russian Federation (together with the "Civil Code of the R.S.F.S.R.")] [Electronic resource]. — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1435.htm
- [7] Postanovlenie Suda po intellektual`ny`m pravam ot 18.04.2016 № S01-214/2016 po delu № A43-31718/2014 [Resolution of the Intellectual Property Court dated April 18, 2016 No. C01-214/2016 in case No. A43-31718/2014] [Electronic resource]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71283722/>
- [8] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23.04.2019 № 10 "O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation"] // Rossiyskaya Gazeta [Russian newspaper]. — 2019. — May 6.
- [9] Appelyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 20.08.2015 po delu № 33-29269 [Appellate Ruling of the Moscow City Court dated August 20, 2015 in case No. 33-29269] [Electronic resource]. — URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/Oc412...>
- [10] Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Kurganskogo oblastnogo suda ot 11.02.2016 po delu № 33-494/2016 [Appeal Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Kurgan

Regional Court dated February 11, 2016 in case No. 33-494/2016] [Electronic resource]. — URL: <http://base.garant.ru/140252741/>

[11] *Gavrilov V. N.* Nasledovanie po novomu rossijskomu zakonodatel'stvu [Inheritance under the New Russian Legislation]. — Moscow : IMC SUC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. — 51 p.

[12] *Rudakova O. A.* Kommentarij k chetvertoj chasti Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Commentary to the Fourth Part of the Civil Code of the Russian Federation]. — Moscow : Exam, 2007. — 258 p.

[13] *Sitdikova R. I.* Dobrosovestnost' pri ohrane lichny'x avtorskix prav [Conscientiousness in the Protection of Personal Copyright] // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice]. — 2010. — No. 9. — Pp. 42–46.

[14] *Strazhevich Yu. N., Slepko G. E.* Nasledstvennoe preemstvo i avtorskie prava: sootnoshenie i osobennosti pravovogo regulirovaniya [Inheritance and Copyright: Correlation and Features of Legal Regulation] // Sud`ya [Judge]. — 2014. — No. 3. — Pp. 25–30.

[15] *Chalaya N. P.* Pravovaya priroda nasledovaniya po zakonu [Legal Nature of Inheritance by Law] // Aktual'ny'e issledovaniya [Actual Research]. — 2020. — No. 12 (15). — Pp. 59–61.

[16] *Chertkov V. L.* Nasledovanie avtorskix prav [Inheritance of Copyright] // Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]. — 1970. — No. 11. — Pp. 120–123.

Информация об авторах

Н. А. Гареева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Финансы и кредит»;

А. А. Гареев — магистрант.

Information about authors

N. A. Gareeva — Candidate of Science (Economic), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Finance and Credit.

A. A. Gareev — Master Student.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

POLITICS AND IDEOLOGY

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 84–92
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 84–92

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-84-92

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ КАНАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ (2020–2021 гг.)

Владимир Петрович Милецкий^{1,3}, Александра Николаевна Писарева^{2✉}

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)

³Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹falesm@mail.ru

²al.pisareva@gmail.com✉

Аннотация. Сайты социальных сетей как новый, современный канал политических коммуникаций являются предметом интереса исследователей не первый год. Ускорение цифровизации всех сфер жизни, в том числе политической, в значительной мере спровоцировала пандемия коронавируса COVID-19. В статье приведен сравнительный контент-анализ публикаций по данной теме в российских и зарубежных научных журналах. Установлено, что интерес к проблеме среди отечественных и иностранных ученых является примерно равным. Вместе с тем было обнаружено, что углы зрения ученых различаются: к примеру, российские авторы более заинтересованы в рассмотрении влияния социальных сетей на поведение обычных пользователей, чем политических деятелей и представителей власти, в отличие от их зарубежных коллег. Кроме того, существуют терминологические и методологические различия, позволяющие говорить о том, что в нашей стране изучение социальных сетей пока находится в процессе становления и отработки.

Ключевые слова: социальные сети, сайты социальных сетей, социальные медиа, политическая активность, политическое поведение, Интернет, контент-анализ

Для цитирования: Милецкий В. П., Писарева А. Н. Социальные сети как современный канал политических коммуникаций: сравнительный контент-анализ публикаций в российских и зарубежных научных журналах (2020–2021 гг.) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 84–92. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-84-92>.

SOCIAL NETWORKS AS A MODERN CHANNEL OF POLITICAL COMMUNICATIONS: COMPARATIVE CONTENT ANALYSIS OF PUBLICATIONS IN RUSSIAN AND FOREIGN SCIENTIFIC MAGAZINES (2020–2021)

Vladimir Petrovich Miletsky^{1, 3}, Alexandra Nikolaevna Pisareva²✉

^{1, 2}Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI", St. Petersburg, Russia

³Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹falesm@mail.ru

²al.pisareva@gmail.com✉

Abstract. Social networking sites as a new, modern channel of political communications have been the subject of interest of researchers for the last several years. The acceleration of digitalization of all spheres of life, including political, was largely provoked by the COVID-19 coronavirus pandemic. The article presents a comparative content analysis of publications on this topic in Russian and foreign scientific journals. It is established that the interest in the problem among domestic and foreign scientists is approximately equal. At the same time, it was found that the angles of view of scientists differ: for example, Russian authors are more interested in considering the influence of social networks on the behavior of ordinary users than politicians and government officials, like their foreign colleagues. In addition, there are terminological and methodological differences that allow us to say that in our country the study of social networks is still in the process of formation and development.

Keywords: social networks, social networking sites, social media, political activity, political behavior, Internet, content analysis

For citation: Miletsky V., Pisareva A. Social networks as a modern channel of political communications: comparative content analysis of publications in russian and foreign scientific magazines (2020–2021) // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 84–92. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-84-92>.

Рост влияния социальных сетей на общественное мнение по политическим вопросам очевиден. Их распространение вызывает глубинные изменения в обществе, в особенности это касается молодежи. Востребованность социальных сетей можно объяснить переформатированием социума в цифровую эпоху. В социальных сетях Интернета увеличивается роль горизонтальных связей, изменяется количество социально-политических акторов, влияющих на формирование личности, политических взглядов молодежи и так далее, численность которых растет в геометрической прогрессии. Появляются лидеры мнения — уже не только известные политики, звезды шоу-бизнеса, бизнеса или спорта, но и блогеры, которые превратились в новую социальную общность. Среди них все чаще выделяют инфлюенсеров и трендсеттеров. Благодаря высокой репутации у подписчиков они приобретают растущее доверие. Потенциальную силу социальных сетей признали и в политических коммуникациях. Толчок этому процессу придал Билл Клинтон,

впервые начавший применять Интернет-технологии в политическом контексте в США в 1992 году во время президентской кампании. Позже Б. Клинтон называл себя «президентом на заре эпохи Интернета» [1].

Следующим уже Барак Обама активно задействовал Интернет и социальные медиа в президентской кампании 2008 года. Во многом благодаря этим действиям в 2008 году явка на выборы повысилась до рекордных 58,2%. В том числе к участию в голосовании удалось привлечь 65% избирателей в возрасте от 18 до 29 лет — такого показателя предшественники не добивались. Разработкой кампании Б. Обамы был молодой сотрудник М. Хьюз, один из соучредителей Facebook, знакомый с механизмами и особенностями работы в социальных сетях.

Параллельно с ростом влияния социальных сетей усиливается и контроль со стороны государства — для обеспечения ответственности как ключевого социального института. На примере Российской Федерации можно

заметить, как увеличивается с течением времени количество законов, регулирующих сферу — можно вспомнить закон о «черных списках», «антипиратский закон», закон о произвольных блокировках, о контроле обмена сообщениями в сети Интернет и деятельности блогеров.

Документировать правила начали и социальные сети. Так у «ВКонтакте» со временем появились правила пользования [5], с которыми клиенты могут ознакомиться перед регистрацией. В социальных сетях нельзя торговать лекарствами, публиковать запрещенный Уголовным Кодексом и другими законами Российской Федерации контент и так далее.

В то же время социальные сети стали площадкой, на которой локализуются слабые связи, или своеобразным виртуальным «третьим местом». Автором этого термина является Р. Ольденбург [4]. Социальные сети обладают всеми присущими «третьим местам» характеристикам: доступ в них осуществляется свободно после регистрации, пользователи ведут общение на равных. Основной целью появления в социальных сетях является коммуникативная. «Третьи места — это чрезвычайно важные политические форумы» [11], на которых актуализируются слабые сетевые связи [13]. В соответствии с теорией о силе слабых связей М. Грановеттера социальные имеют большое влияние на коммуникации в обществе. По сути, они как веб-сайты для построения, отражения и организации социальных связей удовлетворяют потребность пользователей в коммуникации. При этом исследователи из разных стран нередко отмечают, что с разрастанием и развитием социальных сетей пользователи оказались перегружены информацией, в которой не успевают ориентироваться, встают вопросы о фильтрации данных и доверии к ним, что стало особенно актуальным в связи с появлением феноменов «постправды», «фейк-ньюс» и других симулякров.

Дополнительный толчок развитию и популяризации социальных сетей придала пандемия коронавируса COVID-19. Локдауны, объявленные в разных странах мира, привели к активной цифровизации различных сфер жизни и серьезной трансформации общественной жизни в виртуальном пространстве.

В свете вышеперечисленного сравнительный контент-анализ публикаций в социальных сетях за 2020–2021 годы позволит проследить, существуют ли различия в уровне интереса к теме у российских и зарубежных исследователей, терминологические расхождения, каким образом распределяются акценты при их изучении и выявить другие не всегда очевидные аспекты функционирования новых медиа.

Методология настоящего исследования основывается на принципах сравнительного социологического анализа публикаций в научных издательствах. Для сравнения уровня интереса к теме среди российских и зарубежных ученых был проведен контент-анализ публикаций, вышедших в свет за 2020 — первую половину 2021 г. (период охватывает зарождение и распространение пандемии коронавируса). Эмпирическая база для исследования иностранных публикаций была получена путем поиска материалов на сайтах трех крупнейших издательств научной литературы в мире. Это международный издательский дом *Taylor and Francis* (существует с 1852 года, ежегодно издает более 2400 журналов и 5000 книг в различных областях науки); университетское издательство Оксфорда *Oxford University Press* (работает с 1906 года, имеет филиалы в 60 странах, публикует свыше 180 наименований научных журналов в год); американская независимая издательская компания *SAGE Publishing* (прежнее название *SAGE Publications*. Основана в 1965 году, публикует более 1000 научных журналов в год).

Базой для сбора эмпирических данных статей российских исследователей стал интернет-сайт *eLIBRARY.ru* — российская научная электронная библиотека, которая интегрирована с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). К 2020 году электронная библиотека содержала свыше 30 млн научных статей из более чем 3000 научных журналов.

Отбор материала происходил по наличию в статьях (названию, аннотации, тексте) ключевых слов и определенных словосочетаний. Для русскоязычных публикаций критерием послужили сочетания терминов «социальные сети» и «политическая активность», «социальные сети» и «политическое поведение», для англо-

язычных были выделены сочетания терминов *social media* (социальные медиа) и *political* (политический). Выбор был сделан после проведения пилотного исследования, которое показало, что термин *social networks* (социальные сети) в зарубежной литературе в применении к интернет-сайтам практически не используется. А для описания поведения пользователей используется широкий спектр терминов, в числе которых находятся: *political behavior* (политическое поведение), *political activity* (политическая активность), *political participation* (политическое участие), *political expression* (политическое выражение), *political polarization* (политическая поляризация) и другие.

В соответствии с задачей исследования были выбраны следующие предметные области анализа:

- включение обозначенных терминов в название статьи;
- функциональное описание взаимосвязи социальных сетей и политической деятельности;
- контекст изучения (с точки зрения политических деятелей, партий, объединений и пользователей);
- употребляемые ключевые слова.

Единицей анализа стали авторские аннотации к научным статьям.

Таким образом, объем выборки для зарубежных статей составил 250 публикаций, для русскоязычных — 414 (табл. 1).

Социальные сети в контексте политической коммуникации представляют равный интерес как для российских, так и для зарубежных исследователей. Этому посвящены 13 и 12 % публикаций, соответственно. При этом в названиях российских статей сочетание терминов

практически не встречается, а смысл публикаций авторы предпочитают раскрывать в аннотации. В отличие от них зарубежные исследователи используют словосочетания в названиях в каждой пятой статье (19 % публикаций), в 6 % публикаций в названиях статей используются названия конкретных социальных сетей. Такое расхождение в показателях может быть связано с тем, что в ряде работ проводятся исследования не одной социальной сети, а сразу нескольких платформ. Приведем пример подобного заголовка:

Political participation of Afghan youths on Facebook: a case study of Northeastern Afghanistan [14] — Политическое участие Афганской молодежи в Facebook: кейс-стадия на примере северо-восточного Афганистана (здесь и далее перевод автора).

Если говорить о темах, наиболее актуальных для исследователей, то можно проследить следующие различия. Для зарубежных ученых среди основных актуальных теоретических и практических проблем можно выделить следующие:

- Формирование политической повестки дня в социальных сетях (рассматривается в контексте доверия к информации, механизма ее распространения, способов выявления «фейк-ньюс», работы алгоритмов демонстрации информации различных интернет-платформ и так далее (28 % работ). Пример подобной публикации: *We find no evidence that social endorsement affects people's news selection behavior [15]* — Мы не нашли доказательств того, что социальное одобрение (прим. авт. — в социальных сетях, то есть «лайки», репосты в публикациях) влияет на поведение людей при выборе новостей.

Таблица 1 — Количественный анализ по категориям

Категории анализа		Российские публикации	Зарубежные публикации
Упоминание терминов в заголовке статьи	Сочетание терминов в заголовке статьи	1	4
	Название конкретной статьи	0	2
Контекст изучения	Со стороны политических деятелей, партий, организаций	12	7
	С точки зрения пользователей	24	7
	С точки зрения методологии изучения	2	0

– Цифровая дипломатия (12 % публикаций) — публикации, посвященные использованию современных цифровых технологий для решения дипломатических задач. В подобных статьях рассматривается влияние цифровой дипломатии на внешнюю политику государства, активность, частоту и эффективность (реальную и потенциальную) новых технологий. Пример цитаты: *We conclude by questioning the term "digital diplomacy," suggesting that virtual practices are in fact not simply "online" but embodied offline* [9] — Мы пришли к выводу, что термин «цифровая дипломатия» сомнителен, ибо виртуальные практики на самом деле существуют не просто «онлайн», а являются воплощением офлайна.

– Взаимосвязь активности в социальных сетях и в протестных и террористических движениях (9 % публикаций). В этих случаях изучаются как роль социальных сетей, так и меры (потенциальные или существующие) со стороны государства, направленные на регулирование процесса. Пример публикации: *On the one hand, the use of social media as a means of recruitment by terrorists and, on the other hand, the use of Facebook, Twitter, etc. to gain the support of the population during insurgencies* [10] — С одной стороны, социальные сети используются террористами как средство вербовки. С другой — Facebook, Twitter и т.д. используются для получения поддержки населения во время мятежей.

– Расовые противоречия в социальных сетях (9 % работ). Чаще всего тема встречается в работах ученых из США, и, как правило, касается изучения онлайн-поддержки движения Black Lives Matter. Общественное движение против полицейского произвола возникло в США в 2013 году, однако новый виток развития получило после убийства темнокожего мужчины Джорджа Флойда в мае 2020 года. Последовавшие за этим беспорядки, согласно некоторым данным, стали наиболее массовыми в истории страны [8]. К данной теме обращаются исследователи не только из США, но и российские исследователи, например, Ольга Байша: *By allowing users to unfriend, unfollow, and block political and cultural 'others,' Facebook facilitates the discouragement of dialog between those holding different views on*

political issues [7] — Позволяя пользователям не дружить, не подписываться и блокировать политических и культурных «других», Facebook облегчает препятствие диалогу между теми, кто придерживается разных взглядов по политическим вопросам.

– Взаимосвязь социальных сетей и избирательного процесса (9 % работ). К данной категории относятся статьи, в которых рассматриваются страницы политических деятелей во время избирательных кампаний, методы подачи в онлайн-медиа и их различия по сравнению с традиционными. Пример: *Selective exposure to likeminded political viewpoints on algorithmic social media platforms is considered a potential source of polarization of public opinion* [12] — Избирательное воздействие на политические точки зрения единомышленников на алгоритмических платформах социальных сетей считается потенциальным источником поляризации общественного мнения.

Среди основных вопросов, рассматриваемых российскими исследователями, можно выделить следующие:

– Социальные сети в контексте политических протестов (26 % публикаций). Здесь рассматриваются: потенциал влияния; основные методы и механизмы, которым наиболее подвержены известные возрастные группы; взаимосвязь онлайн и офлайн активности. Например: *Усиление протестного поведения молодежи детерминировано увеличением количества политической информации с высоким количеством лайков и репостов...* [2].

– Влияние социальных сетей на политическую вовлеченность молодежи (19 % публикаций).

– Медиаактивность представителей власти в социальных сетях (8 % публикаций). Например: *В рамках настоящей статьи предлагается остановиться на религиозном аспекте самопрезентации руководства Чеченской республики в социальных сетях и рассмотреть, каким образом и в каком масштабе актуализируется «религиозное» на интернет-страницах политической и религиозной элиты республики* [3].

Отдельно можно выделить статьи, посвященные методологии исследования социальных сетей в контексте политической коммуни-

кации. За исследуемый период было найдено 2 статьи по данной тематике (3,5 % от общего числа). Появление и рост популярности социальных сетей, а также растущая цифровизация, проникающая в разнообразные сферы экономики и общества, оказали существенное влияние на сферу политики в целом и на процессы политической мобилизации и коммуникации, в частности. Методологический арсенал политической науки также оказался затронут указанными трансформационными процессами и начал пополняться новыми подходами и методами, предложенными в рамках недавно возникшей области знания, получившей название наук о данных [6].

Также различается и контекст изучения социальных сетей. Если зарубежные исследователи в равной степени рассматривают социальные сети как с точки зрения пользователей (скорости распространения фейк-ньюс, заедствования в протестном процессе и так далее), так и со стороны политических деятелей и органов власти (потенциал в избирательных кампаниях, способы манипулирования общественным мнением) в 21 % статей и в том, и в другом случае, то российские авторы сфокусированы на изучении темы с точки зрения поведения пользователей социальных сетей, изменения уровня политической активности и осведомленности, а также на других потребительских аспектах (42 % статей от общего числа).

Пул наиболее часто встречающихся ключевых слов очевидно обусловлен темами исследований. В перечень вошли слова, которые встречались в статьях более трех раз. Списки представлены в порядке уменьшения частоты (табл. 2).

Можно заметить, что зарубежные ученые при описании сайтов социальных сетей редко используют сочетание *social networks* (социальные сети), предпочитая этому термину более общее выражение — *social media* (социальные медиа). Термин «*social networks*» в иностранных публикациях чаще всего относится к социальным сетям в классическом понимании социологии, в то время как российские ученые активно применяют его в отношении подобных интернет-порталов.

Среди ключевых слов, употребляемых в зарубежных публикациях, можно отметить названия таких социальных сетей, как Facebook и Twitter. Значительная доля исследований базируется именно на использовании данных американской социальной сети Facebook, которая является крупнейшей в мире. Платформа входит в пятерку наиболее посещаемых сайтов мира, что объясняет ее популярность среди исследователей. Тем не менее в ряде стран большую популярность имеют другие социальные сети, что предполагает определенную специфику исследований и невозможность проецирования полу-

Таблица 2 — Сравнение основных ключевых слов

Зарубежные публикации	Российские публикации
Social media (социальные медиа)	Социальные сети
Political participation (политическое участие)	Интернет
Facebook	Политическая активность
Agenda-setting (установление повестки)	Политическая коммуникация
Campaign effect (эффект кампании)	Молодежь
Social networking site (сайт социальных сетей)	Цифровизация
Elections (выборы)	Политическое участие
News consumption (потребление новостей)	Социальные медиа
Twitter	Протесты
Voting (голосование)	Политический протест
Political news acquisition (получение политических новостей)	Политическое поведение
	Политическая мобилизация
	Гражданская активность

ченных ранее в других социальных сетях результатов.

В российских публикациях отдельный интерес на себя обращает разнообразие ключевых слов и словосочетаний. В общей сложности было выделено 183 единицы, из них 147 (80 %) встретилось лишь раз (такие, например, как «цифросетевизация», «инфодемия», «демобилизация» и др.). Укажем также на использование таких синонимичных словосочетаний, как, например, «протестная активность», «протестный потенциал», «протестная мобилизация», «протестные настроения», в определенном смысле затрудняющих поиск публикаций по изучаемой тематике.

На основе проведенного сравнительного контент-анализа публикаций по рассматриваемой тематике на сайтах российских и зарубежных социальных сетей можно сделать следующие выводы:

1. Изучение социальных сетей в контексте политической коммуникации представляет интерес как для российских, так и для зарубежных исследователей. Вместе с тем заметны различия в векторе исследований. Если иностранные ученые в равной степени заинтересованы в анализе как точки зрения политических деятелей, так и пользователей, то отечественные специалисты делают акцент на рассмотрение социальных сетей с позиции потребителей (изменения политической осведомленности и поведения, ее влияния на уровень гражданской активности и т. д.).

2. Среди наиболее популярных тем публикаций можно отметить пересечения интересов исследователей по вопросам использова-

ния социальных сетей в протестных движениях и выборной деятельности. Вместе с тем существуют определенные различия. Так, зарубежные авторы часто уделяют внимание вопросам становления и развития цифровой дипломатии, проявлениям расовых противоречий на платформах социальных сетей (что может быть обусловлено существующим острым социальным конфликтом в США), формированию политической повестки дня в социальных сетях (в том числе, с точки зрения работы технических алгоритмов социальных сетей). В публикациях российских исследователей можно отметить особый интерес к изучению влияния социальных сетей на политическую вовлеченность молодежи, проявлениям медиа-активности представителей власти к методам изучения социальных сетей в контексте политической коммуникации. Среди зарубежных статей публикации на подобную тематику не встречались, что позволяет сделать вывод, что отечественные ученые в настоящее время все еще находятся в методологическом поиске новых каналов коммуникации.

3. Между зарубежными и российскими публикациями существует терминологическая разница. Если словарь иностранных публикаций можно назвать устоявшимся (несмотря на периодическое появление новых терминов), пул ключевых слов достаточно ограниченным, а применяемые термины имеют общепринятое в академических кругах значение, то в русскоязычных работах заметен широкий разброс слов и словосочетаний, применяемых для описания одних и тех же явлений, что затрудняет их поиск по тематике.

Список источников

- [1] Авзалова Э. И. Интернет-коммуникации в избирательной кампании США // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Регионоведение». — 2017. — Т. 22. — С. 185–194.
- [2] Леньков Р. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде / Р. В. Леньков, О. А. Колосова, С. В. Ковалева // Цифровая социология. — 2021 — № 1. — С. 31–41.
- [3] Михалева А. В. Религиозный фактор в региональной политике идентичности: на примере самопрезентации лидеров Чеченской республики в социальных сетях // Вестник Пермского Федерального исследовательского центра. — 2020. — № 3. — С. 44–58.
- [4] Ольденбург Рэй. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкаковой. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — 456 с. : ил. (Серия STUDUA URBANICA).
- [5] Правила пользования сайтом «ВКонтакте» // официальный сайт «ВКонтакте». — URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 01.11.2021).

[6] Стукал Д. К. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях / Д. К. Стукал, В. Е. Беленков, И. Б. Филиппов // Политическая наука. — 2021. — № 1. — С. 46–75.

[7] Baysa O. Dividing Social Networks: Facebook Unfriending, Unfollowing, and Blocking in Turbulent Political Times // Russian Journal of Communication. — 2020. — No. 2. — Pp. 104–120 [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19409419.2020.1773911?scroll=top&needAccess=true&journalCode=rrjc20> (date of the application: July 5, 2021).

[8] Black Lives Matter May Be the Largest Movement in US History // The New York Times. — July 3, 2020 [Electronic resource]. — URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html> (date of the application: July 22, 2021).

[9] Eggeling K., Adler-Nissan R. The Synthetic Situation in Diplomacy: Scopic Media and the Digital Mediation of Estrangement // Global Studies Quarterly. — 2021. — № 1 [Electronic resource]. — URL: <https://academic.oup.com/isagsq/article/1/2/ksab005/6294239?searchresult=1> (date of the application: July 10, 2021).

[10] Gabel S. Discussing Conflict in Social Media: The Use of Twitter in the Jammu and Kashmir Conflict / S. Gabel, L. Reichert, C. Reuter // Media, War & Conflict. — 2020. — No. 00 (0). — Pp. 1–26.

[11] Granovetter M. The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. — 1973. — No. 78 (6). — Pp. 1360–1380.

[12] Ohme J. Algorithmic Social Media Use and Its Relationship to Attitude Reinforcement and Issue-Specific Political Participation. The Case of the 2015 European Immigration Movements. Journal of Information Technology & Politics. — 2021. — No. 1 [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19331681.2020.1805085> (date of the application: July 2, 2021).

[13] Oldenburg R. Celebrating the Third Place: Inspiring Stories about the "Great Good Places" at the Heart of Our Communities. — New York : Marlowe & Company, 2001. — P. 224.

[14] Orfan S., Feng G. Political Participation of Afghan Youths on Facebook: A Case Study of Northeastern Afghanistan // Cogent Social Sciences. — 2021. — No. 7 [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311886.2020.1857916> (date of the application: July 2, 2021).

[15] Rhodes S. Filter Bubbles, Echo Chambers, and Fake News: How Social Media Conditions Individuals to Be Less Critical of Political Misinformation // Political Communication. — 2021. — No. 1 [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10584609.2021.1910887?src=> (date of the application: July 5, 2021).

References

[1] Avzalova E. I. Internet-kommunikacii v izbiratel'noj kampanii SShA [Internet Communications in the US Election Campaign] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Regionovedenie" [Bulletin of the Irkutsk State University. Series "Political Science. Regional studies"]. — 2017. — Vol. 22. — Pp. 185–194.

[2] Lenkov R. V. Social'no-psixologicheskaya diagnostika i prognoziro-vanie protestnogo povedeniya molodezhi v cifrovoj srede / R. V. Len'kov, O. A. Kolosova, S. V. Kovaleva [Socio-Psychological Diagnostics and Forecasting of Protest Behavior of Youth in the Digital Environment / R. V. Lenkov, O. A. Kolosova, S. V. Kovaleva] // Cifrovaya Sociologiya [Digital Sociology]. — 2021 — No. 1. — Pp. 31–41.

[3] Mikhaleva A. V. Religiozny'j faktor v regional'noj politike identichnosti: na primere samoprezentacii liderov Chechenskoj respubliki v social'ny'x setyax [Religious Factor in Regional Identity Politics: the Example of Self-Presentation of the Leaders of the Chechen Republic in Social Networks] // Vestnik Permskogo Federal'nogo issledovatel'skogo centra [Bulletin of the Perm Federal Research Center]. — 2020. — No. 3. — Pp. 44–58.

[4] Oldenburg Ray. Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhny'e magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshhestva / per. s angl. A. Shirokanovoj [Third Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons and Other Places of "Hangouts" as the Foundation of the Community / transl. from English A. Shirokanova]. — Moscow : New literary review, 2014. — 456 p. : il. (STUDUA URBANICA series).

[5] Pravila pol'zovaniya sajtom "VKontakte" [Terms of Use of the Site "VKontakte"] // Oficial'ny'j sayt "VKontakte" [Official Site "VKontakte"]. — URL: <https://vk.com/terms> (date of the application: October 1, 2021).

[6] Stukal D. K. Metody nauk o dannyx v politicheskix issledovaniyax: analiz protestnoj aktivnosti v social'ny'x setyax / D. K. Stukal, V. E. Belenkov, I. B. Filippov [Methods of Data Science in Political Research: Analysis of Protest Activity in Social Networks / D. K. Stukal, V. E. Belenkov, I. B. Filippov] // Politicheskaya nauka [Political Science]. — 2021. — No. 1. — Pp. 46–75.

[7] *Baysa O.* Dividing Social Networks: Facebook Unfriending, Unfollowing, and Blocking in Turbulent Political Times // *Russian Journal of Communication*. — 2020. — No. 2. — Pp. 104–120 [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19409419.2020.1773911?scroll=top&needAccess=true&journalCode=rrjc20> (date of the application: July 5, 2021).

[8] Black Lives Matter May Be the Largest Movement in US History // *The New York Times*. — July 3, 2020 [Electronic resource]. — URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html> (date of the application: July 22, 2021).

[9] *Eggeling K., Adler-Nissan R.* The Synthetic Situation in Diplomacy: Scopic Media and the Digital Mediation of Estrangement // *Global Studies Quarterly*. — 2021. — № 1 [Electronic resource]. — URL: <https://academic.oup.com/isagsq/article/1/2/ksab005/6294239?searchresult=1> (date of the application: July 10, 2021).

[10] *Gabel S.* Discussing Conflict in Social Media: The Use of Twitter in the Jammu and Kashmir Conflict / *S. Gabel, L. Reichert, C. Reuter* // *Media, War & Conflict*. — 2020. — No. 00 (0). — Pp. 1–26.

[11] *Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // *The American Journal of Sociology*. — 1973. — No. 78 (6). — Pp. 1360–1380.

[12] *Ohme J.* Algorithmic Social Media Use and Its Relationship to Attitude Reinforcement and Issue-Specific Political Participation. The Case of the 2015 European Immigration Movements. *Journal of Information Technology & Politics*. — 2021. — No. 1 [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19331681.2020.1805085> (date of the application: July 2, 2021).

[13] *Oldenburg R.* Celebrating the Third Place: Inspiring Stories about the "Great Good Places" at the Heart of Our Communities. — New York : Marlowe & Company, 2001. — P. 224.

[14] *Orfan S., Feng G.* Political Participation of Afghan Youths on Facebook: A Case Study of Northeastern Afghanistan // *Cogent Social Sciences*. — 2021. — No. 7 [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311886.2020.1857916> (date of the application: July 2, 2021).

[15] *Rhodes S.* Filter Bubbles, Echo Chambers, and Fake News: How Social Media Conditions Individuals to Be Less Critical of Political Misinformation // *Political Communication*. — 2021. — No. 1 [Electronic resource]. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10584609.2021.1910887?src=> (date of the application: July 5, 2021).

Информация об авторах

В. П. Милецкий — доктор политических наук, профессор;

А. Т. Писарева — аспирант кафедры социологии и политологии.

Information about authors

V. P. Miletsky — Doctor of Science (Political), Professor;

A. N. Pisareva — postgraduate student at the Department of Sociology and Political Science.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 93–100
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 93–100

Научная статья

УДК 32:316.4(470)

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-93-100

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ МОЛОДЕЖИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Олег Юрьевич Отроков^{1✉}

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов, Россия, otrokovoleg@mail.ru

Аннотация. Стремительное развитие цифровых технологий и их массовое применение во всех сферах оказывают значительное влияние на формы социально-политического активизма молодежи, а также на формирование гражданской и политической позиции молодых людей. В настоящее время классические институты гражданского участия трансформируются под влиянием цифровой среды, что приводит к появлению новых формирований, которые охватывают все более широкие когорты, обладают специфическими признаками и инструментами функционирования. В исследовании автор рассматривает различные подходы работы и формы социально-политического активизма в современных цифровых условиях, выделяет признаки классификации цифровых институтов гражданского участия, а также субъекты социально-политического активизма молодежи в условиях информационного общества. Определяется само понятие цифрового института гражданского участия как формы взаимодействия индивидов посредством цифровой среды, используемой для реализации совместных целей и задач, которые являются актуальными для всех участников сообщества. Автор приходит к выводу, что взаимодействие традиционных и цифровых инструментов, их взаимное дополнение позволят на значительно более эффективном уровне реализовывать имеющиеся у молодежи социально-политические потребности, которые обусловлены как объективными возрастными и психофизическими факторами, так и условиями внешней среды и текущей политической реальности.

Ключевые слова: активизм молодежи, гражданские институты, информационное общество, молодежь, субъекты активизма, цифровые институты, гражданское участие, социально-политический активизм, потребности молодежи, цифровое участие

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32085.

Для цитирования: Отроков О. Ю. Социально-политический активизм молодежи России в условиях информационного общества // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 93–100. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-93-100>.

SOCIO-POLITICAL ACTIVISM OF OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

Oleg Iurevich Otrokov^{1✉}

¹Rostov State Economic University (RINE), Rostov, Russia, otrokovoleg@mail.ru

Abstract. The rapid development of digital technologies and their mass application in all areas has a significant impact on the forms of the socio-political activism of young people, as well as on the formation of young people's civic and political stances. Currently, the classical institutions of civic participation are being transformed under the influence of the digital environment, which leads to the emergence of new formations, which cover increasingly broad cohorts, have specific functioning features and tools. In the study, the author considers various approaches to work and forms of socio-political activism in the modern digital environment, identifies signs of the classification

of the digital institutions of civic participation, as well as the subjects of the socio-political activism of youth in information society. The very notion of the digital institution of civic participation as a form of interaction between individuals through the digital environment is defined, which is used to implement joint goals and objectives that are relevant to all community participants. The author concludes that the interaction of traditional and digital tools, their mutual supplementation will allow to realize the socio-political needs of young people at a much more effective level, which are due to both objective age and psychophysical factors and the conditions of the external environment and current political reality.

Keywords: youth activism, civic institutions, information society, youth, subjects of activism, digital institutions, civic participation, socio-political activism, youth needs, digital participation

Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-32085.

For citation: Otrokov O. Socio-political activism of Russian youth in the conditions of the information society // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 93–100. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-93-100>.

Развитие цифровых технологий с возможностью их массового использования молодежью (по данным аналитических агентств, аудитория Интернета в России более 98,8 млн чел., а социальными сетями пользуется 67,8% населения страны) значительным образом трансформирует не только направления социально-политического активизма, но его формы, содержание проявлений. Молодежь все больше проводит времени онлайн, и формы взаимодействия с ней посредством цифровых ресурсов в последние годы значительным образом изменились и продолжают меняться. Единственной неизменной становится их растущая роль. Цифровые ресурсы пронизывают абсолютно все сферы жизни, а их значение и влияние распространяются не только на молодежь, особенно в период пандемии коронавируса, когда цифровое общение является единственным доступным для всех слоев населения средством безопасной коммуникации.

В настоящее время можно констатировать, что цифровое пространство и цифровые инструменты приобретают формы институций, которые оказывают серьезное влияние на молодежную аудиторию, иногда даже более серьезное, чем классические институциональные формы гражданского участия. Цифровые институты более мобильны, намного оперативнее реагируют на запросы молодежи и формируют контент, который востребован у аудитории. В работе онлайн-сообществ свобода и быстрота распространения информации является ключевым фактором, что позволяет за очень небольшое время транслировать опре-

деленные идеи, декларировать цели и задачи, решать тактические и стратегические вопросы для неограниченного круга лиц, иногда исчисляющегося миллионами пользователей [7]. Все это способствует формированию стратегии политического поведения молодежи, которая предполагает осведомленность и перевод активности в виртуальную среду [8]. Ряд исследователей еще в 2017 году фиксировали начавшийся процесс перемещения гражданского активизма в сферу Интернета [6]. За прошедшие годы такие тенденции только усилились, причем во всех возрастных когортах, а в первую очередь — у молодежи.

Цифровые сервисы могут приобретать формы институтов гражданского участия со всеми присущими им характеристиками с более расширенным инструментарием воздействия на аудиторию либо существенным образом дополнять классические формирования, усиливая степень их воздействия благодаря новому инструментарию. Классические субъекты гражданского активизма молодежи, такие как общественные организации и органы молодежного самоуправления снижают свое воздействие, особенно на политические взгляды молодежи, что можно связать в том числе с тем, что они фактически не реализуют социально-медийные форматы масштабирования целевой аудитории, не ведут систематическую работу по привлечению сторонников в социальных медиа [9]. Решение этой задачи позволило бы коренным образом повлиять на функционирование данных институтов и их восприятие самой молодежью. В текущих реалиях

имеет значение не столько то, что реально делается, сколько совершенство системы информирования и донесения информации до целевой аудитории.

По своей сути активизм направлен на обеспечение каких-либо изменений существующего порядка вещей, в данном случае в социально-политической плоскости. Коллектив авторов, исследуя гражданский активизм молодежи Саратовской области, вывел универсальную тенденцию повышенной социальной активности у более включенных в политические дискурсы и менее законопослушных молодых людей [10]. То есть чем больше молодой человек интересуется политикой, включен в различные формы ее обсуждения (включая и цифровые ресурсы), чем больше он демонстрирует склонность к различным проявлениям девиантного (в некоторых случаях и делинквентного) поведения, тем выше возможность проявления им своей позиции в форме социального или политического протеста.

Среди факторов формирования неконвенциональных установок гражданского активизма у рядовых членов и сторонников общественных организаций (а это самая широкая группа) исследователи выделяют давление внешних и внутренних социально-медийных потоков протестного содержания. При этом отмечается, что наиболее влиятельными являются онлайн-сетевые группы экологической направленности, которые в высокой степени эффективны в преобразовании гражданской активности в политический активизм [1]. Таким образом, любая социальная тема, любое проявление гражданского активизма под влиянием определенных факторов, в первую очередь цифрового воздействия сетевых сообществ, могут привести к трансформации гражданского активизма в политический, а затем в протестные формы гражданского участия. При этом социологические исследования студенческой молодежи Ростовской области, проведенные группой ученых в 2019 году показали, что студенты внимательно следят за тем, что происходит в стране, прекрасно осведомлены обо всех проблемах, которые стоят перед современным российским обществом, а также о тех сложностях, с которыми они столкнутся на рынке труда после окончания вуза [5]. Это развеи-

вает миф о формировании позиции, основанной на исключительно стереотипных форматах мышления, а также подчеркивает тот факт, что цифровые ресурсы позволяют получать и содержательный контент в том числе.

Интернет-среда сложно контролируема, а возможность выражать свою позицию удаленно делает пользователей намного более открытыми и даже агрессивными в некоторых случаях. При этом формы цифрового активизма достаточно просто могут переходить в офлайн события с аналогичными установками. Для большинства протестующих молодых россиян именно социальные сети являются естественной «средой обитания», в которой можно относительно безопасно выражать собственные негативные настроения [11]. То есть в цифровой среде позиция формируется, объединяя сообщество участников, а в офлайн-режиме происходит демонстрация имеющихся установок.

Далеко не всегда влияние социальных ресурсов приводит к протестным формам выражения своей позиции. Проведенные эмпирические исследования в молодежной среде демонстрируют существенный потенциал формирования конвенциональных форм гражданского активизма в онлайн-сетевом пространстве, поскольку выявлен относительно высокий интерес значительной части молодежи к установлению широкого публичного онлайн-диалога о социальных, правовых и прочих аспектах развития российского общества [2]. Результаты этого исследования говорят о том, что молодежи в первую очередь необходимо проявлять свое участие, иметь возможность высказать свою позицию (совсем не обязательно в негативном (протестном) ключе). Диалоговые цифровые форматы представляют возможность обсуждения в своей среде определенных установок и выработки коллективной позиции как по социальным, так и политическим вопросам.

Исследователи выделяют в качестве формы сетевого политического активизма создание сетевых сообществ, участники которых вовлечены в решение насущных проблем [3]. Именно такие сетевые сообщества могут быть рассмотрены в качестве институтов гражданского участия молодежи в цифровой среде, но не

только они. Для анализа данного явления необходимо введение нового понятия — цифровой институт гражданского участия, под которым можно понимать форму взаимодействия индивидов посредством цифровой среды, используемой для реализации совместных целей и задач, которые являются актуальными для всех участников сообщества. При этом признаки «молодежности» таких институций можно определить лишь в ключе наиболее часто затрагиваемых тем, связанных с текущей стадией социализации молодежи (учеба в школе, вузе, отношения со взрослыми и т.п.). При этом перечень тем не может быть ограничен и включает вопросы государственного устройства, политических, экономических, социальных преобразований государства и общества и др., а повестка таких институций формируется под влиянием конъюнктурных факторов и текущей информационной ситуации. Единственным объективным показателем для отнесения к молодежи в данном случае может выступать только возраст участников сообществ.

К признакам классификации цифровых институтов гражданского участия молодежи можно отнести:

1. Количество участников (уникальных подписчиков). То есть число пользователей, которые выступают постоянными участниками данного сообщества и активными его пользователями не только потребляя контент, но и участвуя в его формировании. В данном случае не достаточно просто быть участником сообщества, необходимо находиться в постоянном «контакте» с его информационным контекстом.

2. Активность аудитории. Прежде всего, это выражение реакции на размещаемый контент — комментарии, участие в обсуждении, лайки и дизлайки, репосты информации. Это важнейший фактор определения активности сообщества и показатель заинтересованности в его контенте.

3. Охват целевой аудитории и общий фоновый охват. Показывает какое количество пользователей сети, не являющихся участниками сообщества, возможно не относящихся к его целевой аудитории, увидели контент (его ключевые содержательные элементы) и смогли с ним ознакомиться.

4. «Посев» содержательного контента в других сообществах со схожей тематикой для расширения охвата и аудитории.

5. Платформа, на которой осуществляется распространение контента. Данная категория далее будет рассмотрена более подробно.

6. Возраст и социальный статус участников, так как эти факторы формируют не только позиции, но и определенное понимание содержания событий.

Не менее важным представляется понимание и самих субъектов формирования социально-политического активизма в рамках функционирования цифровых гражданских институтов, к которым можно отнести:

1. Группы (сообщества) в социальных сетях, которые могут быть представлены как традиционными формами, такими как «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, TikTok, так и менее популярными, но активно используемыми определенным сегментом молодежи, например, Clubhouse или Twitter. При этом данные сообщества представляют разные возможности для представления информации и работы с ней, что определяет и различные формы коммуникации в каждом из них. В ряду наиболее популярных социальных сетей также можно выделить Instagram, однако, учитывая технические возможности и особенности этой социальной сети, она в меньшей степени используется в форме субъекта информирования о социально-политических событиях, хотя в последнее время такие возможности нарастают.

2. Telegram-каналы, сформированные как по широкому спектру вопросов внутренней политики, так и по вопросам реализации молодежной политики. Современные функции позволяют не только знакомиться с информацией, но и комментировать ее. Среди наиболее популярных каналов в сфере молодежной политики можно выделить «НОП — Молодежь и Система», «Молодежь России», «Голос Росмолодежи» и другие. Многие политики, общественные деятели, органы государственной власти и некоммерческие организации (НКО) также используют собственные каналы для представления информации и формирования определенной информационной повестки, влияющей на представления молодежи.

3. Аккаунты известных людей (блоггеров, микроинфлюенсеров), которые могут охватывать гораздо большую аудиторию, чем сообщества в социальных сетях, при этом создавая условия для проявления реакционного активизма по отдельным актуальным темам своей аудитории. Возможность личного контакта и формируемое доверие к размещаемой информации блоггерами способствуют намного более ускоренному усвоению информации в подаваемом виде.

4. Тематические форумы, на которых обсуждаются вопросы по заданной тематике (компьютерные игры, «мамочки», волонтерство и многое другое) охватывают не только социально-бытовые темы, но и под влиянием текущих информационных триггеров могут выступать площадкой для обсуждения политических, экономических вопросов.

5. Чаты в мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram и другие). Для них характерен более доверительный стиль общения, так как предполагается, что участники знакомы друг с другом, а также определенная тематика (родительский чат, чаты по интересам, мероприятиям/событиям, или для координации совместных действий). Они обычно не столь многочисленны по составу (в некоторых установлен предел по количеству участников), но, учитывая высокую скорость распространения информации, представляют серьезный инструмент воздействия на аудиторию.

6. Специально созданные информационные системы, которые разработаны органами власти или крупными НКО, такие как автоматизированная информационная система «Молодежь России», портал для регистрации волонтеров Dobro.ru и другие. Эти сервисы также создают целую экосистему взаимодействия участников между собой, систему оценок и мотивации.

7. Видеохостинги. Наиболее популярным является YouTube, именно с использованием его функционала запускались информационные волны, катализирующие молодежный протест в 2019–2020 годах. Можно предположить, что подобное действие он будет оказывать и в дальнейшем.

8. Платформы для размещения петиций. Наиболее популярная — Change.org, а также

отечественные «Российская общественная инициатива», Onlinepetition.ru и многие другие. В ряде локальных образований сформированы свои платформы для решения местных проблем, например, портал «Активный ростовчанин». Принцип работы всех подобных ресурсов достаточно прост — размещение проблемы с вариантом ее решения и голосование среди пользователей за ее реализацию. По сути — цифровой аналог сбора подписей для реализации тех или иных общественных инициатив.

Какие-то субъекты в большей степени формируют модели активизма гражданского участия и создают контент, какие-то лишь транслируют его различным аудиториям. При этом источником информации в различных ситуациях может стать любой из указанных субъектов, меняя при этом роль своего участия в ее пространстве.

Если представить все имеющиеся ресурсы комплексно, а именно — каким образом они функционируют, распространяя по сути один и тот же контент, то можно увидеть параллели с традиционными институтами гражданского участия молодежи, но с достаточно серьезными особенностями. В условиях современной цифровой реальности каждый молодой человек вне зависимости от места его проживания, образования и социального статуса может стать источником информации не только локального, но и глобального уровней, вплоть до международного, что значительным образом влияет на само понимание молодежной политики и активизма молодежи. Актором может быть любой человек, который благодаря цифровым институтам в очень короткие сроки формирует свою аудиторию и уже выступает в качестве проводника определенных идей и лидера общественного мнения. Однако, чем быстрее происходит информационный взлет, тем стремительней и забвение, если не конвертировать быструю известность в более устойчивые формы воздействия в рамках цифровых институтов гражданского активизма.

Социально-политический активизм в реалиях настоящего времени может проявляться в совершенно различных форматах и выражаться различными способами. Наиболее

распространенной и популярной формой социального активизма в связи с проведением крупных спортивных событий на территории России, широкой информационной работы, реализацией масштабных проектов по помощи нуждающимся, в связи с пандемией коронавируса выступает волонтерство. Двигателем и ключевым элементом этой системы выступает именно молодежь, которая может не только реализовать свои потребности в социализации, но и реально способствовать решению важнейших для государства и общества задач. Большую роль в упорядочивании движения волонтеров сыграло учреждение в 2014 году Ассоциации волонтерских центров в форме некоммерческой организации, а также создание и наполнение ранее упомянутой платформы для волонтеров Dobro.ru. Политический активизм охватывает меньше молодежи, что соотносится и со степенью тех, кто интересуется политикой, а тем более готов принимать активное участие в политической деятельности. Здесь ключевыми институциональными формами могут выступать как раз тематические некоммерческие организации (особенно молодежные крылья политических партий), а также органы молодежного самоуправления различного уровня, а неинституциональными являются тематические протестные мероприятия, зачастую не имеющие своей целью какое-либо реальное действие. Первые оказывают более глубокое воздействие, однако охватывают малый сегмент ау-

дитории, а вторые воздействуют достаточно слабо, но на гораздо более широкие молодежные группы. При этом катализатором несистемного протеста может выступать тематически любое событие, а ключевым мотивом участия в первую очередь выступает не реализация какой-то задачи, а интерактивная форма проведения совместного времени со сверстниками.

Молодежный активизм гражданской направленности содействует оптимальной реализации мероприятий социальной политики [4], но это служит не только мотивом и основным движущим ресурсом молодежной активности. Важны многие факторы, такие как соучастие в масштабном социальном деле, приобщение к сообществу таких же активных молодых людей, общественное признание значимости производимой деятельности, нематериальные стимулы и так далее. Информатизация значительно повлияла на каждый из этих факторов, некоторые гиперболизировав, другие — сделав менее значительными и востребованными. Только взаимодействие традиционных и цифровых инструментов, их взаимное дополнение позволит на значительно более эффективном уровне реализовывать имеющиеся у молодежи социально-политические потребности, которые обусловлены как объективными возрастными и психофизическими факторами, так и условиями внешней среды и текущей политической реальности.

Список источников

- [1] Бродовская Е. В. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала / Е. В. Бродовская, Р. В. Пырма, А. Ю. Домбровская // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2020. — Т. 10. — № 6. — С. 39–48.
- [2] Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // Власть. — 2020. — Т. 28. — № 2. — С. 51–58.
- [3] Завьялов А. А. Формы политического активизма молодежи в современной России // Социально-гуманитарные знания. — 2015. — № 11. — С. 211–216.
- [4] Калиева Ж. А. Социальные аспекты активизма молодежи: анализ региональных практик // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2016. — № 2 (61). — С. 77–80.
- [5] Константинов М. С., Пупыкин Р. А. Социально-политические установки и ожидания студенческой молодежи Ростовской области (по материалам анкетированного опроса 2019 г.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2020. — № 1. — С. 193–202.
- [6] Матвеева А. В. Соотношение консервативных ценностей и социального активизма в сознании студенческой молодежи // Устойчивое развитие науки и образования. — 2017. — № 8. — С. 101–106.

[7] Негров Е. О. Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2021. — Т. 23. — № 1. — С. 18–30.

[8] Омельченко Д. А. Политический активизм молодежи Алтайского края: представления, установки, практики // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. — 2016. — № 9. — С. 177–188.

[9] Пырма Р. В. Факторы формирования установок и стратегий гражданского активизма у молодежи России // Власть. — 2020. — Т. 28. — № 6. — С. 46–54.

[10] Суркова И. Ю. Гражданский активизм молодежи Саратовской области: социально-политическая включенность и потенциал участия / И. Ю. Суркова, В. В. Щебланова, Л. В. Логинова // Социологические исследования. — 2020. — № 8. — С. 90–100.

[11] Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений у и z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 3 (157). — С. 139–158.

References

[1] Brodovskaya E. V. Grazhdanskij aktivizm molodezhi Rossii: struktura rolej, faktory` formirovaniya ustanovok, trigger`y` rosta protestnogo potenciala / E. V. Brodovskaya, R. V. Py`rma, A. Yu. Dombrovskaya [Civic Activism of Youth in Russia: the Structure of Roles, Factors of Attitudes Formation, Triggers of the Growth of Protest Potential / E. V. Brodovskaya, R. V. Pyrma, A. Yu. Dombrovskaya] // Gumanitarny`e nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities. Financial University Bulletin]. — 2020. — Vol. 10. — No. 6. — Pp. 39–48.

[2] Dombrovskaya A. Yu. Grazhdanskij aktivizm molodezhi v sovremennoj Rossii: osobennosti proyavleniya v onlajn- i oflajn-sredax (po rezul`tatam e`mpiricheskogo issledovaniya) [Civic Activism of Youth in Modern Russia: Features of Manifestation in Online and Offline Environments (Based on the Results of Empirical Research)] // Vlast` [Power]. — 2020. — Vol. 28. — No. 2. — Pp. 51–58.

[3] Zavyalov A. A. Formy` politicheskogo aktivizma molodezhi v sovremennoj Rossii [Forms of Political Activism of Youth in Modern Russia] // Social`no-gumanitarny`e znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. — 2015. — No. 11. — Pp. 211–216.

[4] Kalieva Zh. A. Social`ny`e aspekty` aktivizma molodezhi: analiz regional`ny`x praktik [Social Aspects of Youth Activism: Analysis of Regional Practices] // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social`no-e`konomicheskogo universiteta [Bulletin of the Saratov State Social and Economic University]. — 2016. — No. 2 (61). — Pp. 77–80.

[5] Konstantinov M. S., Pupykin R. A. Social`no-politicheskie ustanovki i ozhidaniya studencheskoj molodyozhi Rostovskoj oblasti (po materialam anketirovannogo oprosa 2019 g.) [Socio-Political Attitudes and Expectations of Student Youth in the Rostov Region (Based on the 2019 Questionnaire Survey)] // Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. Ucheny`e zapiski [State and Municipal Administration. Scholarly Notes]. — 2020. — No. 1. — Pp. 193–202.

[6] Matveeva A. V. Sootnoshenie konservativny`x cennostej i social`nogo aktivizma v soznanii studencheskoj molodezhi [Correlation of Conservative Values and Social Activism in the Minds of Student Youth] // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya [Sustainable Development of Science and Education]. — 2017. — No. 8. — Pp. 101–106.

[7] Negrov E. O. Rol` i osobennosti molodezhnogo politicheskogo onlajn-aktivizma v sovremennoj Rossii [The Role and Features of Youth Political Online Activism in Modern Russia] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Politologiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]. — 2021. — Vol. 23. — No. 1. — Pp. 18–30.

[8] Omelchenko D. A. Politicheskij aktivizm molodezhi Altajskogo kraja: predstavleniya, ustanovki, praktiki [Political Activism of Youth of the Altai Territory: Ideas, Attitudes, Practices] // Rossijskij politicheskij process v regional`nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika [Russian Political Process in the Regional Dimension: History, Theory, Practice]. — 2016. — No. 9. — Pp. 177–188.

[9] Pyrma R. V. Faktory` formirovaniya ustanovok i strategij grazhdanskogo aktivizma u molodezhi Rossii [Factors of the Formation of Attitudes and Strategies of Civic Activism Among the Youth of Russia] // Vlast` [Power]. — 2020. — Vol. 28. — No. 6. — Pp. 46–54.

[10] Surkova I. Yu. Grazhdanskij aktivizm molodezhi Caratovskoj oblasti: social`no-politicheskaya vklyuchennost` i potencial uchastiya / I. Yu. Surkova, V. V. Shheblanova, L. V. Loginova [Civic Activism of the Youth of the Saratov Region: Socio-Political Involvement and the Potential for Participation / I. Yu. Surkova,

V. V. Scheblanova, L. V. Loginova] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. — 2020. — No. 8. — Pp. 90–100.

[11] Titov V. V. Strategii social'nogo protesta molodezhi v Runete: sravnitel'nyj analiz pokolenij y i z [Strategies of Social Protest of Youth in Runet: a Comparative Analysis of Generations Y and Z] //Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social'ny`e peremeny` [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. — 2020. — No. 3 (157). — Pp. 139–158.

Информация об авторах

О. Ю. Отроков — кандидат политических наук, доцент кафедры экономической теории.

Information about authors

O. Iu. Otrokov — Candidate of Science (Political), Associate Professor at the Department of Economic Theory.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 30.11.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 101–107
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 101–107

Научная статья

УДК 316.47(470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-101-107

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ (на примере Республики Башкортостан)

Ильдар Махмутович Габдрафиков^{1✉}, Всеволод Олегович Глуховцев²

¹Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, ildargab@yandex.ru✉

²Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Уфа, Россия, shestvossem@mail.ru

Аннотация. Предметом статьи является сравнительный анализ состояния и особенностей проявления гражданской идентичности в полиэтничном регионе России на примере Республики Башкортостан. Работа основывается на данных трех этносоциологических опросов, проведенных в последние годы при непосредственном участии авторов статьи. Объектом исследования выступает современное население Республики Башкортостан. Цель статьи заключается в рассмотрении уровня и значимости для жителей региона различных форм групповой идентичности во временной динамике (за последние 10 лет). В статье на конкретных материалах массовых опросов с применением методов, принятых в политической и социологической науках показано состояние гражданского самосознания населения региона, выявлены факторы на него влияющие.

Ключевые слова: российская нация, российский народ, гражданская и этническая идентичность, этничность, нациестроительство, межнациональные отношения и национальная политика

Финансирование: Работа выполнена по гранту РФФИ «Централизация, этнический фактор и электоральные процессы в регионах России», проект №20-011-00444 А.

Для цитирования: Габдрафиков И. М., Глуховцев В. О. Современное состояние гражданской идентичности в полиэтничном регионе России (на примере Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 101–107. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-101-107>.

FEATURES OF THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY IN THE POLYETHNIC REGION OF RUSSIA (on the example of the Republic of Bashkortostan)

Ildar Makhmutovich Gabdrifikov^{1✉}, Vsevolod Olegovich Glukhovtsev²

¹R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science, Ufa, Russia, ildargab@yandex.ru✉

²Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch), Ufa, Russia, shestvossem@mail.ru

Abstract. The subject of the article is a comparative analysis of the state and features of the manifestation of civic identity in a multiethnic region of Russia on the example of the Republic of Bashkortostan. The work is based on the data of three ethnosociological surveys conducted in recent years with the direct participation of the authors

of the article. The object of the study is the modern population of the Republic of Bashkortostan. The purpose of the article is to consider the level and significance for the residents of the region of various forms of group identity in time dynamics (over the past 10 years). The article shows the state of civic consciousness of the population of the region based on specific materials of mass surveys using methods adopted in political and sociological sciences, and identifies factors influencing it.

Key words: Russian nation, Russian people, civil and ethnic identity, ethnicity, nation-building, interethnic relations and national policy

Funding: This work was supported by the RFBR grant "Centralization, ethnic factor and electoral processes in the regions of Russia", project No. 20-011-00444 A.

For citation: Gabdrafikov I., Glukhovtsev V. Features of the formation of civic identity in the polyethnic region of Russia (on the example of the Republic of Bashkortostan) // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 101–107. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-101-107>.

В последнее время многие политики и эксперты в нашей стране говорят и распространяют идею о российском народе на основе гражданского единства, общности исторической судьбы при сохранении культурного, языкового и конфессионального разнообразия. Особенно активно эта идея в обществе начала обсуждаться после известного заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации в Астрахани 31 октября 2016 г., на котором Глава нашего государства В. В. Путин поддержал предложение о принятии специального рамочного закона о российской нации. По словам Президента России, «формирование российской идентичности — процесс сложный и небыстрый. Но, безусловно, он идет, и в последние годы достаточно активно идет. Восприятие гражданами себя как части России, повышение ответственности за свою страну становятся все более устойчивыми. Но это не значит, что мы должны просто наблюдать за этими процессами и просто фиксировать то, что происходит. Здесь требуется планомерная, настойчивая, целеустремленная работа: и просветительская, и организационная. Требуется участие в ней всех уровней власти, политических партий, общественных организаций, в том числе религиозных и этнических объединений. В этой работе нужно учитывать все обстоятельства. И особенно то, что духовное, культурное, ценностное единство нашего общества, его патристический настрой включает в себя сохранение традиций и обычаев всех народов России, уважительное отношение к религиозным ценностям» [3].

Позже В. В. Путин по итогам астраханского совещания утвердил перечень мер, в котором поручил президиуму Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям представить предложения о подготовке проекта нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации)» [4].

Безусловно, проблема формирования российской нации и укрепления ее единства сегодня является весьма актуальной, иначе не стали бы ее обсуждать на столь высоком государственном уровне и не принимали бы такие важные документы. Нам всем надо беречь гражданское единство россиян, необходимость в котором особенно ощущается в такой непростой период своей истории, какой переживает наша страна в настоящее время. По словам ведущего специалиста в области межнациональных отношений и национальной политики в России, академика В. А. Тишкова, «каждое зрелое государство с центральной властью предпринимает усилия по формированию национального сообщества на гражданской основе, стараясь преодолеть часто препятствующие этому религиозные, расовые, этнические, племенные, языковые, местно-региональные различия... Процесс гражданского национализма не означает отрицание этнического и регионально-местного своеобразия» [6].

Общность россиян требует постоянного внимания и целенаправленной работы со стороны государства, а также гражданского общества. Сегодня в России есть правовые документы,

которые регулируют сферу национальных и конфессиональных отношений как на федеральном, так и региональном и муниципальном уровнях [1–2].

По имеющимся многочисленным исследованиям отечественных социологов, этнологов, социальных философов и др., для большей части российских граждан характерно чувство сопричастности с Россией и ответственности за ее судьбу. Однако представления о единстве и необходимости единства отличаются и имеют свои особенности в разных регионах и городах страны, в разных возрастных и социальных группах, субкультурах. Не отрицая плюрализма мнений и подходов, политика России в сфере нациестроительства должна опираться на крепкий фундамент общественных представлений о гражданском единстве страны.

Наша статья ставит своей целью на основе данных нескольких социологических опросов дать сравнительный анализ современного состояния и особенностей проявления гражданской идентичности у различных групп населения Башкирии.

Социологические опросы, проведенные в последние десять лет с участием авторов данной статьи, свидетельствуют о том, что население Республики Башкортостан имеет высокий уровень гражданской идентичности, которая для людей более значима, чем этническая и конфессиональная компоненты их самосознания [5]. Здесь необходимо отметить специфику всего Волго-Уральского макрорегиона, куда входит и Башкирия, где формирование сознания принадлежности к единой территориальной общности и терпимого отношения людей различной этнической и конфессиональной принадлежности складывалось многие столетия. Ведь обширная территория между Волгой и Уралом вошла в состав Российского государства еще во второй половине XVI века. Именно с этого времени здесь начали складываться тесные межкультурные, языковые связи, и на сегодняшний день накоплен большой опыт мирного сосуществования народов. Однако не только история, но и современная практика межнациональных отношений, а также реализуемая национальная политика влияют на повседневную жизнь

людей, их социальное согласие, идентичность и уровень гражданского единства.

В нашем распоряжении имеются данные трех массовых опросов, на основе которых можно оценить современное состояние гражданской идентичности в Башкортостане. Первый из трех опросов на тему: «Межнациональные отношения через персональное восприятие респондентов, оценка усилий властей и потенциала общественных организаций» проводился осенью 2013 г. в нескольких регионах и городах России, в т. ч. в Башкирии и Уфе. Второй опрос по теме: «Молодежь в полиэтнических регионах Приволжского федерального округа» проводился в октябре-ноябре 2014 года [5]. Третий опрос «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)» проводился в октябре-ноябре 2020 года [7].

Данные первого по времени проведения опроса свидетельствуют о том, что в иерархии самосознания респондентов доминирует гражданская идентичность. Подавляющее большинство жителей считают, что окружающие должны воспринимать их как граждан своей страны, в то же время доля ответивших «как представителя своей этнической группы» незначительна. Для 21 % респондентов на первом месте стоит региональная идентичность, т. е. окружающие должны воспринимать их как жителя своего региона.

Немногим более 50 % респондентов ответили, что нынешняя Россия является для них тем государством, которое более всего подходит для реализации своих жизненных планов. В то же время менее $\frac{1}{3}$ ответили «другое государство», а $\frac{1}{6}$ — затруднились с ответом.

Более 80 % респондентам, т. е. подавляющему большинству, за последние годы не приходилось испытывать неудобства или же негативно к себе отношения в связи с их национальностью. Эти данные, на наш взгляд, говорят о высоком уровне межэтнической толерантности граждан, проживающих в Башкирии.

Итоги данного опроса говорят о том, что в обществе сравнительно низки ксенофобские настроения. Так, 70 %, т. е. более $\frac{2}{3}$ опрошенных, не поддержало бы митингующих людей,

которые стали бы выступать против возведения какого-то религиозного сооружения в своем районе или населенном пункте только потому, что эта религия является им чужой. В то же время 71 % респондентов не поддержало бы акции или пикеты против одной или нескольких национальностей, а 75 % из них не встали бы на сторону какой-либо определенной национальности, если бы им стало известно о столкновении групп людей разной национальности, но они не знали причину конфликта. 78 % респондентов ответили, что для них нет причин, на основании которых они могли бы поддержать надписи или изображения, направленные против какого-либо определенного народа. По убеждению 80 % респондентов, нет никаких причин, по которым они могли бы поддержать надписи или изображения, направленные против какой-то религии.

Во втором исследовании «Молодежь в полиэтнических регионах Приволжского федерального округа» данные по республике формировались на основе массового опроса студентов двух вузов Уфы: Башкирского государственного аграрного университета и Башкирского государственного медицинского университета. В ходе нашего анкетирования, наряду с другими вопросами, задавались и вопросы по межэтническим отношениям, гражданской идентичности и социальной адаптации.

Итоги опроса показали, что в студенческой среде Башкортостана доминирует общероссийская гражданская идентичность. Понятие «Родина» 65 % студентов региона связывают с понятием «Россия». При этом примерно половина респондентов считают, что их родина — это родной регион, республика. Третье место по частоте упоминания у респондентов занимает субрегиональная идентичность, т.е. убеждение о том, что родина для них — это родной город или село (чуть более трети из всех опрошенных). Мы можем констатировать, что ощущение Отечества у многих молодых людей совпадает в первую очередь с гражданской принадлежностью.

По данным опроса мы можем констатировать, что студенты различают такие понятия как «родина» и «государство». Патриотизм молодежи ориентирован в первую очередь к стране — России. Заслуживает внимания

и то, что в ответах респондентов на вопрос о том, что могла бы позаимствовать современная Россия из предшествующих исторических периодов, на первом месте стоят упоминания о Советском Союзе периода правления И. Сталина, а также эпоха Российской империи. По мнению опрошенных, сегодняшняя Россия могла бы позаимствовать у СССР такие качества, как контроль экономики государством, энтузиазм народа, социальное единство страны, военную мощь, развитие промышленности и силу на международной арене. При этом представление о родине заметно варьирует в зависимости от этнической принадлежности опрошенных, так наибольшая доля отметивших вариант «Родина — это Россия» среди студентов-русских (74 %). Схожие ответы дали студенты башкирской и татарской национальностей, но чуть меньше, чем русские: башкиры — 61 %, татары — 65 %. В то же время в ответах «родина — это мой регион» немного другая картина: более половины среди башкир (58 %) и около половины среди татар (51 %), менее $\frac{1}{3}$ — среди русских (30 %). Один из предлагаемых вариантов ответа «родина — это родной город или село» выбирает примерно одинаковое число респондентов — чуть более $\frac{1}{3}$ (башкиры 34 %, русские 34 %, татары 39 %). Из вышеизложенного мы можем констатировать, что русская молодежь в вузах республики в большей степени, чем башкирская или татарская молодежь, ориентирована на общероссийскую идентичность, при этом башкиры — на свою республику, а у татар немного выше значимость локальной идентичности (город, район, село).

Таким образом, обобщенные итоги опроса молодежи говорят о том, что в студенческой среде преобладает позитивное отношение к своей стране. Для подавляющего большинства опрошенных, независимо от их этнической и профессиональной принадлежности, характерно чувство патриотизма по отношению к своей малой родине (республике) и России в целом. Абсолютное большинство студентов ассоциирует себя именно со своей страной и Российским государством, т.е. проявляет общероссийскую гражданскую идентичность. У студентов, прежде всего, нерусских по национальной принадлежности, заметно развиты также региональная и местная

(город, район, село) идентичности. Больше проявляется региональная (республиканская) идентичность у студентов башкирской национальности (титульной для Башкирии), чем у студентов, принадлежащих к русской и татарской этническим группам, что вполне нормально и объяснимо.

Несмотря на доминирование гражданской идентичности и чувства патриотизма, у студентов также развито критическое отношение к российскому государству. Об этом говорит тот факт, что довольно значительна доля ответов «за государство обидно», встречаются немало упоминаний таких ассоциаций как «плохие дороги», «коррупция», «недостатки управления». На основе итогов данного опроса мы можем также отметить, что на формирование этнических стереотипов (в т.ч. и негативных) оказывают заметное влияние СМИ и социальные сети в Интернете.

Из всех форм проявлений групповой идентичности самыми значимыми в жизни опрошенных являются семья и родственники. На сегодня это базовый ресурс, формирующий идентичность студенческой молодежи. В то же время и идентификация себя со всеми гражданами страны также является определяющей.

Итоги данного опроса свидетельствуют и о том, что студенческая молодежь недостаточно хорошо знает отечественную историю. Знания об истории России главным образом черпаются из художественных фильмов, а не из учебных курсов и исторических книг, поэтому исторические знания молодежи имеют фрагментированный характер, им не хватает системности в понимании нашего прошлого. Поэтому необходимы современные учебники, пособия и специальные программы по изучению многонациональной истории Российского государства для того, чтобы молодежь не была жертвой националистических заблуждений.

И, наконец, данные третьего исследования «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)» (октябрь-ноябрь 2020 г.), как и предыдущие два опроса свидетельствуют о том, что для респондентов самой важной и доминирующей формой груп-

повой идентичности является общероссийская гражданская идентичность. На вопрос «Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни — как гражданина России, как представителя отдельной национальности или как жителя определенного региона?» 75 % опрошенных ответили, что окружающие их должны воспринимать как гражданина страны. Второе место с огромным отставанием занимает региональная идентичность: 17 % ответили, что окружающие должны их воспринимать как жителя определенного региона. Доля тех, кто ответил, что окружающие должны их воспринимать как представителя отдельной национальности незначительна — всего 9 % населения, а 7 % респондентов затруднились с ответом, другой ответ дали 4 %. В ответах также прослеживаются этнические особенности: 80 % русских отметили, что окружающие должны воспринимать их как гражданина страны, среди башкир таковых оказалось меньше — 71 %, выбрали вариант как жителя определенного региона 15 % русских и 24 % башкир, а как представителя отдельной национальности — всего 8 % русских и 24 % башкир.

Таким образом, мы можем констатировать, что в шкале ценностей граждан «своя национальность» и «своя вера» не преобладают, а имеют второстепенное значение и, наоборот, гражданские ценности, принадлежность к одному государству (единое гражданство), городу/селу для них имеют доминирующее значение.

В то же время для опрошенных общероссийская гражданская идентичность является неким абстрактным понятием, а вполне осознанным выбором, они хорошо себе представляют, что же конкретно надо делать для укрепления гражданской идентичности россиян. Именно об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, может способствовать укреплению общероссийской гражданской идентичности, формированию российской нации?». В ответах преобладают варианты, имеющие позитивный и созидательный смысл. Так, по мнению абсолютного большинства опрошенных (64 %), этому могут способствовать экономические успехи и повышение уровня жизни граждан России. На втором месте среди выбранных вариантов ответа почти с двукратным отставанием стоит вариант

«Укрепление международного авторитета России» (37 %). 27 % респондентов ответили, что память о Победе в Великой Отечественной войне также будет способствовать укреплению общероссийской гражданской идентичности, около четверти выбрали вариант ответа «Государственные и культурные символы страны», а каждый пятый — «Спортивные достижения россиян на Олимпиадах и международных соревнованиях». В то же время такие варианты ответов, как «Всенародная поддержка инициатив руководителя (лидера) страны» (18 %) и «Укрепление обороноспособности и успешные миротворческие операции российских вооруженных сил» выбрали относительно небольшая доля опрошенных (15 %).

Таким образом, приведенные социологические замеры показывают, что у населения Башкортостана сформировался высокий уровень гражданской идентичности, которая для людей

более значима, чем этническая и конфессиональная идентичности. В то же время у граждан всех возрастных категорий довольно четко выражено региональное самосознание (мы — жители Башкирии), создающее прочную связь между людьми, но при этом не вступая в противоречие с их общефедеральной гражданской идентичностью. В этом смысле опыт Башкирии можно назвать позитивным региональным примером гражданского нациестроительства в современной России.

Приведенные данные трех опросов свидетельствуют о том, что для граждан понятия «россиянин», «общероссийская идентичность» не являются некими абстрактными. Они хорошо понимают, какой смысл вкладывается в эти понятия и предлагают вполне конкретные меры для того, чтобы и далее укреплять сознание принадлежности к единой российской нации.

Список источников

- [1] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 15.11.2021).
- [2] Указ Главы Республики Башкортостан от 26.02.2015 № УГ-39 «О мерах по реализации государственной национальной политики в Республике Башкортостан» [Электронный ресурс]. — URL: <https://nra.bashkortostan.ru/10126/> (дата обращения: 15.11.2021).
- [3] Стенограмма заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, посвященного актуальным вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики России (Астрахань, 31 октября 2016 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения: 15.11.2021).
- [4] Перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшегося 31 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412> (дата обращения: 15.11.2021).
- [5] Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / ред. В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2014. — 342 с., ил.
- [6] Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. — 2-е изд., перераб. и доп. — Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2011. — 232 с.
- [7] Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия): экспертный доклад / ред. А. Е. Загребин. — Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2021. — 128 с.

References

- [1] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.12.2012 № 1666 "O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda" [Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025"] [Electronic resource]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (date of the application: November 15, 2021).
- [2] Ukaz Glavy Respubliki Bashkortostan ot 26.02.2015 № UG-39 "O merax po realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Respublike Bashkortostan" [Decree of the Head of the Republic of Bashkortostan dated February 26, 2015 No. UG-39 "On Measures to Implement the State Ethnic Policy in the Republic of Bashkortostan"]

[Electronic resource]. — URL: <https://npa.bashkortostan.ru/10126/> (date of the application: November 15, 2021).

[3] Stenogramma zasedaniya Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po mezhnacional'ny'm otnosheniyam, posvyashhennogo aktual'ny'm voprosam realizacii Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossii (Astrakhan', 31 oktyabrya 2016 g.) [A Transcript of the Meeting of the Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations Dedicated to Topical Issues of the Implementation of the Strategy of the State National Policy of Russia (Astrakhan, October 31, 2016)] [Electronic resource]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173> (date of the application: November 15, 2021).

[4] Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Soveta po mezhnacional'ny'm otnosheniyam, sostoyavshegosya 31 oktyabrya 2016 g. [The list of instructions following the meeting of the Council for Interethnic Relations, held on October 31, 2016] [Electronic resource]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412> (date of the application: November 15, 2021).

[5] Rossijskoe studenchestvo: identichnost', zhiznenny'e strategii i grazhdanskij potencial / red. V. A. Tishkov, R. E. Barash, V. V. Stepanov [Russian Students: Identity, Life Strategies and Civic Potential / ed. by V. A. Tishkov, R. E. Barash, V. V. Stepanov]. — Moscow : IEA RAS, 2014. — 342 p., il.

[6] Tishkov V. A. Edinstvo v mnogoobrazii: publikacii iz zhurnala "E'tnopanorama" 1999–2011 gg. — 2-e izd., pererab. i dop. [Unity in Diversity: Publications from the Journal "Ethnopanorama" 1999–2011. — 2nd ed., rev. and add.]. — Orenburg : PS OGAU, 2011. — 232 p.

[7] E'tnicheskij faktor v obshhestvenno-politicheskoy zhizni regionov Rossii: ot e'tnopoliticheskoy mobilizacii k grazhdanskoj integracii (respubliki Bashkortostan, Marij E'l, Mordoviya, Udmurtiya, Chuvashiya) : e'kspertny'j doklad / red. A. E. Zagrebin. [Ethnic Factor in the Social and Political Life of Russian Regions: from Ethnopolitical Mobilization to Civil Integration (the Republics of Bashkortostan, Mari El, Mordovia, Udmurtia, Chuvashia) : expert report / ed. by A. E. Zagrebin]. — Izhevsk : Institute of Computer Research, 2021. — 128 p.

Информация об авторах

И. М. Габдрафиков — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник;

В. О. Глуховцев — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и права.

Information about authors

I. M. Gabdrafikov — Candidate of Science (Historical), Docent, Senior Research Officer;

V. O. Glukhovtsev — Candidate of Science (Philosophical), Docent, Associate Professor at the Department of Philosophy, History and Law.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 108–113
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 108–113

Научная статья

УДК 328.185

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-108-113

КОРРУПЦИЯ КАК ФОРМА НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМА СПЕЦИАЛИСТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (обзор зарубежной литературы)

Елена Валерьевна Вашаломидзе^{1✉}

¹ВНИИ труда Минтруда России, Москва, Россия, rich123098@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор зарубежной литературы, отражающей проблему непрофессионального поведения государственных служащих, проявляемых через коррупционные действия. Проанализирована сущность государственного управления на идеологическом и институциональном уровнях, определены основные причины коррупционности государственных служащих. Сделан вывод о том, что коррупция не только негативным образом влияет на имидж государственной власти, но и служит барьером для реализации целей и задач государственного управления, направленных на удовлетворение потребностей общества.

Ключевые слова: государство, власть, управление, государственный служащий, профессионализм, коррупция

Для цитирования: Вашаломидзе Е. В. Коррупция как форма непрофессионализма специалистов государственного управления (обзор зарубежной литературы) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 108–113. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-108-113>.

CORRUPTION AS A FORM OF UNPROFESSIONALISM OF PUBLIC ADMINISTRATION SPECIALISTS (review of foreign literature)

Elena Valerevna Vashalomidze^{1✉}

¹All-Russian Scientific Research Institute of Labor, Ministry of Labor of Russia, Moscow, Russia, rich123098@mail.ru

Abstract. The article presents an overview of foreign literature reflecting the problem of unprofessional behavior of civil servants manifested through corrupt actions. The essence of public administration at the ideological and institutional level is analyzed, the main causes of corruption of civil servants are determined. It is concluded that corruption not only negatively affects the image of state power, but also serves as a barrier to the implementation of the goals and objectives of public administration aimed at meeting the needs of society.

Keywords: state, power, management, civil servant, professionalism, corruption

For citation: Vashalomidze E. Corruption as a form of unprofessionalism in public administration specialists (review of foreign literature) // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 108–113. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-108-113>.

Введение

Государственное управление представляет собой организационные механизмы, управленческие практики и институционализированные ценности, которые чиновники законодательно закрепляют в процессе реализации политики, представляющей собой одобрение воли правительств. Это утверждение перекликается с тем, которое сделал Жан-Жак Руссо в своем знаменитом Общественном договоре: «Закон есть выражение общей воли» [7].

Вудро Вильсон утверждает, что государственное управление является наиболее очевидной частью работы правительства, по сути, это правительство в действии, его наиболее очевидная исполнительная, оперативная и функциональная реализация. Другими словами, государственное управление связано с политикой и выработкой политики, оно склонно концентрироваться в исполнительной ветви власти, где формируются ресурсы, с помощью которых реализуются цели и задачи правительства [8].

Герберт А. Саймон и Д. Смитбург также рассматривают государственное управление как

исполнительный инструмент правительства, который выполняет функции и осуществляет деятельность исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных корпораций и некоторых других учреждений специализированного характера. Это сфера науки и практики, в которой проводятся исследования в области права и политики. Таким образом, государственное управление включает в себя все те операции, которые имеют своей целью выполнение или обеспечение выполнения государственной политики [7].

Точно так же Лютер Гулик считает, что государственное управление — это та часть управления, которая вступает в действие с правительством и таким образом относится преимущественно к исполнительной власти, где осуществляется работа правительства. Следовательно, государственное управление в такой же степени озабочено тем, что делает правительство, как и тем, как оно это делает [11].

Эволюция государственного управления

История государственного управления является важным источником понимания административной структуры настоящего времени и тех практических направлений, которые должна принять их будущая эволюция [12].

В средние века государственные администраторы были также квалифицированы, как правители и образованная элита с точки зрения способностей читать, писать и считать [2]. Основателем науки государственного управления считается Лоренц фон Штайн, немецкий профессор из Вены, родившийся в 1855 году. Он отказался ограничиться определением, которое было дано государственному управлению в его время как форме административного права; он указал, что «государственное управление опирается на многие заранее установленные дисциплины, такие как социология, политология, административное право и государственные финансы» [11].

Наиболее ранними учеными, которые упоминают идентичность государственного управ-

ления, являются Вудро Вильсон и Франк Гудноу, которые также продвигают проблему дихотомии политики и администрации. В начале XX в. государственная система была коррумпирована покровительством. Поэтому В. Вильсон утверждал, что должно быть четкое разделение между политикой и администрацией, а Ф. Гудноу далее определил, что политика — это представление воли народа, а администрация — исполнение этой воли. В своих работах они предвидели как бюрократизацию системы государственного управления, так и ее непосредственную связь с политической системой [14].

Эта позиция породила дискуссию между Карлом Джоэкимом Фридриком и Германом Файнером, где, с одной стороны, Файнер утверждает, что независимость государственного управления отражается в его строгом регулировании, которое защищает государственных служащих (которые должны в своей работе делать акцент только на технических вопросах)

от злоупотребления властью, в то время как К. Фридрих утверждал, что государственные служащие являются экспертами и должны активно участвовать в процедуре выработки политики [10]. Кроме того, такое противоречие между политикой и администрацией также пересматривается учеными Дуайтом Уолдо и Гербертом Саймоном. Д. Уолдо в своем труде «Административное государство» указывает, что дихотомия между фактами и ценностями невозможна и не должна быть разделена в правительстве, поскольку государственное управление имеет дело с восприятием людей по отношению к государству, а изучение и практика его должны проводиться посредством различных нормативных ценностей [6].

С другой стороны, несмотря на то, что существует тесная связь между политикой и управлением, в рамках государственной службы цель государственного управления должна концентрироваться на наиболее эффективном способе реализации этих ценностей.

Некоторые современные авторы определяют государственное управление как процесс разделения крупных бюрократий на более мелкие, разобщенные ведомства, с использо-

ванием экономических стимулов, поощряющих конкуренцию как между различными государственными ведомствами, так и между государственными ведомствами и частными компаниями [3]. В настоящее время граждане не ожидают, что правительство предоставит им рабочие места, закон и порядок, доступные услуги, простоту и свободную от коррупции систему государственного управления. В этом контексте государственное управление переходит от деятельности, осуществляемой правительством, к инструменту, используемому правительством для реализации и осуществления своей политической повестки дня в прямом ответе на удовлетворение потребностей общества. Социально-экономическое развитие, предоставление общественных услуг, разработка государственной политики и управление программами на местах, а также сокращение бедности и социального неравенства, по-видимому, занимают ведущие места в списке потребностей общества в глобальном масштабе, а реализация этих потребностей является задачей государственного управления и решается посредством соответствующих органов государственной власти.

Коррупция в профессиональной деятельности специалистов государственного управления

Эффективность в государственном секторе определяется через эффективность:

- системы власти (на национальном уровне),
- судебной системы (на государственном уровне),
- государственной службы (на институциональном уровне),
- организационной структуры органов государственного управления.

Эффективность системы напрямую зависит от эффективности профессиональной деятельности кадров, обеспечивающих функционирование этой системы. Таким образом, система государственного управления может быть результативной (результативность как форма проявления эффективности) только в том случае, если она функционирует на основе работы квалифицированных и компетентных профессионалов в области государственной службы и государственного управления.

Дисфункциональность профессиональной деятельности государственных служащих, проявляющаяся в некачественной работе, связана с рядом факторов, одним из которых является коррупция как элемент и мера качества профессиональной деятельности госслужащих.

Исторически институциональная культура государственного управления представляла собой систему защиты от коррупции, и усилия по ее предотвращению, осуществляемые под контролем государственного управления, часто были направлены на обеспечение профессиональной честности государственных служащих. Именно поэтому коррупция рассматривается как противодействующая целям государственного управления [13].

По определению коррупция — это форма неэтичного или нечестного поведения, совершаемого лицом, на которое возложена власт-

ная должность, с целью получения личной выгоды. Коррупция часто рассматривается как ошибка института государственной службы и как форма неэтичного профессионального поведения государственного служащего, противоречащая идее «служить обществу честно и объективно в качестве представителя общественных интересов» [9].

Считается, что коррупция в государственном секторе существует, когда должностные лица, будь то политики или государственные служащие, ведут себя незаконно и злоупотребляют вверенной им публичной властью для удовлетворения своих частных интересов. Это одна из самых неэтичных практик, бросающих вызов доверию государственным чиновникам, которое может быть восстановлено только путем формирования репутации, основанной на честности и порядочности. Коррумпированные чиновники принимают предвзятые решения, служащие их частным, а не общественным интересам. В таком клиентоориентированном государственном управлении ресурсы, которые должны быть перераспределены для продуктивного использования, вместо этого подпитывают коррупционные явления. Коррупция приводит к безответственной политике и плохому администрированию.

Несмотря на то, что коррупция имеет множество корней, ее обычно связывают с некачественным дизайном системы государственной власти как общественного института. Сложность и неоднозначность противоречащих друг другу законов и постановлений усиливает дискреционную власть должностных лиц, а, следовательно, возрастает риск принятия произвольных корыстных решений. Коррупция зависит от объема монопольных и дискреционных полномочий, которые может осуществлять должностное лицо. Считается, что монополистическая власть существует в высокорегулируемых экономиках, в то время как дискреционная власть доминирует в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Отсутствие подотчетности и прозрачности подпитывает коррупцию. Практически невозможно оценить легитимность решений, принимаемых за закрытыми дверями.

Важно также отметить, что одной из причин коррупции является кумовство, поскольку

ку на основании родственной связи или дружеских отношений на госслужбу привлекаются некомпетентные люди, которые выполняют работу без соответствующих профессиональных знаний и навыков. Возникающий при этом конфликт интересов, как правило, в расчет не берется.

Низкие оклады государственных служащих побуждают чиновников прибегать к коррупции, чтобы пополнить свои доходы. Поскольку они, как правило, не несут ответственности за свою работу, у них есть стимулы задерживать предоставление услуг с целью получения взяток. Частный интерес государственного служащего мешает ему выполнять свои профессиональные обязанности, что не отвечает интересам органа государственной власти. Конфликт интересов снижает доверие общественности к честности и беспристрастности государственных чиновников. Неадекватная кадровая политика и практика на государственной службе агрессивно способствуют злоупотреблениям, угрожающим прозрачности, этическому поведению и профессионализму [4].

Из-за коррупции в государственном управлении государство может потерпеть неудачу и оказаться бессильным предоставить обществу даже такие базовые услуги, как общественный порядок, в какой-либо значимой форме. Коррупция приводит к неспособности государства решать фундаментальные политические и управленческие вопросы, такие как принятие государственного бюджета и назначение важных государственных чиновников. Это явление приводит к неспособности политических партий и их лидеров объединяться, а организаций внутри бюрократии — сотрудничать.

Кроме того, коррумпированные правительства имеют меньше денег на проекты, поскольку в большинстве коррумпированных стран нечестные политики склонны выбирать инвестиционные проекты не на основе их фундаментальных экономических средств, а на основе возможности получения взяток и откатов. В целом это снижает инвестиции и, следовательно, ставит под угрозу конкурентоспособность страны и снижает ее ВВП [1]. Кроме того, это увеличивает неравенство в стране, что может способствовать социальной напряженности

и нестабильности. Отклонение государственных расходов и снижение качества государственных услуг из-за коррупции приводят к неэффективности рынка, вынуждая компании уходить в неофициальную экономику [5].

Таким образом, коррупция в политической и административной системе, незаконное присвоение государственных средств, бюрократи-

ческая жесткость ослабляют государственное управление и делают его безответственным к нуждам народа. Каковы бы ни были истоки коррупции, она — свидетельство непрофессионализма конкретного должностного лица, чья некомпетентность и низкий уровень профессиональной этики делают государственное управление неэффективным.

Список источников

- [1] *Claros A.* Nine Reasons why Corruption is a Destroyer of Human Prosperity. World Bank [Электронный ресурс]. — URL: <http://blogs.worldbank.org/futuredevelopment/nine-reasons-why-corruption-destroyer-human-prosperity> (дата обращения: 20.07.2021).
- [2] *De Vries M. S.* Toward a Historical-Comparative Perspective on Bureaucracies // *International Review of Public Administration*. — 1999. — Vol. 4. — Pp. 55–69.
- [3] *Dunleavy P.* New public management is dead-long live digital-era governance / *P. Dunleavy, H. Margetts, S. Bastow, J. Tinkler* // *Journal of Public Administration Research and Theory*. — 2006. — № 16 (3). — Pp. 467–494.
- [4] *Finlay F.* Politics is Corrupt, Public Administration is Corrupt, and Democracy is Dead // *Irish Examiner* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.irishexaminer.com/viewpoints/columnists/fergus-finlay/.html> (дата обращения: 20.07.2021).
- [5] *Fritzen S.* Corruption, Trust and their Public Sector Consequences: Introduction to the Special Edition. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice* // *Lee Kuan Yew School of Public Policy, National University of Singapore*. — 2014. — Vol. 16. — No. 2. — Pp. 117–120.
- [6] *Fry Brian R.* Mastering Public Administration; from Max Weber to Dwight Waldo. — Chatham, New Jersey : Chatham House Publishers, Inc., 1989. — P. 80.
- [7] *Henry N.* Paradigms of Public Administration. Wiley on behalf of the American Society for Public Administration // *Public Administration Review*. — 1975. — Vol. 35. — Pp. 378–386.
- [8] *Marume S.* Meaning of Public Administration // *Journal of Research in Humanities and Social Science*. — 2016. — Vol. 4. — Pp. 15–20.
- [9] *Stapenhurst S., Kpundeh L.* Public Participation in the Fight Against Corruption // *Canadian Journal of Development Studies*. — 1998. — No. 19:3. — Pp. 491–508.
- [10] *Stivers C.* The Listening Bureaucrat: responsiveness in public administration. — American Society for Public Administration, 1994. — P. 29.
- [11] *Waldo D.* Public Administration. The University of Chicago Press on behalf of the Southern Political Science // *The Journal of Politics*. — 1968. Vol. 30. — Pp. 443–479.
- [12] *White L.* Notes on the History of Public Administration Project. Society of American Archivists // *The American Archivist*. — 1942. — Vol. 5. — Pp. 100–103.
- [13] *Whitton H.* Implementing Effective Ethics Standards in Government and the Civil Service. Transparency International [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.oecd.org/mena/governance/35521740.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).
- [14] *Wilson W.* The Study of Administration // *Political Science Quarterly*. — 1887. — Vol. 2. — Pp. 197–222.

References

- [1] *Claros A.* Nine Reasons why Corruption is a Destroyer of Human Prosperity. World Bank [Electronic resource]. — URL: <http://blogs.worldbank.org/futuredevelopment/nine-reasons-why-corruption-destroyer-human-prosperity> (date of the application: July 20, 2021).
- [2] *De Vries M. S.* Toward a Historical-Comparative Perspective on Bureaucracies // *International Review of Public Administration*. — 1999. — Vol. 4. — Pp. 55–69.
- [3] *Dunleavy P.* New public management is dead-long live digital-era governance / *P. Dunleavy, H. Margetts, S. Bastow, J. Tinkler* // *Journal of Public Administration Research and Theory*. — 2006. — № 16 (3). — Pp. 467–494.
- [4] *Finlay F.* Politics is Corrupt, Public Administration is Corrupt, and Democracy is Dead // *Irish Examiner* [Electronic resource]. — URL: <http://www.irishexaminer.com/viewpoints/columnists/fergus-finlay/.html> (date of the application: July 20, 2021).

- [5] *Fritzen S.* Corruption, Trust and their Public Sector Consequences: Introduction to the Special Edition. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice* // Lee Kuan Yew School of Public Policy, National University of Singapore. — 2014. — Vol. 16. — No. 2. — Pp. 117–120.
- [6] *Fry Brian R.* Mastering Public Administration; from Max Weber to Dwight Waldo. — Chatham, New Jersey : Chatham House Publishers, Inc., 1989. — P. 80.
- [7] *Henry N.* Paradigms of Public Administration. Wiley on behalf of the American Society for Public Administration // *Public Administration Review*. — 1975. — Vol. 35. — Pp. 378–386.
- [8] *Marume S.* Meaning of Public Administration // *Journal of Research in Humanities and Social Science*. — 2016. — Vol. 4. — Pp. 15–20.
- [9] *Stapenhurst S., Kpundeh L.* Public Participation in the Fight Against Corruption // *Canadian Journal of Development Studies*. — 1998. — No. 19:3. — Pp. 491–508.
- [10] *Stivers C.* The Listening Bureaucrat: responsiveness in public administration. — American Society for Public Administration, 1994. — P. 29.
- [11] *Waldo D.* Public Administration. The University of Chicago Press on behalf of the Southern Political Science // *The Journal of Politics*. — 1968. — Vol. 30. — Pp. 443–479.
- [12] *White L.* Notes on the History of Public Administration Project. Society of American Archivists // *The American Archivist*. — 1942. — Vol. 5. — Pp. 100–103.
- [13] *Whitton H.* Implementing Effective Ethics Standards in Government and the Civil Service. Transparency International [Electronic resource]. — URL: <http://www.oecd.org/mena/governance/35521740.pdf> (date of the application: July 20, 2021).
- [14] *Wilson W.* The Study of Administration // *Political Science Quarterly*. — 1887. — Vol. 2. — Pp. 197–222.

Информация об авторах

Е. В. Вашаломидзе — кандидат экономических наук, директор Центра подготовки научных кадров.

Information about authors

E. V. Vashalomidze — Candidate of Science (Economic), Director of the Center for the Training of Scientific Personnel.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 114–124
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 114–124

Научная статья
УДК 32.019.5:504.03
doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-114-124

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Татьяна Александровна Миронова^{1✉}

¹Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, tanyaess@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется значимый с позиций достижения целей устойчивого развития в сфере образования процесс формирования в академической среде высшего учебного заведения стремления к расширению и разнообразию каналов коммуникации. Показано, что одним из наиболее доступных и открытых каналов коммуникации выступает экологический. Это объясняется особенностями самого экологического подхода к образованию и воспитанию, способствующего вовлеченности студентов в тематику защиты природы, а также обусловлено тем, что данный канал открывает возможности для перехода к другим направлениям, в том числе к политической коммуникации.

Ключевые слова: коммуникации, экология, политика, высшая школа, студенчество, устойчивое развитие

Для цитирования: Миронова Т. А. Экологическая компонента политической коммуникации современного студенчества // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 114–124. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-114-124>.

THE ECOLOGICAL COMPONENT OF POLITICAL COMMUNICATION OF MODERN STUDENTS

Tatiana Aleksandrovna Mironova^{1✉}

¹Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia, tanyaess@mail.ru

Abstract. The article analyzes the process of formation in the academic environment of a higher educational institution of the desire to expand and diversify communication channels, which is significant from the standpoint of achieving the goals of sustainable development in the field of education. It is shown that one of the most accessible and open communication channels is ecological. This is due to the peculiarities of the very ecological approach to education and upbringing, which contributes to the involvement of students in the protection of nature, as well as the fact that this channel opens up opportunities for transition to other areas, including political communication.

Keywords: communications, ecology, politics, high school, students, sustainable development

For citation: Mironova T. The ecological component of political communication of modern students // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 114–124. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-114-124>.

Внимание к окружающему миру стало заметным тогда, когда эта среда начала проявлять свое недружелюбие к человеку. Этот процесс был продиктован укоренной индустриали-

зацией во второй половине XIX столетия. Рост производства подталкивал людей переезжать из сельской местности в разрастающиеся города, где они устраивались работать на промыш-

ленные предприятия. Чтобы выжить им приходилось трудиться по 16–18 часов в день. Дым фабричных и заводских труб загрязнял воздух, отходы производства и бытовой мусор засоряли землю и источники воды, становясь причиной массовых заболеваний. Именно в этот период к вопросам взаимоотношения человека и природы начинают проявлять интерес исследователи, прежде всего, естествоиспытатели, которые тоньше чувствовали и лучше других понимали хрупкость окружающей среды.

Одним из таких ученых был немецкий биолог и философ Э. Геккель. В 1866 году в работе «Общая морфология организмов» Геккель предложил термин «экология», основанный на древнегреческих понятиях *οἶκος* — жилище, местопребывание и *λόγος* — учение. Автор нового понятия «экология» рассматривал эту предметную область как науку, которая изучает взаимоотношения живой и неживой природы. Но такое определение, равно как и потребность выделения специальной области, касающейся взаимодействия организмов, относящихся к мирам живой и неживой природы, разделяли далеко не все мыслители того времени. Например, среди противников данного подхода и предложенной Геккелем дефиниции был выдающийся русский ученый К. А. Тимирязев, который считал это направление биологией в узком смысле.

И все же сторонников нового взгляда на отношения между людьми и природой было больше. Уже в 1910 году на III Международном ботаническом конгрессе (англ. *International Botanical Congress*), который проводился в Брюсселе, его участниками были поделены три подраздела экологии: аутоэкология (др.-греч. *αὐτός* — сам), синэкология (от греч. *συν* — вместе) и демэкология (от др.-греч. *δῆμος* — народ). Первое направление изучает взаимодействия индивидуального организма или вида с окружающей средой, в частности, исследуются жизненные циклы и поведение как способы приспособления к окружающей среде. Второе — взаимодействия популяций особей одного вида внутри данной популяции и с окружающей ее средой. Третье направление исследует особенности функционирования сообществ и специфику их взаимодействий с биотическими и абиотическими факторами. По

сути, эти ветви экологии можно рассматривать как первые обозначенные специалистами каналы экологической коммуникации.

Очевидно, выделение этих подразделов экологии отразило не только картину биологической науки начала XX в., но и сложившиеся к тому времени достаточно устойчивые представления о необходимости развивать эту область внутри нее самой, понимать ее специфику и выделять базовые позиции. Вскоре обнаружилась потребность расширить такие каналы и связать предметную область экологии с другими науками и в целом с мироощущением человека. В результате движения по этому пути экология превратилась не в узкий срез биологии, а, наоборот, в комплекс наук, изучающих функциональные взаимосвязи между организмами, которые включают человека и человеческое общество в целом, и окружающей их средой, в том числе круговорот веществ и потоков энергии, делающих возможной саму жизнь.

В этом комплексе наук мы различаем: биоэкологию, геоэкологию, геоэтику, гидроэкологию, техноэкологию, ландшафтную экологию, этноэкологию, медицинскую экологию, социальную экологию, эколингвистику, химическую экологию, радиоэкологию, экологию человека, антэкологию (буквально «экологию цветения и опыления»), информационную экологию и другие ветви экологического знания. Они же оказываются действующими коммуникационными каналами как для связи внутри собственно экологического научного пространства, так и с сопредельными областями, которых становится все больше.

Такая расширяющаяся вселенная экологической проблематики потребовала определенной упорядоченности. На это первыми указали специалисты в области этики. К ним, несомненно, можно отнести американского биолога и эколога Б. Коммонера, чья политическая позиция проявилась в том, что в 1980 году он выставил свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов Америки от Гражданской партии (англ. *Citizens Party*), основателем которой он же и являлся. Эта политическая сила объединяла различные прогрессивные, экологические и либеральные группы. Понятно, что в двухпартийной модели, установив-

шейся в США, шансы на электоральную победу новой политической партии были минимальными, но то, что она заявила о себе, стало знаком, что экологическая проблематика пробила заграждение между сугубо научным и политическим дискурсом. Об этом же говорили инициативы многих нарождающихся в те годы экологически движений и организаций.

Важно, что именно Б. Коммонер предложил и новую схему, позволяющую каждому человеку ориентироваться в экологической проблематике. Он сформулировал четыре закона экологии:

1. Все связано со всем: в этом законе отражен экологический принцип холизма (целостности); постулат опирается на закон больших чисел.

2. Все должно куда-то деваться: данный закон говорит о необходимости поддержания замкнутого круговорота веществ и обеспечения стабильного существования биосферы.

3. Природа знает лучше: закон несет двойной смысл, выражая одновременно как призыв сблизиться с природой, так и указание на значимость крайне осторожного обращения с природными системами.

4. Ничто не дается даром: этот закон указывает на то, что каждое новое достижение человечества неизбежно сопровождается утратой чего-то прежнего [5].

Перечисленные постулаты Б. Коммонера не указывали на конкретные направления коммуникации, но они служили своеобразной лоцманской картой, показывая, как следует осуществлять эти коммуникации, чтобы не нанести вреда ни человеку, ни природе.

Примерно в тот же период на основе укрепляющегося понимания потребности объединить ценностно-нормативный комплекс представлений о природных системах и правилах взаимодействия людей с этими системами начала оформляться экологическая этика. Огромное влияние на нее оказала этика «благоговения перед жизнью» немецкого и французского гуманиста, протестантского теолога, философа культуры, музыканта и врача А. Швейцера. В 1952 году ему была присуждена Нобелевская премия мира за миссионерскую деятельность. А. Швейцер являлся основателем больницы в габонском городе Ламбарене. Денежную часть Нобелевской премии он направил

на строительство деревни и приюта для прокаженных там же. А. Швейцер утверждал, что «этика заключается... в том, что я испытываю побуждение высказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом и состоит основной принцип нравственного» [10, с. 307].

Последователем учения А. Швейцера о благоговении перед жизнью можно считать П. Тейлора, американского экофилософа, профессора философии в Бруклинском колледже, Городском университете в Нью-Йорке. Он в своей работе «Уважение к природе» (1986) формулирует четыре правила поведения человека по отношению к природе:

1) непричинения вреда, устанавливающее нормы воздержания от любого действия, способного стать губительным для организма, популяции вида или биотического сообщества;

2) невмешательства, подразумевающего отказ ограничения свободы действия отдельных организмов;

3) верности, требующего ответственного и преданного обращения с животными, прирученными человеком;

4) восстановления справедливости, предполагающее восстановление нарушенного равновесия между людьми и природой [15].

Ни один канал экологической коммуникации не может действовать без соблюдения таких правил. В первую очередь это относится к одному из важнейших каналов коммуникаций, которым издревле являлся образовательный. Система образования изначально принимала на себя ответственность не только за трансляцию знаний, необходимых человеку и социуму, но и за социализацию обучаемых. Но при этом длительное время в образовании, во-первых, не ставилась задача интеграции собственно обучения и воспитания, а, во-вторых, господствовала монодисциплинарная модель. Классическая монодисциплинарная матрица может быть представлена, согласно утверждению одного из крупнейших отечественных специалистов по трансдисциплинарности Л. П. Киященко, следующим образом:

«1. Представление об универсуме (научная картина мира) — природа едина, единственна, себе тождественна.

2. Преобладающая ценность — устранение всего субъективного, произвольного, случайного.

3. Правила, законы, теории устойчивы и очевидны.

4. Действие по образцу в решении „головоломок”» [4, с. 44].

Такой путь продвижения по пространству знаний резко сужает свободу как обучаемого, так и обучающихся, закрывает многие каналы творческого поиска, отдает предпочтение шаблонным решениям задач. Эта практика вредна для самого образования, но она наносит еще больший ущерб при выходе человека в самостоятельную жизнь, в производство, а еще более — в управление. Выход из подобного тупика находится на пути междисциплинарности [2].

Экологическая этика, по сути, выступила одной из первых инновационных интегративных дисциплин, соединив в себе изучение моральных принципов и ценностей, которые регулируют отношения человека и природы и широчайший круг предметов, связанных с охраной природы, включая экономическую, правовую, политическую, социальную и культурную проблематику.

Выделяя правовой и политический аспекты экологической этики, следует подчеркнуть, что для создания прочной политико-правовой платформы развития экологических коммуникаций необходимым было закрепление постулатов экологической этики в международно-правовых документах. В частности, речь идет о: Стокгольмской декларации по проблемам окружающей человека среды (1972), Всемирной хартии природы (1982), Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию, Повестке дня на XXI век (1992), Иоханнесбургской декларации по устойчивому развитию (2002).

Серьезное внимание данной тематике уделяется со стороны ЮНЕСКО (англ. *UNESCO — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*) — специализированного учреждения Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. В частности, в документе ЮНЕСКО «Экологическая этика» выделены общие принципы экологической этики:

1. Принцип уважения ко всем формам жизни: утверждается ценность каждого живого

существа: «любая форма жизни должна уважаться независимо от ее полезности для человека», «каждый организм, человеческий или нет, имеющий способность ощущения или нет, безопасный для человека или опасный, является благом самим по себе».

2. Принцип биоразнообразия: утверждается ценность биоразнообразия и необходимость его сохранения.

3. Принцип поддержания устойчивости биосферы: лежит в основе концепции устойчивого развития.

4. Принцип экологической справедливости: утверждается равное распределение между людьми права на экологическую безопасность; при этом каждому человеку вменяется ответственность за ее сохранение.

5. Принцип предосторожности: в соответствии с этим принципом при разработке политики, которая прямо или косвенно влияет на экологию, следует в первую очередь учитывать наиболее опасный из возможных вариантов развития событий.

6. Принцип общего достояния природных ресурсов: выражает представление о Земле как о целостности, в соответствии с этим принципом люди несут равную ответственность за природные ресурсы [12].

Также как постулаты Б. Коммонера и правила Р. Тейлора, принципы, сформулированные ЮНЕСКО, образуют матрицу экологических коммуникаций, определяя границы выхода за пределы допустимого не только в отношении природы и ее объектов, но и человека как части природы. Непосредственное понимание специфики экологических коммуникаций начинает формироваться одновременно с идеями экологической этики. Поскольку это был период господства постмодернизма, внутри которого сложились отличающиеся от традиционного подхода взгляды на образование, то целесообразно обратиться к мыслям одного из представителей постмодернизма — французского философа, теоретика культуры и историка М. Фуко. Идеи М. Фуко представляют особый интерес в связи с анализом возможностей совмещения каналов политической и экологической коммуникации. В 1977/1978 учебном году он прочел курс лекций в Коллеж де Франс, который вместе с прочитанным позже курсом

«Рождение биополитики» выступили фрагментами диптиха, получившего выражение в книге «Безопасность, территория, население» [8]. Осевым моментом изложения точки зрения автора служит введенное М. Фуко в 1976 году понятие «биовласть». Задача исследователя видится в том, чтобы выявить путь развития этой власти над жизнью. Ее возникновение М. Фуко считает одним из самых главных событий в истории человечества, так как, по его убеждению, данное понятие и соответствующие ему практики оказали наиболее сильное влияние на трансформацию способа человеческого существования, вызвав рождение *homo oeconomicus* (лат. — человек экономический, человек рациональный), парадигма которого была представлена еще у британского философа, экономиста, социолога XIX столетия Дж. С. Милля; гражданского общества; а также отвечающей им либеральной модели управления. Согласно позиции М. Фуко, такое управление, как бы ни казалось парадоксальным, сочетает принцип самоограничения власти и постоянное вмешательство власти в целях произвести, приумножить и гарантировать свободы, в которых нуждается либеральная система.

Постольку поскольку либеральная модель управления стала господствующей в продвижении глобальных потоков, то смыслы этого управления проникли и в понимание условий возникновения и определения рамок экологических коммуникаций, выступающих также в качестве компоненты глобальных потоков. Более четкое формулирование этих рамок мы наблюдаем уже в XXI веке. Это, несомненно, вызвано тем, что новые экологические риски и вызовы, например, изменения климата, поставили под угрозу дальнейшее существование человечества [7].

По мнению Р. Дж. Кокса, бывшего президента Сьера Клуб (англ. *Sierra Club*), преподающего курсы риторики и коммуникации в Университете Северной Каролины, понятие «экологическая коммуникация» опирается на три базовых принципа:

1) человеческая коммуникация есть форма символического акта;

2) убеждения, отношения, поведение людей, касающиеся природы и проблем экологии, установлены коммуникацией;

3) публичная сфера является полем функционирования и развития экоммуникативного дискурса [11].

Р. Дж. Кокс выделяет следующие семь основных областей изучения и практики экологической коммуникации: экологическая риторика и дискурс; средства массовой информации и экологическая журналистика; участие общественности в принятии экологических решений; социальный маркетинг и информационно-пропагандистские кампании; экологическое сотрудничество и разрешение конфликтов; коммуникация о рисках; представления о природе в популярной культуре и «зеленом» маркетинге [11, с. 18].

Несмотря на то, что среди отмеченных областей мы не встречаем области образования, она в экологических коммуникациях присутствует не только как исходная платформа выработки экологических знаний и основ экологического поведения обучающихся, но и как пространство, на котором для молодого человека разворачивается возможность обозначить свою общественную позицию. Достаточно упомянуть шведскую школьницу, экоактивистку Грету Тунберг и ее молодую германскую оппонентку Наоми Зайбт [3]. Кроме того, открываются возможности участия молодых людей в принятии экологических решений, в частности, через участие в эковолонтерском движении. В Москве молодые эковолонтеры в 2020 году стали участниками акции «Чистый парк», фестиваля Zero Waste, волонтерской ночи в экоцентре «Сборка», а также присоединялись к празднованию Всемирного дня чистоты 18 сентября и другим мероприятиям.

На то, что экологические коммуникации на самом деле пронизывают учебный процесс на всех ступенях образования обращено внимание и в документах ЮНЕСКО. В частности, разработана и действует стратегия ЮНЕСКО «Образование в целях устойчивого развития» (ОУР), согласно которой само образование стало пониматься как важнейший фактор общественных перемен. Всемирная конференция ЮНЕСКО по образованию в интересах устойчивого развития, состоявшаяся 10–12 ноября 2014 г. в префектуре Айти города Нагоя (Япония), завершила Десятилетие образования в интересах устойчивого развития ООН (2005–2014 гг.). Итогом

этой конференции стала Айти-Нагойская декларация по ОУР и План осуществления Глобальной программы действий в области ОУР.

Далее на 37-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была одобрена Глобальная программа действий (ГПД) в области ОУР на период после 2015 года. В ней подчеркивается, что образование должно измениться таким образом, чтобы каждому человеку были доступны знания, навыки, ценности, расширяющие его права и возможности для внесения вклада в устойчивое развитие и осуществления действий во имя обеспечения сохранности природной среды, экологизации экономики и формирования справедливого общества.

ГПД призвана мобилизовать усилия государств в сфере ОУР по следующим пяти приоритетным направлениям:

- 1) интеграция ОУР в международную и национальную политику в области образования и устойчивого развития;
- 2) преобразование обучающей среды с учетом принципов ОУР;
- 3) укрепление потенциала преподавателей всех уровней обучения;
- 4) усиление роли молодежи в деле достижения устойчивого развития посредством ОУР;
- 5) поиск решений в области устойчивого развития на местном уровне через ОУР.

В первую очередь отметим, что эти направления совпадают с векторами экологических коммуникаций студенческой молодежи, вводят их в одно коммуникативное пространство с преподавателями, а также локализуют эти коммуникации на местном уровне, позволяя находить и решать конкретные экологические проблемы там, где они обучаются. Не случайно в рамках ОУР выработана «Локальная (местная) Повестка-21», где в гл. 28 содержится призыв к местным администрациям разрабатывать собственные программы действий по переходу к устойчивому развитию. Это можно рассматривать в качестве нового педагогического подхода, который предполагает выход студентов и преподавателей за аудиторные рамки и участие в широком социальном партнерстве. «Локальная (местная) Повестка-21» выдвигает абсолютно новые требования к системе высшего образования в целом и к экологическому образованию студентов, в част-

ности. Новации состоят в: акценте на субъектности участников образования; повышении практической ориентированности обучения на базе комплекса специально разработанных педагогических технологий; существенном расширении поля деятельности за счет развития социального сотрудничества и углубления межкультурных коммуникаций.

Перечисленные выше положения ГПД приобретают большую значимость в связи с рядом новых тенденций в высшем образовании. С одной стороны, наблюдается расширение его доступности, вводятся новые формы дистанционного обучения. Но, с другой стороны, нельзя не видеть падения интереса школьников к продолжению обучения в высшей школе сразу же после окончания средней. Молодой человек понимает, что он может войти более подготовленным в университетскую аудиторию, уже имея и профессиональные знания и навыки, и соответствующий трудовой опыт. Это делает процесс его обучения в вузе более осознанным. Здесь важно обращать внимание не только на то, что осознанность есть выражение более высокого уровня экологичного отношения человека к самому себе, но она также отражает экологически обоснованный взгляд на мир. А наличие экологической культуры в современных реалиях представляет собой важнейшее условие самосохранения человека и устойчивого развития цивилизации.

В Ханты-Мансийских рекомендациях по реализации ГПД по образованию в интересах устойчивого развития подчеркивается необходимость учитывать «основные тренды и форсайты современного образования (онлайн-обучение и др.) с точки зрения целей и задач ОУР... способствовать распространению лучших педагогических практик по реализации программ развития образовательных организаций, реализации сетевого сотрудничества с учетом принципов устойчивого развития в партнерстве с ведущими российскими и зарубежными организациями» [9].

Еще одним из значимых документов ЮНЕСКО, где выделяется мысль о ценности экологических коммуникаций в образовании, является Инчхонская декларация об образовании, принятая 15 мая 2015 г. на Всемирном форуме по вопросам образования в городе Инчхон,

Южная Корея. Эта декларация стала логическим продолжением стратегии «Образование для всех» (ОДВ).

Связующим звеном между политическими и экологическими коммуникациями, исключительно важными для их продвижения в высшей школе, а также для привития студентам интереса к самообразованию и саморазвитию следует считать лингвистическую коммуникацию. Сам процесс образования изначально строился как преимущественно вербализированный. И сейчас, несмотря на расширение возможностей невербальных форм трансляции знаний, речь остается главным инструментом педагога и не менее значимым средством коммуникации обучающихся.

В связи с тем, что экологические смыслы все более активно проникают во все сферы жизнедеятельности современного человека, в сопряжении экологии и лингвистической коммуникации возникло новое научное направление — эколингвистика. Задачей эколингвистики стало выявление законов, принципов и правил, которые являются общими как для экологии, так и для развития языка, а также выяснение возможностей и определение роли языка при решении проблем окружающей среды. Любопытно, что данная ветвь лингвистики возникает примерно тогда же, когда и формируются подходы к изучению экологической этики. Исследователи указывают на знаковый для этого направления доклад «Экология языка» американского лингвиста Э. Хаугена, с которым он выступил в 1970 году [13]. В докладе Э. Хауген говорил, что языки, как и различные виды животных и растений, находятся в состоянии равновесия, они конкурируют друг с другом, а само их существование зависит друг от друга, как внутри государства и других социальных групп, так и в сознании человека, который владеет несколькими языками.

Немецкий лингвист и культуролог Х. Хаарманн, который имеет опыт преподавания в Гамбургском, Боннском, Коимбрском и Бангорском университетах, выделяет семь экологических переменных, которые определяют языковое поведение современного человека: демографические, социальные, политические, культурные, психические, интеракционные и лингвистические [14]. Некоторые из

отмеченных Х. Хаарманном экологических переменных прямо указывают на связь экологии, лингвистики и политики, в частности: демографические, социальные, политические, культурные. Другие три переменные (психические, интеракционные и лингвистические) могут говорить об этой взаимосвязи косвенно. Например, собственно лингвистические переменные могут проявляться в таком аспекте лингвоэкологии, как транслингвальный. Он обнаруживается при использовании в культуре, художественной литературе, фольклоре, публицистике, а также в общественно-политической лексике единиц, средств, реалий одного языка, одной культуры в контексте и средствами другого языка, который принадлежит другой культуре. В частности, мы постоянно используем название международной независимой неправительственной экологической организации, созданной в 1971 году в Канаде, «*Greenpeace*», означающее «зеленый мир» в варианте транслитерации «Гринпис», а не в переводе на русский язык или прямого применения ее английского названия. Это же относится к аббревиатурам названий экологических организаций. Так, организацию *People for the Ethical Treatment of Animals* (PETA) — «Люди за этическое отношение к животным», часто осуждаемую за экологический терроризм, мы в русскоязычном пространстве также упоминаем в англоязычном варианте.

Психические и интеракционные переменные уже давно обнаруживали себя в метафорическом плане. Один из самых известных примеров относится к студентам Императорского училища правоведения, располагавшегося с 1835 по 1918 годы в Санкт-Петербурге на набережной Фонтанки в доме № 6. Они носили мундиры зеленого цвета, имевшие желтые петлицы и обшлага. Зимой у студентов шинели тех же цветов дополнялись шапками из пыжика. Как гласит популярная петербургская легенда, именно за такую расцветку обмундирования, которая напоминала оперение чижа, и за традиционные пыжиковые шапки студентов училища правоведения прозвали «чижиками-пыжиками», сочинив о них известную песенку.

Другой яркий пример метафорического обращения к экологии связан с прозвищем

исключительно усердных школьников или студентов «ботаник». Есть несколько версий происхождения этого прозвища, которые, несмотря на свои различия, экологически детерминированы. Первая относится к персонажу книги американского детского писателя Доктора Сьюза «Если бы я управлял зоопарком» (оригинальное название «Если я доберусь до зоопарка»), написанной в 1950 году. В этой книге один из персонажей — заумный и занудный старик, назывался «нердом» (англ. *nerd*), что в переводе означает «ботаник». С того времени в американской подростковой среде это прозвище закрепилось за сверстниками, глубоко погруженными в умственную деятельность в ущерб другим занятиям. Со временем сложился стереотип внешности типичного «нерда»: просторные штаны, толстая клетчатая рубашка, застегивающиеся карманы, очки на тесемке. В 2000-х годах это прозвище появилось и в русском языке. Однако и без американского влияния в Советском Союзе у школьников и студентов в ходу была схожая по экологической направленности метафора — «ботаник». Ее возникновение зафиксировано в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Происхождение метафоры объясняется тем, что воспитатели, как правило, распределяли общественные поручения с учетом интересов учеников. В результате тихим и вдумчивым учащимся доставался уход за живым уголком и полив цветов. Так они и получали прозвище «ботаник». И это никак не связано с ботанами, фантастической расой инопланетян из вселенной Звездных Войн.

Не все экологические метафоры безопасны. Для описания борьбы с разбушевавшейся стихией природы часто используют военную метафору, в которой есть свои окраски для наименования противника, видов вооружения, расположения сил. К метафорам надо подходить очень осторожно, поскольку несмотря на кажущуюся многозначность, они бывают прямолинейными, а потому не оставляют человеку выбора. В применении военной метафоры к экологии четко расставляются позиции «свои» и «чужие», что может вести от борьбы против природных бедствий к войне против природы. Безусловно, военная метафора гораздо чаще относится к наименованию явле-

ний политического мира. Поэтому необходимо в экологической лингвистике, с присущими ей природными образами, отражающими покой, порядок, умиротворение, находить источники для придания большей гармонии политической лексике, что должно усиливать толерантность политического дискурса, а также влиять на течение экополитического процесса.

Отмеченные выше особенности экологических коммуникаций позволяют, во-первых, говорить об их широте, возможности включения в коммуникационный процесс в вузе не только преподавателей и студентов, но и представителей местных сообществ, предприятий и общественных организаций. Во-вторых, экологические коммуникации можно рассматривать как инструмент интегрального подхода в образовании и средство развития межпредметных связей благодаря тому, что почти в каждой дисциплине можно увидеть ее экологический бэкграунд [6]. В-третьих, благодаря участию студенчества в экологических инициативах, а также более широкой погруженности в экологические коммуникации у них появляется интерес не только к защите окружающей среды, поддержанию экологической безопасности, но и к политической составляющей этого процесса. В частности, они могут понять отстаивать экологические права в структурах парламентского типа, например, молодежных парламентах, принимать участие в общественных слушаниях местного масштаба по экологическим проблемам. Известно, что экологическое волонтерство приводит многих участников этих действий к пониманию важности политического отстаивания этой проблематики внутри какой-либо политической партии. Так, на парламентских выборах 2021 года в Российской Федерации в состав кандидатов в депутаты Государственной Думы от многих политических партий вошли экологические волонтеры.

Безусловно, наибольшие возможности для развития экологических коммуникаций в вузе создает учебный процесс. В последние годы в высшем образовании сформировались новые направления подготовки, отражающие потребность современного мира, а еще более мира будущего в экологически квалифицированных специалистах. Также экологическая тематика прочно вошла в содержание многих

дисциплин. Например, в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ) имеется энерго-экологический факультет (ЭЭФ), а большинство дисциплин, читаемых преподавателями кафедры социологии и управления, включают в свое содержание экологические темы. Можно обратиться к проблематике курса «Корпоративная социальная ответственность», в котором анализируются принципы экологического менеджмента и перспективы перехода к «зеленой экономике». Также в курсе «Основы кадровой безопасности» важнейшей частью выступают проблемы экологической безопасности. Данная тематика поднимается в различных формах учебной работы, лекциях, кейс-стади, деловых играх и учебных квизах.

Опыт преподавателей российской высшей школы позволяет утверждать, что практически не осталось учебных предметов, содержательная сторона которых не позволяла бы использовать учебные занятия для продвижения по каналам экологических коммуникаций. Огромные возможности такой работы открываются при изучении иностранных языков. Это объясняется соединением экологических и лингвистических коммуникативных процессов, о чем говорилось выше [1]. Студенты выделяют изучение литературы на иностранных языках по вопросам экологической культуры и непосредственно само изучение иностранных языков в качестве значимых факторов, играющих определяющую роль в формировании их индивидуальной экологической культуры, рассматривая эти направления экологических коммуникаций как компонент межкультурного общения.

В настоящее время все большее число учащихся вузов может привлекаться к участию в реализации международных экологических проектов, а абсолютно все желающие — в локальных экологических акциях в своем высшем учебном заведении и в местном сообще-

стве. Все более насыщенным становится экологический туризм, в который вовлечены студенты. Например, с 16 по 27 сентября 2013 г. в Краснодарском крае проходили мероприятия в рамках проекта «Студенческий экологический туризм», в которых приняли участие 32 студента Российского государственного социального университета (РГСУ) из Москвы, Клина, Дедовска, Майкопа и Сочи. Организаторами этого проекта выступили Научно-педагогический центр «Семья, гендер, демография» и Национальный общественный комитет «Российская семья». Туристическое направление экологических коммуникаций можно рассматривать и как средство военно-патриотического воспитания, которое помогает формировать чувство сопричастности великим подвигам предков, развивать интерес у студентов к поисковой деятельности.

Особенностью экологических коммуникаций является их трансграничность. Проблемы природы имеют глобальный характер. Решать их можно только всеобщими усилиями. Поэтому в экологических коммуникациях присутствует международный, интернациональный компонент. Благодаря экологической информации, получаемой во время аудиторных занятий, а также выполняя самостоятельные работы, обучающиеся знакомятся не только с экологическими традициями различных стран, но и с культурой и историей государств и народов.

Таким образом, экологическое образование, выступающее частью экологического просвещения, открывает простор для создания в высших учебных заведениях самой широкой сети экологических коммуникаций. Они служат тому, чтобы студенты не только получали отвечающее современным потребностям образование, но и формировали потребности включения в социальную жизнь с целью решать сложные экологические проблемы, что является важной предпосылкой для погружения молодых людей в политические коммуникации.

Список источников

[1] Андрюхина Л. М., Фадеева Н. Ю., Де Негри Ж. Развитие экологической культуры студентов в процессе межкультурной коммуникации на иностранном языке // Образование и наука. — 2017. — Т. 19. — № 8. — С. 47–74.

[2] Вразнова М. Н., Терновая Л. О. Междисциплинарный подход в преподавании проблем управления персоналом : учеб. пособие. — М. : Этносоциум, 2020. — 188 с.

- [3] Гольдин Г. Г., Терновая Л. О. Неоспоримость климатических прав человечества и спорный характер дискуссии по ним // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2020. — № 4 (59). — С. 34–40.
- [4] Киященко Л. П. Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. — М. : ИФ РАН, 2005. — С. 29–53.
- [5] Коммонер Б. Замыкающийся круг. — М. : Гидрометеиздат, 1974. — 280 с.
- [6] Лезина О. В., Терновая Л. О. Интегральная парадигма образования и его перспективы в постковидном мире // Этносоциум и межнациональная культура. — 2021. — № 2 (152). — С. 42–49.
- [7] Терновая Л. О., Гольдин Г. Г., Антипенков А. А. Экологическая безопасность: правовые основы и геополитические ограничения. — М. : Город XXI век, 2017. — 276 с.
- [8] Фуко М. Безопасность, территория, население. — СПб. : Наука. Ленинградское отделение, 2011. — 544 с.
- [9] Ханты-Мансийские рекомендации по реализации Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития. Международная конференция по образованию в интересах устойчивого развития (Ханты-Мансийск, 8–11 июня 2015 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://russianunesco.ru/uploads/2015/08/10/Recommendations2015_RUS.pdf
- [10] Швейцер А. Культура и этика. — М. : Прогресс, 1973. — 343 с.
- [11] Cox R. J. Environmental Communication and the Public Sphere. — California : Sage Publications Inc., 2010. — 448 p.
- [12] Environmental Ethics: Policy document. Draft, December 2004 [Electronic resource]. — URL: http://portal.unesco.org/shs/en/ev.phpurl_id=7561&url_do=do_topic&url
- [13] Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. — Stanford : Stanford University Press, 1972. — 366 p.
- [14] Haarmann H. Multilingualismus 2. Elemente einer Sprachökologie. — Tübingen : Narr, 1980. — 300 p.
- [15] Taylor P. W. Respect for Nature: a Theory of Environmental Ethics. — New York : Princeton University Press, 1986. — 360 p.

References

- [1] Andryukhina L. M., Fadeeva N. Yu., De Negri J. Razvitie e`kologicheskoy kul`tury` studentov v processe mezhkul`turnoj kommunikacii na inostrannom yazy`ke [Development of the Ecological Culture of Students in the Process of Intercultural Communication in a Foreign Language] // Obrazovanie i nauka [Education and Science]. — 2017. — T. 19. — No. 8. — Pp. 47–74.
- [2] Vrazhnova M. N., Ternovaya L. O. Mezhdisciplinarny`j podxod v prepodavanii problem upravleniya personalom : ucheb. posobie [Interdisciplinary Approach in Teaching the Problems of Personnel Management : a tutorial]. — Moscow : Ethnosocium, 2020. — 188 p.
- [3] Gol'din G. G., Ternovaya L. O. Neosporimost` klimaticheskix prav chelovechestva i sporny`j xarakter diskussii po nim [The Indisputability of the Climatic Rights of Mankind and the Controversial Nature of the Discussion on Them] // Ucheny`e trudy` Rossijskoj akademii advokatury` i notariata [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries]. — 2020. — No. 4 (59). — Pp. 34–40.
- [4] Kiyashchenko L. P. E`tos postneklassicheskoy nauki (k postanovke problemy`) [Ethos of Post-Nonclassical Science (to the Problem Statement)] // Filosofiya nauki. Vy`p. 11: E`tos nauki na rubezhe vekov [Philosophy of Science. Issue 11: Ethos of Science at the Turn of the Century]. — Moscow : IP RAS, 2005. — Pp. 29–53.
- [5] Commoner B. Zamy`kayushhiysya krug [The Closing Circle]. — Moscow : Gidrometeoizdat, 1974. — 280 p.
- [6] Lezina O. V., Ternovaya L. O. Integral`naya paradigma obrazovaniya i ego perspektivy` v postkovidnom mire [Integral Paradigm of Education and Its Prospects in the Post-Covid World] // E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura [Ethnosocium and Interethnic Culture]. — 2021. — No. 2 (152). — Pp. 42–49.
- [7] Ternovaya L. O., Gol'din G. G., Antipenkov A. A. E`kologicheskaya bezopasnost`: pravovy`e osnovy` i geopoliticheskie ogranicheniya [Environmental Security: Legal Foundations and Geopolitical Restrictions]. — Moscow : City XXI century, 2017. — 276 p.
- [8] Foucault M. Bezopasnost`, territoriya, naselenie [Safety, Territory, Population]. — Saint Petersburg : The science. Leningrad branch, 2011. — 544 p.
- [9] Xanty`-Mansijskie rekomendacii po realizacii Global`noj programmy` dejstvij po obrazovaniyu v interesax ustojchivogo razvitiya. Mezhdunarodnaya konferenciya po obrazovaniyu v interesax ustojchivogo razvitiya (Xanty`-Mansijsk, 8–11 iyunya 2015 g.) [Khanty-Mansiysk recommendations for the implementation of the Global Program of Action on Education for Sustainable Development. International Conference on Education for Sustainable Development (Khanty-Mansiysk, June 8–11, 2015)] [Electronic resource]. — URL: http://russianunesco.ru/uploads/2015/08/10/Recommendations2015_RUS.pdf

- [10] *Schweitzer A.* Kul`tura i e`tika [Culture and Ethics]. — Moscow : Progress, 1973. — 343 p.
- [11] *Cox R. J.* Environmental Communication and the Public Sphere. — California : Sage Publications Inc., 2010. — 448 p.
- [12] Environmental Ethics: Policy document. Draft, December 2004 [Electronic resource]. — URL: http://portal.unesco.org/shs/en/ev.phpurl_id=7561&url_do=do_topic&url
- [13] *Haugen E.* The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. — Stanford : Stanford University Press, 1972. — 366 p.
- [14] *Haarmann H.* Multilingualismus 2. Elemente einer Sprachökologie. — Tübingen : Narr, 1980. — 300 p.
- [15] *Taylor P. W.* Respect for Nature: a Theory of Environmental Ethics. — New York : Princeton University Press, 1986. — 360 p.

Информация об авторах

T. A. Миронова — старший преподаватель кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Mironova — Senior Lecturer at the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 18.11.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 18.11.2021; accepted for publication 20.12.2021.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

ETHNOSOCIOLOGY

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 125–132
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 125–132

Научная статья

УДК 394(470.57):93

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-125-132

ФРАНЦУЗСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФРЕДЕРИК ЛЕПЛЕ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ЭТНОСОЦИОЛОГИИ БАШКИР

Рушан Рахимзянович Галлямов^{1✉}, Игорь Вильсович Кучумов²

¹Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Уфа, Россия, gal-rushan@yandex.ru✉

²Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, ivku@yandex.ru

Аннотация. Предметом статьи является предпринятый французским социологом Фредериком Лепле (1806–1882) анализ состояния башкирской патриархальной семьи как представительной части башкирского общества в середине XIX века. Объектом исследования выступает его монографическое исследование на эту тему. Цель статьи заключается в определении методов, которые Ф. Лепле применил для изучения быта, хозяйства и материальной культуры башкир, анализе выявленных им фактов и сделанных выводов. Исходящие из цели задачи основываются на изучении особенностей исследовательской методики автора, эмпирического материала, выявлении оригинальных выводов относительно системы жизнеобеспечения большой башкирской семьи в XIX веке как структурного элемента башкирского общества. В статье показана необходимость использования в отечественной науке примененных автором методов качественного социологического анализа. Впервые дан критический анализ неизвестной ранее в российской историографии работы, оценены ее достоинства и недостатки, возможности использования в этносоциологии и антропологии башкир.

Ключевые слова: этносоциология, башкиры, Фредерик Лепле, этнография, материальная культура, экономика, семья, ислам, здравоохранение, социологические методы

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья» № AAAA-A21-121012290085-3.

Для цитирования: Галлямов Р. Р., Кучумов И. В. Французский исследователь Фредерик Лепле как основоположник этносоциологии башкир // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 125–132. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-125-132>.

FRENCH RESEARCHER FRÉDÉRIC LE PLAY AS THE FOUNDER OF SOCIOLOGY OF BASHKIR RACE

Rushan Rakhimzianovich Gallyamov^{1✉}, Igor Vilsovich Kuchumov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch), Ufa, Russia, gal-rushan@yandex.ru ✉

²R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, ivku@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the analysis of the state of the Bashkir patriarchal family as a representative part of Bashkir society in the middle of the 19th century, undertaken by the French sociologist Frédéric Le Play (1806–1882). The object of the research is his monographic study on this topic. The aim of the article is to determine the methods, which Le Play applied for studying the everyday life, economy and material culture of the Bashkirs, to analyze the facts, which he revealed and the conclusions he drew. The tasks proceeding from this goal are based on studying the features of the author's research methodology, empirical material, identifying original conclusions regarding the life support system of a large Bashkir family in the 19th century as a structural element of Bashkir society. The article shows the necessity of using methods of qualitative sociological analysis, applied by the author, in the domestic science. For the first time, a critical analysis of a previously unknown in the Russian historiography is given, its advantages and disadvantages are appreciated, as well as the possibilities of its use in the sociology of race and ethnic relations and anthropology of the Bashkirs.

Keywords: sociology of race and ethnic relations, Bashkirs, Frédéric Le Play, ethnography, material culture, economics, family, Islam, health care, sociological methods

Funding: Research completed within the framework of the state assignment of the IER UFRC RAS "Social foundations of ethno-political processes in the republics of the Ural-Volga region" No. AAAA-A21-121012290085-3.

For citation: Gallyamov R., Kuchumov I. French researcher Frédéric Le Play as the founder of sociology of Bashkir race // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 125–132. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-125-132>.

Творчество французского организатора производства и горного инженера, приобретшего в ходе своей деятельности во второй половине XIX в. широкую известность в качестве выдающегося экономиста, статистика и ученого в области изучения общественных отношений Фредерика Пьера Гийома Лепле (фр. *Pierre Guillaume Frédéric Le Play*; 1806–1882; в русской литературе его имя пишут по-разному), обладает несколькими особенностями.

Во-первых, француз по происхождению, Ф. Лепле значительную часть своей жизни проработал по различным контрактам на территории Российской империи, специализируясь на расчетах эффективной организации горного производства на Урале и угледобычи в Малороссии, а поэтому научными исследованиями в области изучения общества, выступая в большинстве из них новатором, занимался в качестве увлечения, или своего рода хобби.

Во-вторых, благодаря основательной инженерной подготовке, владению различными

методиками расчетов, ему удалось внести существенный рациональный элемент в анализ социальных процессов, которые до середины XIX в. были, по преимуществу, предметом различных направлений схоластического философствования. Как известно, именно последняя специфическая черта общественно-научной эпохи стала важным фактором, позволившем общепризнанному основоположнику социологической науки, современнику и соотечественнику Ф. Лепле Огюсту Конту предложить для изучения общества «позитивные методы», основанные на конкретных расчетах и объявляющие главной задачей общественных наук описание, систематизацию и классификацию конкретных результатов и выводов научного познания.

В-третьих, парадоксально, но факт, что, используя методику конкретных исчислений, Ф. Лепле стал фактически первооткрывателем не только самой социологии, но и ряда ее отраслей, в том числе этнической и экономической отраслей социологической науки.

В-четвертых, изучая, за пределами исполнения своих прямых профессиональных обязанностей, жизнь и быт населения российских регионов, он, совершенно не ангажированный в отношении различных культур, смог создать непревзойденный до сих пор статистический образ отдельных социально-культурных сообществ Российской империи.

В целом творчеству Ф. Лепле, которое имеет общемировое значение, посвящено и в отечественной, и в зарубежной литературе значительное число публикаций. Отдельные авторы еще при жизни ученого и вскоре после смерти называли его метод поиска путей разрешения социальных противоречий «леплезианством», или «Школой леплезианской социологии» [1]. Примечательно, что в России последователями методики социального анализа Ф. Лепле стала целая плеяда известных ученых и политиков, имеющих широкую известность и не всегда однозначную репутацию в общественном мнении (К. П. Победоносцев, М. И. Туган-Барановский и др.) [10].

Поэтому неудивительно, что в советское время и даже сегодня исследование творчества Ф. Лепле в отечественной науке (в отличие от обширного зарубежного леплеведения) было ограничено буквально несколькими статьями. Весьма показательно в этом смысле, что даже в классической отечественной монографии [2] и основанном на ней учебном пособии по этносоциологии [3] первой западной работой в этой области науки названа книга У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», которая, как утверждают авторы, «положила начало этнической социологии». Тем самым были проигнорированы этносоциологические исследования Ф. Лепле о башкирах и других социально-культурных сообществах России и Европы, изданные более чем за полвека до упомянутой книги.

Нельзя не отметить, что в последние годы интерес к работам Ф. Лепле начал постепенно возрождаться. К отдельным трудам этого ученого, которого мы считаем основоположником этносоциологической науки, проявляют интерес уральские [1], в том числе башкортостанские авторы [6]. К сожалению, именно этносоциологические сюжеты работ Ф. Лепле, в том числе касающиеся башкир, до сих пор не анализиро-

вались с учетом полученных за последние полтора века данных и разработанных к настоящему времени научных социологических концепций. Несмотря на ограниченный объем настоящей статьи, авторы предпринимают попытку частично ликвидировать сформировавшийся в этом смысле пробел и охарактеризовать Ф. Лепле как одного из основоположников как этносоциологии в целом, так и соответствующего научного изучения башкир.

В своем главном труде «Европейские рабочие» («*Les ouvriers européens*», 1855; 2-е изд., 1877–1879), состоящем из глав, которые автор называет «монографиями», Ф. Лепле осуществил, среди прочего, скрупулезное, в основном статистическое, описание традиционного хозяйства, быта и материальной культуры башкир середины XIX в., которое по глубине описания проблемы и тщательности отбора и фиксации научных фактов остается непревзойденным в башкирской науке и на сегодняшний день. Навыки использования этой методики Ф. Лепле получил в годы учебы в Горной школе Парижа (фр. *École nationale supérieure des mines de Paris*), студенты которой должны были совершить полевой выезд длительностью 140 дней [12] в конкретный европейский регион и проанализировать его техническое и социально-экономическое развитие, фиксируя свои наблюдения в дневник, на основе которого затем написать монографическое исследование [13].

Одним из главных достижений его исследования выступает великолепная эмпирическая база, полученная автором, как принято называть в социологии, методом «включенного наблюдения». Дело в том, что если многие отечественные предшественники Ф. Лепле, изучавшие народы России, ограничивались главным образом описательным методом, то он, как последователь функционалистского направления социологической науки, очень четко и подробно описал многие цифровые характеристики изучаемых общественных явлений. В этом смысле проведенный автором анализ башкирского сообщества сочетает в себе позитивные черты «полевого исследования» (англ. *field research*) и метода «анализ случая» (англ. *case study*) [14]. В целом анализ используемых Ф. Лепле методик исследования показывает,

что он был не только пионером этносоциологии как таковой, но и основоположником приобретающих в последние десятилетия все большую популярность качественных методик изучения социума, несмотря на продолжительное доминирование в зарубежной, и особенно в отечественной науке, количественных социологических методов. Этот факт творчества Ф. Лепле признают даже наиболее известные современные приверженцы качественных методик социологического исследования [5].

Возвращаясь с Урала на родину, Ф. Лепле, двигаясь по дороге из Екатеринбурга в Троицк, 7 сентября 1853 г. специально заехал в башкирский аул, который он в своей книге называет Мошме. На основании материалов IX Всероссийской ревизии 1850 г. уфимский историк Ш. Н. Исянгулов сумел посредством атрибутирования упомянутых французским автором имен жителей деревни установить ее название — Мухаметово (ныне поселок в составе Карабашского городского округа Челябинской области) [6]. Ф. Лепле пробыл в ней несколько дней и еще до 13 сентября [9] продолжил свой путь на запад (умением собирать в кратчайшие сроки значительный объем эмпирического материала ученый овладел в годы учебы в Горной школе Парижа [12]).

Для понимания образа жизни башкирской семьи Ф. Лепле, в соответствии с принятыми в XIX веке традициями описания человеческих сообществ, анализирует физическую среду, способы производства, трудовые отношения, формы собственности, семейные связи, социальное обеспечение, условия труда, соотношение доходов и потребления (рассчитывается на основе анализа расходов семьи) и т.д. [13] Он начинает свой очерк о башкирах с характеристики геолого-минералогических, хозяйственных и демографических условий, в которых они проживали. Этот подраздел автор назвал «Состояние почвы, промышленности и населения». Присутствующие здесь и далее в тексте этнографические пассажи автора часто носят умозрительный характер и основываются на распространенных в то время у западноевропейского и отечественного обывателя представлениях и стереотипах. Такими заявлениями являются, например, восходящие к популярным в XVIII веке рассуждениям о «бла-

городном дикаре» слова Ф. Лепле о человеколюбивых, бескорыстных и гостеприимных местных жителях. К такого же рода выводам можно отнести весьма спорное этнографическое по своей сути рассуждение французского ученого о том, что кочевой уклад жизни башкир делает их «не склонными к накоплению богатства», а «владение огромными территориями на правах общей собственности и соответствующая семейная организация являются надежным препятствием появления той степени бедности, которую мы часто можем наблюдать на Западе» [7]. Таким образом, в самом начале своей работы Ф. Лепле демонстрирует тот факт, что он не обладал какими-либо этнографическими знаниями о башкирах (которые к этому времени в русской литературе уже имелись), больше опираясь на доминировавшие на Западе клише о кочевых народах.

Основную часть своего очерка о башкирах Ф. Лепле начинает с характеристики общей эмпирической базы исследования, сообщая читателю, что его статистические расчеты основываются на материалах изучения 17 выделенных им домохозяйств. В то же время, большинство произведенных исчислений, в том числе о составе семьи, ее хозяйстве, родственных отношениях и других аспектах, автор производит на материалах одной семьи, возглавляемой неким Курама-Танжибеем (Ш. Н. Исянгулов установил, что речь шла о Кураме Тансыкбаеве). Тем самым, наряду с искусным использованием анализа статистических данных, исследователь осуществляет довольно глубокое исследование посредством качественной методики, опираясь на информацию, собранную им в одной большой башкирской патриархальной семье, типичной, по мнению Ф. Лепле, для кочевников Востока, русских крестьян и славян Центральной Европы [14].

В подразделах, посвященных «гражданскому состоянию семьи», а также «религии и нравственным предпочтениям», Ф. Лепле ограничивается довольно поверхностной и субъективной характеристикой семейных отношений и материальной основы функционирования этого социального института у башкир («главным пороком местного населения является неискоренимая естественная склонность к некоей, свойственной скотоводам, самоуспоко-

енности и расслабленности. Пределом желаний для работающей семьи является приобретение восьми или десяти кобыл, владея которыми, она сможет самоустраниться от какой бы то ни было земледельческой работы... склонность башкир к лени...» и т.д.). При этом он довольно точно описывает количественный состав большой семьи и ее структурных подразделений в ту эпоху. Именно это соотношение членов большой башкирской семьи фиксирует на архивных материалах современный исследователь А. З. Асфандияров [4].

Весьма представительным является и описание Ф. Лепле уровня и глубины исламской религиозности среди широких слоев башкирского общества, которой, как отмечает автор, большинство местных жителей «пренебрегают или открыто нарушают». Достаточно точно исследователь подметил то, что степень религиозности у башкир выступает одним из индикаторов благосостояния, социальной статусности и своеобразной аристократичности. Это подтверждается наблюдениями и других авторов, в том числе соотечественников Ф. Лепле [7].

Характеризуя охрану здоровья, гигиену и статус семьи, Ф. Лепле, наряду с изложением определенных, но очень важных для той эпохи фактов, вновь воспроизводит умозрительные размышления об отличном здоровье, высокой продолжительности жизни изученных им башкир, хотя признает полное отсутствие у них системы здравоохранения, замененной целителями и мусульманскими священнослужителями — муллами. Выводы Ф. Лепле о состоянии здоровья членов башкирской семьи полностью противоречат результатам специальных санитарно-гигиенических исследований башкир русскими медиками более позднего времени [11].

На наш взгляд, в отличие от выше проанализированных сюжетов, наибольшей ценностью для науки обладают те разделы «монографии» Ф. Лепле, в которых он с чрезвычайной дотошностью описывает собственность семьи, с выделением в ней движимого и недвижимого имущества, оцененного как в единицах измерения, так и в денежном эквиваленте. Подробнейшие расчеты автора имеют уникальный характер и радикально отличают его работу не только от произведений современников

и потомков, но и от данных официальной фискальной статистики того и последующего времени. Например, автору удалось подсчитать количество хозяйственной утвари, сельскохозяйственных инструментов, различных видов одежды, белья и обуви, принадлежащих одной семье.

На первый взгляд парадоксальным, но совершенно объяснимым фактом, является, по утверждению Ф. Лепле, отсутствие в исследуемом им хозяйстве наличных денежных средств, хотя автор, судя по всем признакам, изучал довольно состоятельную семью. Скорее всего, ее глава, наблюдая, как француз тщательно подсчитывает каждую бытовую мелочь, принял его за потенциального официального сборщика налогов и намеренно скрыл имеющиеся у него финансовые запасы. Очень показательным в этом смысле является то, что Ф. Лепле, подробно описывая одежду башкирок, совершенно не упоминает об их украшениях и ювелирных изделиях, хорошо известных по этнографическим описаниям. По-видимому, глава семьи заранее приказал женщинам их спрятать. Нам представляется, что, не обнаружив у изучаемой им довольно зажиточной семьи денежных средств, автор сделал неверный вывод об отсутствии у башкир стремления к накоплению денег и неразвитости товарно-денежных отношений, хотя сам же не раз упоминает о многочисленных денежных операциях, осуществляемых этой семьей и башкирами в целом, в частности, при уплате налогов [8]. Естественно, не вызывает сомнений тот факт, что изученная Ф. Лепле семья в социально-классовом значении не отражает всего многообразия башкирского общества того времени и представляет лишь определенную, верхнюю страту социума: подобные семьи имелись во многих башкирских аулах.

Что касается тех разделов «монографии», где Ф. Лепле использует традиционный описательный метод, то приводимые данные в целом не расходятся с аналогичными материалами российских авторов XIX века.

Оригинальным является описание французским исследователем интерьера башкирского жилища, к анализу которого он также применил свои количественные методы. В отличие от современных ему и позднейших

русских авторов, Ф. Лепле не просто описал внутреннее убранство летнего (юрта) и зимнего (изба) типов жилищ, но и зафиксировал количество находящихся в них предметов домашнего обихода.

Новаторскими и чрезвычайно информационными страницами текста «монографии» о башкирах выступают подробные подсчеты о получаемой семьей прибыли как в натуральном, так и в финансовом выражении. Для этого автор, сведя собранные им сведения о материальном благосостоянии и хозяйственной деятельности семьи, в том числе стоимость различных видов трудовой организации в многочисленных таблицы (в русском переводе они составляют почти 28 из 53 страниц текста), привел их финансовый эквивалент во французской валюте — франках. Тем самым Ф. Лепле, в том числе на материалах исследования башкирской семьи, заложил основы целого нового научного направления — экономической социологии. Нельзя не отметить, что столь подробный экономико-статистический анализ башкирского общества был уникальным для мировой науки и остается непревзойденным до сих пор.

Данный аспект творчества выдающегося французского автора представляет собой отдельную и многоплановую проблему и поэтому требует специального анализа.

Завершая свое «монографическое описание организации семьи башкир-скотоводов, ведущих полукочевой образ жизни», Ф. Лепле приводит резюме, где размышляет об общих тенденциях и специфических особенностях хозяйственной деятельности различных социально-культурных сообществ человечества. В этом контексте он, используя собранный им у башкир материал, предпринимает попытку охарактеризовать особенности кочевой цивилизации. Конечно, его выводы не совсем адекватно отражают особенности кочевых обществ, так как в середине XIX в. башкиры уже несколько столетий не являлись полноценными кочевниками, реализуя полукочевую си-

стему хозяйствования и соответствующий образ жизни.

Весьма показательным является то, что в обширном резюме «монографии» Ф. Лепле, наряду с общими рассуждениями об особенностях кочевого хозяйства, содержатся его описания и размышления об организации религиозной иерархии и практике, об институте брака, о гендерных ролях мужчин и женщин в разных возрастных группах. Тем самым Ф. Лепле в очередной раз доказывает социологический характер своего исследования, при этом акцентируя внимание на этнических аспектах функционирования общества. Это, на наш взгляд, подтверждает высказанную нами в начале статьи мысль о том, что Ф. Лепле, несомненно, является основоположником этносоциологии в целом и соответствующего направления в изучении башкир, в частности.

Таким образом, исследование французского ученого о башкирах представляет для современной науки значительную ценность в нескольких смыслах. Во-первых, работа Ф. Лепле имеет эксклюзивный характер с точки зрения собранного фактического материала о жизни и хозяйстве башкирской зажиточной семьи середины XIX в., и в этом отношении является энциклопедией части традиционного башкирского общества. К сожалению, значительный объем собранного ученым фактического материала до сих пор не используется исследователями. Во-вторых, отдавая должное новаторству французского автора, следует отметить, что примененная им для изучения башкир (и номадов в целом) оригинальная методика остается неосвоенной современными учеными. В-третьих, в силу неоднозначного отношения в российском обществе к последователям Ф. Лепле, его личность и научное творчество остаются недооцененными и не занимают достойного места в отечественной историографии. Авторы настоящей статьи выражают надежду, что она внесет определенный вклад в решение последней проблемы.

Список источников

[1] Абатуров И. Н. Патернализм в цивилизационном плане: практическое осуществление на Урале и леплезианское осмысление // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. — С. 3–11.

- [2] Арутюнян Ю. В. Этносоциология: цели, методы, некоторые результаты исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. С. Кондратьев, А. А. Сусоколов. — М. : Наука, 1984. — 255 с.
- [3] Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология : учеб. пособие для вузов. — М. : Аспект-Пресс, 1999. — 270 с.
- [4] Асфандияров А. З. Башкирская семья в прошлом (XVIII — первая половина XIX в.). — Уфа : Китап, 1997. — 104 с.
- [5] Белановский С. А. Глубокое интервью : учеб. пособие. — М. : Никколо-Медиа, 2001. — 320 с.
- [6] Исянгулов Ш. Башкирская семья в описании французского ученого Ф. Лепле и по архивным документам // Ватандаш. — 2018. — № 3. — С. 57–62.
- [7] Лаббе П. По дорогам России от Волги до Урала / пер. с фр. А. Ш. Губайдуллиной и Л. Ф. Сахибгареевой. — М. : Паулсен, 2017. — 224 с.
- [8] Лепле Ф. Башкиры — скотоводы, ведущие полукочевой образ жизни (Восточная Россия) / пер. с фр. П. В. Малокотина // Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / сост. А. З. Асфандияров, Р. Н. Рахимов, Ф. Г. Хисамитдинова. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. — С. 214–261.
- [9] Лепле Ф. Путешествия по России (1844, 1853) / пер. с фр. А. Губайдуллиной // Иностранная литература. — 2018. — № 7. — С. 131–179.
- [10] Мондэй К. Школа Фредерика Ле-Пле в России // Финансы и бизнес. — 2008. — Т. 4. — № 11. — С. 206–222.
- [11] Никольский Д. П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. — СПб. : Типография П. П. Сойкина, 1899. — 377 с.
- [12] Arnault F. Frédéric Le Play, de la métallurgie à la science sociale // Revue française de sociologie. — 1984. — Т. 25. — No. 3. — Pp. 437–457.
- [13] Forni F. Frederic Le Play: a Forefather of Social Economics // International Journal of Social Economics. — 1998. — Vol. 25. — No. 9. — Pp. 1380–1397.
- [14] Garayo Urruela J. M. La recuperación de Frédéric Le Play // REIS: Revista Española de Investigaciones Sociológicas. — 2001. — No. 93. — Pp. 27–60.

References

- [1] Abaturov I. N. Paternalizm v civilizacionnom plane: prakticheskoe osushhestvlenie na Urale i leplezianskoe osmy'slenie [Paternalism in Civilizational Terms: Practical Implementation in the Urals and Leplesian Comprehension] // Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost'. Vy`p. 10 [Document. Archive. History. Modernity. Issue 10]. — Ekaterinburg : Ural University Publishing house, 2009. — Pp. 3–11.
- [2] Arutyunyan Yu. V. E`tnosociologiya: celi, metody`, nekotory`e rezul`taty` issledovaniya / Yu. V. Arutyunyan, L. M. Drobizheva, B. C. Kondrat`ev, A. A. Susokolov [Ethnosociology: Goals, Methods, Some Research Results / Yu. V. Arutyunyan, L. M. Drobizheva, B. S. Kondrat'ev, A. A. Susokolov]. — Moscow : Nauka, 1984. — 255 p.
- [3] Arutyunyan Yu. V., Drobizheva L. M., Susokolov A. A. E`tnosociologiya : ucheb. posobie dlya vuzov [Ethnosociology : a tutorial for universities]. — Moscow : Aspect-Press, 1999. — 270 p.
- [4] Asfandiyarov A. Z. Bashkirskaia sem`ya v proshlom (XVIII — pervaya polovina XIX v.) [The Bashkir Family in the Past (XVIII — First Half of the XIX Century)]. — Ufa : Kitap, 1997. — 104 p.
- [5] Belanovsky S. A. Glubokoe interv`yu : ucheb. posobie [Deep Interview : a tutorial]. — Moscow : Nikkolo-Media, 2001. — 320 p.
- [6] Isyangulov Sh. Bashkirskaia sem`ya v opisani frantsuzskogo uchenogo F. Leple i po arxivny`m dokumentam [The Bashkir Family in the Description of the French Scientist F. Le Play and According to Archival Documents] // Vatandash [Vatandash]. — 2018. — No. 3. — Pp. 57–62.
- [7] Labbe P. Po doro gam Rossii ot Volgi do Urala / per. s fr. A. Sh. Gubajdullinoy i L. F. Saxibgarееvoj [On the Roads of Russia from the Volga to the Urals / tr. by Fr. A. Sh. Gubaidullina and L. F. Sakhibgareeva]. — Moscow : Paulsen, 2017. — 224 p.
- [8] Leple F. Bashkiry` — skotovody`, vedushhie polukochevoj obraz zhizni (Vostochnaya Rossiya) / per. s fr. P. V. Malokotina [Bashkirs — Pastoralists Leading a Semi-Nomadic Lifestyle (Eastern Russia) / tr. by Fr. P. V. Malokotin] // Dokumenty` i materialy` po istorii bashkirskego naroda (1790–1912) / sost. A. Z. Asfandiyarov, R. N. Raximov, F. G. Xisamitdinova [Documents and Materials on the History of the Bashkir People (1790–1912) / comp. A. Z. Asfandiyarov, R. N. Rakhimov, F. G. Khisamitdinova]. — Ufa : ISLL URC RAS, 2012. — Pp. 214–261.
- [9] Leple F. Puteshestviya po Rossii (1844, 1853) / per. s fr. A. Gubajdullinoy [Travels across Russia (1844, 1853) / tr. by Fr. A. Gubaidullina] // Inostrannaya literatura [Foreign Literature]. — 2018. — No. 7. — Pp. 131–179.

- [10] *Monday K. Shkola Frederika Le-Ple v Rossii* [Frédéric Le Play's School in Russia] // *Finansy i biznes* [Finance and Business]. — 2008. — Vol. 4. — No. 11. — Pp. 206–222.
- [11] *Nikolsky D. P. Bashkiry: e'tnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [Bashkirs: Ethnographic and Sanitary-Anthropological Research]. — Saint Petersburg : P. P. Soikin's Printing House, 1899. — 377 p.
- [12] *Arnault F. Frédéric Le Play, de la métallurgie à la science sociale* // *Revue française de sociologie*. — 1984. — T. 25. — No. 3. — Pp. 437–457.
- [13] *Forni F. Frederic Le Play: a Forefather of Social Economics* // *International Journal of Social Economics*. — 1998. — Vol. 25. — No. 9. — Pp. 1380–1397.
- [14] *Garayo Urruela J. M. La recuperación de Frédéric Le Play* // *REIS: Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. — 2001. — No. 93. — Pp. 27–60.

Информация об авторах

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и права;

И. В. Кучумов — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Information about authors

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Head at the Department of Philosophy, History and Law;

I. V. Kuchumov — Candidate of Science (Historical), Docent, Senior Research Officer.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 133–139
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 133–139

Научная статья

УДК 331.5 (470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-133-139

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане)

**Фаиль Габдуллович Сафин^{1, 4✉}, Мурат Нилевич Ишемгулов²,
Далмир Азгарович Камалетдинов³**

^{1, 2, 3}Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

⁴Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

¹failsafin@mail.ru✉

²murat-ishemgulov@mail.ru

³kdalmir1995@yandex.ru

Аннотация. На основе этносоциологических опросов рассмотрены социальное настроение и адаптационное поведение населения Республики Башкортостан к рыночной экономике. На основе этносоциологических данных раскрыта самооценка этническими группами своего материального и финансового положения. Одним из негативных факторов, влияющих на социальное настроение стал экономический кризис после крымских событий и начала пандемии. Опрос также показал, что рыночные отношения внесли определенные коррективы в социальную стратификацию и дифференциацию общества. Несмотря на это, как показали результаты опроса, большинство населения республики с надеждой и оптимизмом смотрит в будущее.

Ключевые слова: социальное настроение, адаптация, рыночная экономика, материальное положение, финансовое состояние, этнические группы

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья» № АААА-А21-121012290085-3.

Для цитирования: Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А. Социальное настроение и адаптация этнических групп к рыночной экономике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 133–139. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-133-139>.

SOCIAL MOOD AND ADAPTATION OF ETHNIC GROUPS TO THE MARKET ECONOMY (according to ethnosociological surveys in Bashkortostan)

Fail Gabdullovich Safin^{1, 4✉}, Murat Nilevich Ishemgulov²,
Damir Azgarovich Kamaletdinov³

^{1, 2, 3}R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science, Ufa, Russia

⁴Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia

¹failsafin@mail.ru✉

²murat-ishemgulov@mail.ru

³kdalmir1995@yandex.ru

Abstract. On the basis of ethnosociological surveys, the social mood and adaptive behavior of the population of the Republic of Bashkortostan to the market economy are considered. On the basis of ethnosociological data, the self-assessment by ethnic groups of their material and financial situation is revealed. One of the negative factors affecting social mood was the economic crisis after the Crimean events and the beginning of the pandemic. The survey also showed that market relations have made certain adjustments to the social stratification and differentiation of society. Despite this, as the results of the survey showed, the majority of the population of the republic looks to the future with hope and optimism.

Keywords: social mood, adaptation, market economy, financial situation, financial condition, ethnic groups

Funding: Research completed within the framework of the state assignment of the IER UFRC RAS "Social foundations of ethno-political processes in the republics of the Ural-Volga region" No. AAAA-A21-121012290085-3.

For citation: Safin F., Ishemgulov M., Kamaletdinov D. Social mood and adaptation of ethnic groups to the market economy (according to ethnosociological surveys in Bashkortostan) // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 133–139. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-133-139>.

Жители Республики Башкортостан в ракурсе социального самочувствия и социального положения демонстрируют впечатляющие результаты. В особенности это касается башкир. Согласно материалам этносоциологического опроса, 16,7 % башкир и столько же татар признались, что «для поддержания необходимого жизненного уровня у них средств достаточно и они могут ни в чем себе не отказывать». В то же время, солидарны с ними были 14,0 % представителей русской национальности и лишь 2,8 % опрошенных других национальностей (диагр. 1).

Башкиры почти одной третью опрошенных (30,2 %), татары более четвертью (28,6 %), а респонденты «иных» национальностей более одной третью (36,1 %) подтвердили наличие у них определенных накоплений, отмечая, что это не для дорогих покупок. В то же время, данное утверждение разделили лишь 25,1 % опрошенных респондентов русской национальности. Как видим, представители всех этнических

групп практически на одном уровне отметили наличие определенных накоплений для повседневной жизни.

Около половины представителей русской национальности (44,7 %) и практически каждый второй из пяти участников этносоциологического исследования других национальностей (41,7 %) обозначили, что у них хватает денег на питание и предметы первой необходимости. Среди башкир же подобное положение отметил лишь каждый пятый (20,6 %). Некоторая дистанция между русскими и башкирами, по всей видимости, обозначилась в группах с определенным уровнем среднего достатка. Доля русских и респондентов «иных» национальностей, отметивших, что у них денег хватает на питание и предметы первой необходимости, скорее всего, обусловлена большим удельным весом в их составе людей среднего достатка, чем самой малообеспеченной категории населения. Вместе с тем, согласно данным этносоциологического исследования,

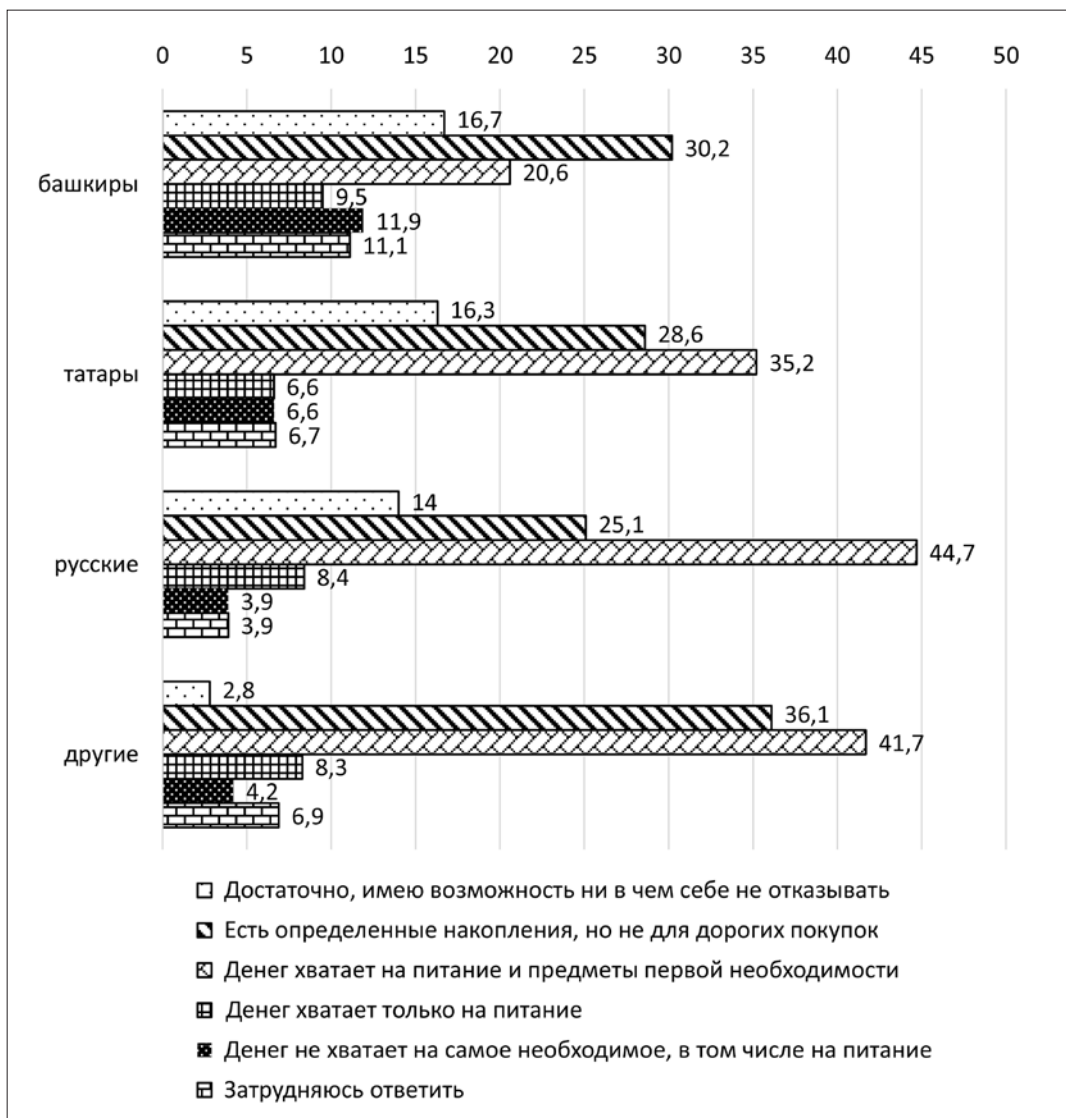

Диаграмма 1 — Достаточно ли получаемых вами средств для поддержания необходимого жизненного уровня? [5]

9,5 % опрошенных лиц титульной этнической группы региона отметили достаточность имеющихся средств лишь на питание. Чуть более этого башкиры отметили, что их доход не позволяет им приобретать самое необходимое — даже в нужном количестве еду (11,9%), — что является трехкратным превышением аналогичного показателя у русских и в 1,8 раз — у представителей татарской национальности. Такая же доля ответов оказалась у тех, кого данный вопрос поставил в затруднительное положение.

Оценивая свое материальное положение, 21,4% башкир уверенно заявили, что они имеют возможность делать любые или почти любые приобретения, при этом превосходя респондентов-русских в 4 раза, татар —

в 2,5 раза, респондентов «иных» национальностей — в 1,7 раза.

Таким образом, данные этносоциологических исследований, проведенных в ноябре 2018 г., еще раз подтверждают тезис об имеющейся этносоциальной дифференциации этнических групп региона. Это положение иллюстрируют материалы Всероссийских переписей населения, проведенных в 2002 [2] и 2010 гг. [3], а также неоднократные социологические опросы, проведенные разными командами, в том числе и из федеральных институтов гуманитарного профиля РАН [4, с. 312–317] (диагр. 2).

Социальная самооценка этнических групп по данным этносоциологического опроса подтверждает, что лишь незначительная часть респондентов поставила себя в разряд

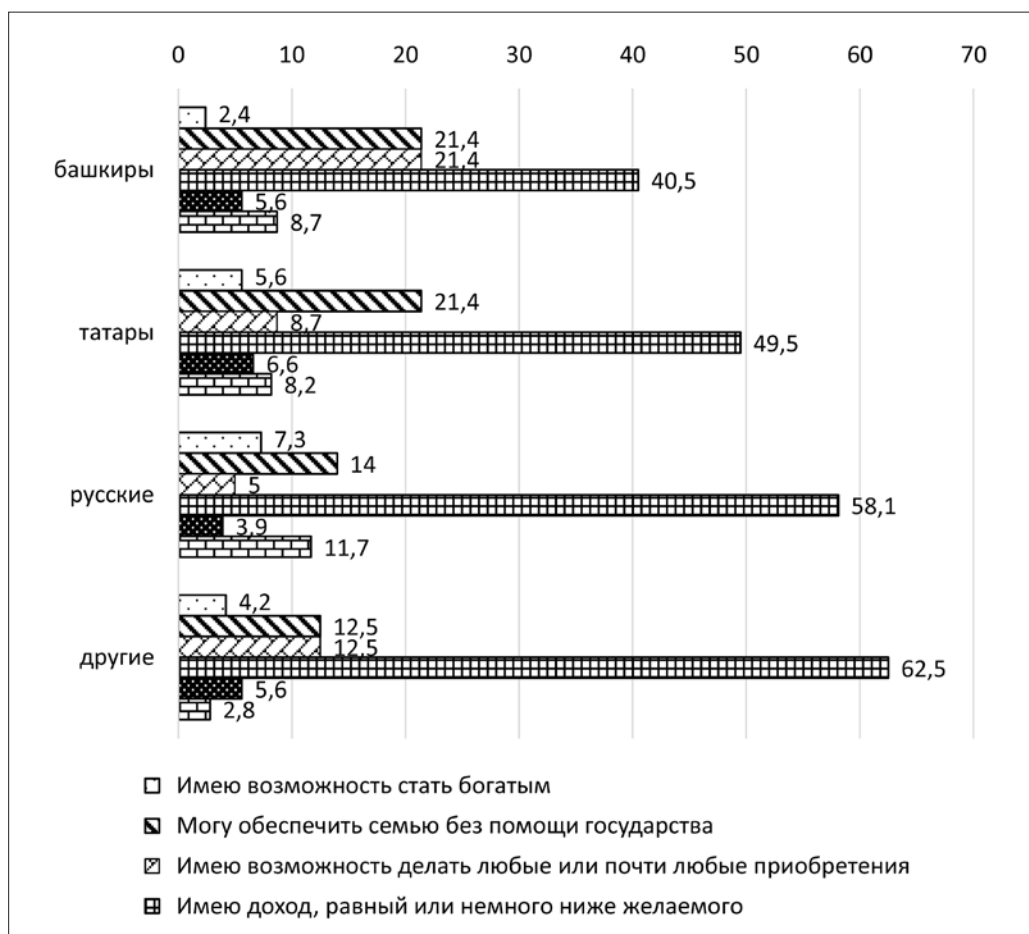

Диаграмма 2 — Как Вы оцениваете свое материальное положение? [5]

имеющих «возможность стать богатым». При этом, показатели русских были в 3 раза выше, чем у башкир. А вот самооценка возможности обеспечить свои семьи самостоятельно, или же делать почти любые приобретения показывает весьма существенную дифференциацию в разрезе этнических групп. Такую диспропорцию в самооценках следует объяснить тем, что, например, русские, имеющие доход равный или немного ниже желаемого, в своем абсолютном большинстве проживают в городах и поэтому больше всего заняты в государственных предприятиях, на которых заработная плата оставляет желать лучшего.

Несмотря на некоторые трудности материального положения, результаты этносоциологических опросов дают основание утверждать, что большая часть населения региона смотрит на будущее с оптимизмом и имеет положительный настрой. Но все же немалая часть населения, а именно 30,3% башкир, 37,0% татар и 38,4% представителей русской нацио-

нальности отметили, что будущее видится им исключая какие-либо надежды и иллюзии, но в то же время стабильным. Определенная доля опрошенных вне зависимости от национальности отметили волнение и неуверенность в своем будущем (диагр. 3).

Данный тезис также подтверждается не только нашими опросами, но и аналогичными исследованиями других авторов [1].

Итоги опроса показали, что экономическое и финансовое положение большинства населения республики за последние 10–15 лет, несмотря на продолжающийся кризис, изменилось в лучшую сторону. Существенное улучшение в этом направлении указали почти третья часть башкир (31,0%), чуть более одной четвертой части татар (27,6%), примерно одна пятая часть русских (21,8%) и одна десятая часть представителей других национальностей (13,9%). Примерно третья часть участников исследования, вне зависимости от национальности, были уверены, что их финансовое

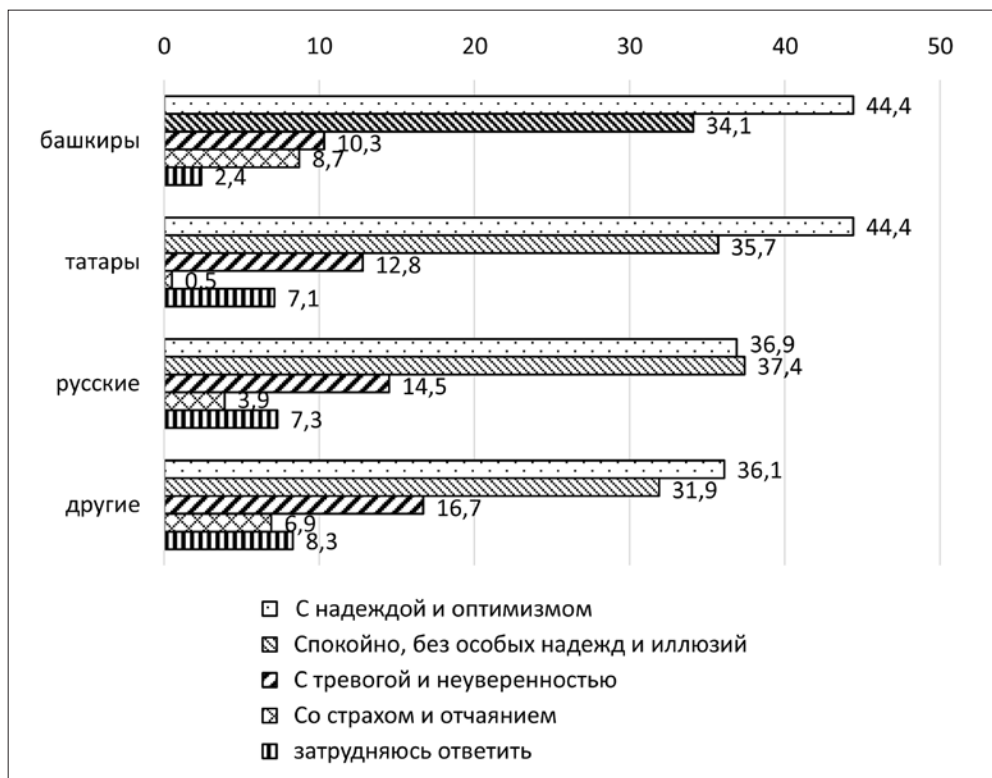

Диаграмма 3 — С какими чувствами вы ориентированы на будущее? [5]

и экономическое положение улучшилось. Каждый пятый опрошенный никак не почувствовал, что за прошедшие 15 лет были какие-то изменения. В то же время, каждый тринадцатый из ста участников опроса среди башкир и татар, а также одна пятая часть представителей русской и других национальностей указали значительные потери в своем экономическом и финансовом положении за последние 15 лет. Иными словами, опрос показал, что среди населения республики, несмотря на позитивное социальное самочувствие, наблюдается некоторая социальная дифференциация (диагр. 4).

Видимо, это связано с возможностью разных этнических групп адаптироваться к условиям рыночной экономики, что особенно рельефно видно на примере опрошенных респондентов «иных» национальностей. Например, немногим менее половины (44,4%) представителей «иных» этнических групп отметили, что преодолели трудности переходного периода и адаптировались к условиям рыночной экономики. В то же время другая, хотя и незначительная часть (6,9%), в процентном отношении превышающая показатели участников этносоциологического исследования других эт-

нических групп, пожаловалась, что не приспособилась, а каждый десятый сожалел, что никогда не сможет приспособиться к рыночной экономике (диагр. 5).

Несмотря на кризисные явления после крымских событий, население Республики Башкортостан, в соответствии с материалами этносоциологического опроса, чувствует себя достаточно уверенно. Почти половина опрошенных лиц башкирской и татарской национальностей (44,4%), а также примерно третья часть русских и представителей других этнических групп отметили, что будущее в целом воспринимается ими в оптимистичном ключе. Каждый третий опрошенный, независимо от этнической принадлежности, также оценил свои перспективы как стабильные и без особых надежд и иллюзий.

Таким образом, отмеченные показатели социального настроения подтверждают, что в целом население выражает определенную удовлетворенность своим материальным и финансовым состоянием, на что значительное влияние оказывают социально-экономическое развитие и потенциал республики в условиях продолжающегося кризиса

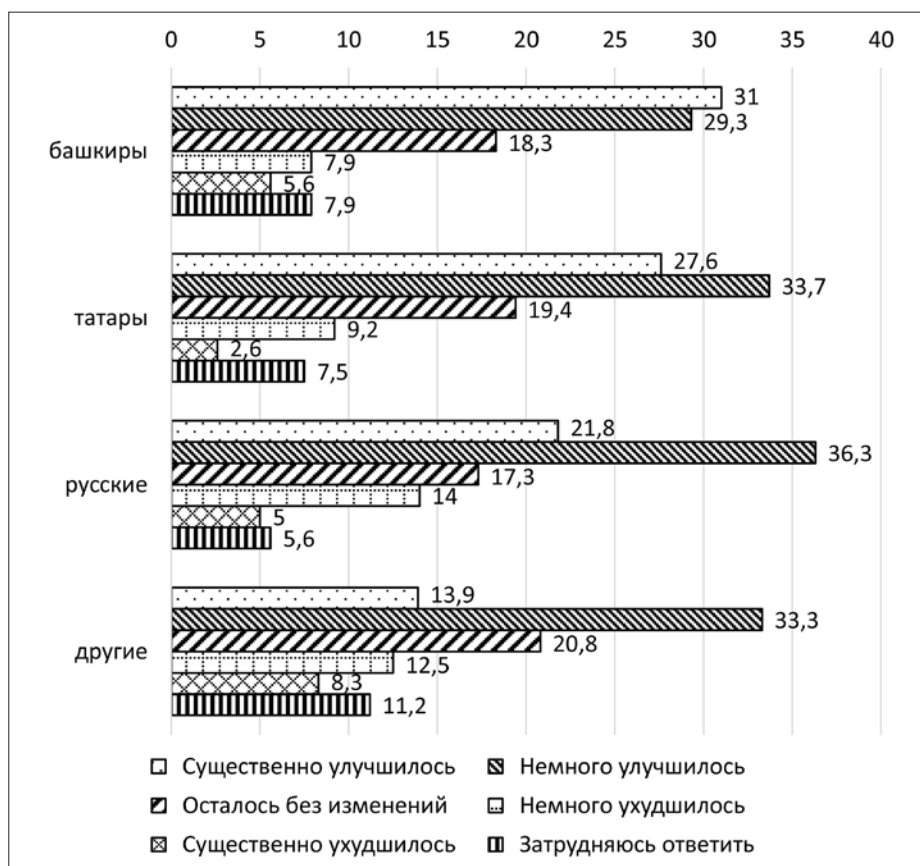

Диаграмма 4 — Как изменилось материальное благосостояние Вашей семьи за 10–15 лет? [5]

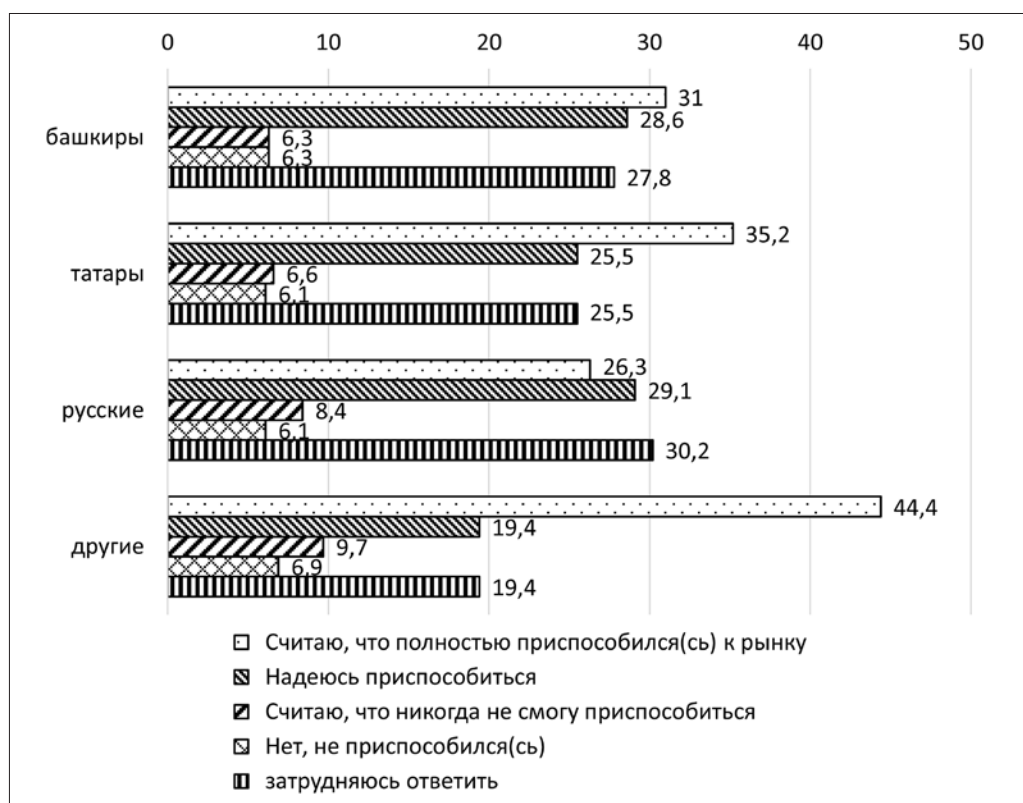

Диаграмма 5 — Удалось ли вам пройти переходный период без трудностей и интегрироваться в рыночные реалии? [5]

и пандемии. Но в то же время более четверти респондентов отметили существенное ухудшение своего экономического положения

и в условиях продолжающегося кризиса чувствуют себя неуверенно, выражая тревогу и отчаяние.

Список источников

[1] Алексеев С. С. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) / С. С. Алексеев, С. Р. Абрамова, Ф. Г. Сафин. — Уфа : Первая типография, 2018. — 188 с.

[2] Башкиры в начале XXI века : Статистический сборник. — Уфа : Башкортостанстат, 2008. — 194 с.

[3] Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. : Статистический сборник : в 2 ч. — Ч. II. — Уфа : Башкортостанстат, 2013. — 189 с.

[4] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробизева. — М. : Academia, 2002. — 480 с.

[5] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ноябрь 2018 г.).

References

[1] Alekseenko S. S. E`tnosocial`ny`e osnovy` razvitiya russkogo naseleniya v Bashkortostane (po danny`m e`tnosociologicheskix issledovaniy) [Ethnosocial Foundations of the Development of the Russian Population in Bashkortostan (According to Ethnosociological Research) / S. S. Alekseenko, S. R. Abramova, F. G. Safin]. — Ufa : First Printing House, 2018. — 188 p.

[2] Bashkiry` v nachale XXI veka : Statisticheskij sbornik [Bashkirs at the Beginning of the XXI Century : Statistical collection]. — Ufa : Bashkortostanstat, 2008. — 194 p.

[3] Nacional`ny`j sostav i vladenie yazy`kami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Bashkortostan po danny`m Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 g. : Statisticheskij sbornik : v 2 ch. — Ch. II [Ethnic Composition and Language Skills, Citizenship of the Population of the Republic of Bashkortostan according to the 2010 All-Russian Population Census : Statistical collection : in 2 p. — Part II]. — Ufa : Bashkortostanstat, 2013. — 189 p.

[4] Social`noe neravenstvo e`tnicheskix grupp: predstavleniya i real`nost` / avt. proekta i otv. red. L. M. Drobizheva [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality / ed. project and ex. ed. L. M. Drobizheva]. — Moscow : Academia, 2002. — 480 p.

[5] E`tnosociologicheskij opros po issledovatel`skomu proektu "Sovremenny`e e`tnosocial`ny`e processy` v Bashkortostane: Social`no-e`konomicheskaya adaptaciya i social`noe samochuvstvie" (noyabr` 2018 g.) [Ethnosociological Survey on the Research Project "Modern Ethnosocial Processes in Bashkortostan: Socio-Economic Adaptation and Social Well-Being" (November 2018)].

Информация об авторах

Ф. Г. Сафин — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела этнополитологии; профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета;

М. Н. Ишемгулов — младший научный сотрудник отдела этнополитологии;

Д. А. Камалетдинов — аспирант отдела этнополитологии.

Information about authors

F. G. Safin — Doctor of Science (Historical), Professor, Chief Researcher at the Department of Ethnopolitical Science; Professor at the Department of Philosophy, History and Social Engineering, Ufa State Petroleum Technical University;

M. N. Ishemgulov — Junior Researcher at the Department of Ethnopolitology;

D. A. Kamaletdinov — postgraduate student at the Department of Ethnopolitology.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 140–146
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 140–146

Научная статья

УДК 316.4 (470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-140-146

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ (по результатам этносоциологических исследований)

Айгуль Ильясовна Халиулина^{1✉}

¹Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, aygul_kamila@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы языковой компетенции и речевой деятельности населения республики в разных языковых ситуациях. Установлено, что, несмотря на высокий уровень признания родного языка и языковой компетенции индивиды при общении больше используют русский язык. Такое языковое поведение проявляется не только в общественных местах, учебных заведениях или же при общении с близкими друзьями, но и в семейно-бытовой сфере. Одним из факторов такой речевой деятельности индивидов выступает этноязыковая среда, которая способствует формированию языковой компетенции и в дальнейшем иллюстрирует языковое поведение индивидов.

Ключевые слова: языковая компетенция, родной язык, владение языками, языковое поведение, двуязычие, речевая деятельность

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья» № AAAA-A21-121012290085-3.

Для цитирования: Халиулина А. И. Этноязыковая компетенция населения Башкортостана в условиях двуязычия (по результатам этносоциологических исследований) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 140–146. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-140-146>.

ETHNOLANGUAGE COMPETENCE OF THE POPULATION OF BASHKORTOSTAN IN CONDITIONS OF BILINGUALISM (based on the results of ethnosociological studies)

Aigul Iliasovna Khaliulina^{1✉}

¹R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science, Ufa, Russia, aygul_kamila@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of language competence and speech activity of the population of the republic in different language situations. It was found that, despite the high level of recognition of the native language and language competence, individuals use Russian more when communicating. Such language behavior manifests itself not only in public places, in educational institutions or when communicating with close friends, but even in the family and household sphere. One of the factors of such speech activity of individuals is the ethno-linguistic environment, which contributes to the formation of linguistic competence and further generates linguistic behavior of individuals.

Keywords: language competence, native language, language proficiency, language behavior, bilingualism, speech activity

Funding: Research was conducted in the framework of the state assignment of the IER UFRC RAS "Social foundations of ethnopolitical processes in the republics of the Ural-Volga region" No. AAAA-A21-121012290085-3.

For citation: Khaliulina A. Ethnolanguage competence of the population of Bashkortostan in conditions of bilingualism (based on the results of ethnosociological studies) // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 140–146. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-140-146>.

В новых социально-экономических, политических условиях Российской Федерации вопросы, связанные с языковыми компетенциями различных групп населения, являются чрезвычайно актуальными. При отсутствии строгой научной дефиниции в понятие «этноязыковой компетенции» целесообразно включать не просто тот или иной уровень владения языком своей национальности или языками других народов, но и «восприятие языка в качестве важного элемента формирования этнического самосознания, идентичности, а также практическое применение языка в различных социокультурных условиях» [2]. В свою очередь, компетенции в этноязыковой сфере подразумевают не только знание, но и непосредственное поведение (речевая активность или пассивность) носителей языка.

По данным переписи 2010 года 75 % башкир и 85 % татар в Республике Башкортостан в качестве родного отметили язык своего этноса [1]. Опрос 2019 года [5] подтвердил более высо-

кий показатель родного языка, соответственно, у башкир — 89,7 %, у татар — 94,7 % (диагр. 1).

При определении родного языка татары на первое место поставили маркер — «это был мой первый язык», тогда как башкиры — «язык моего народа». Представителями «иных» национальностей родной язык был обозначен как «язык, которым они владеют лучше всего» (27,5 %). Определенная часть респондентов, независимо от этнической принадлежности, родным считали язык отца и матери. Таким образом, среди населения, как и среди ученых, имеется различное толкование понятия «родной язык» (диагр. 2).

Несмотря на высокий уровень признания родным языка своего народа, языковая компетенция этнических групп, как показывают данные этносоциологических опросов, не всегда коррелирует с данными переписи населения. Например, по данным переписи 2010 года 85 % татар в качестве родного отметили татарский язык [1]. По данным

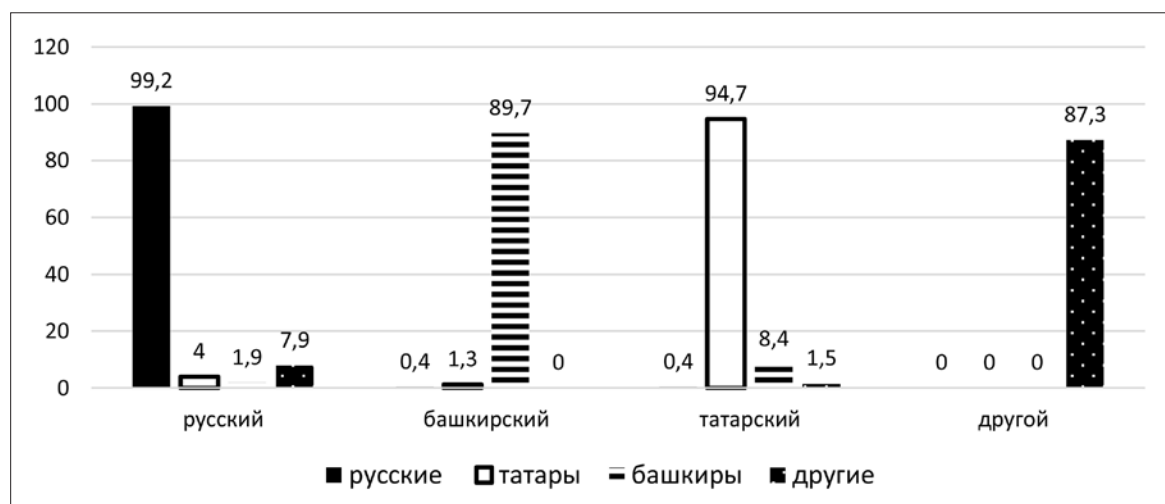

Диаграмма 1 — Выбор родного языка (в %) [3]*

* Выборка исследования составила 1000 чел., в том числе 361 русских, 295 башкир, 254 татар и 90 чел. др. национальностей. Опрос населения проводился в 11 городах, в том числе: в гг. Белорецк, Бирск, Давлеканово, Дюртюли, Кумертау, Нефтекамск, Стерлитамак, Октябрьский, Туймазы, Уфа, Учалы, а также в сельских районах: Балтачевском, Альшеевском, Миякинском, Краснокамском, Стерлибашевском, Куюргазинском, Дюртюлинском, Хайбуллинском, Туймазинском, Учалинском и Уфимском.

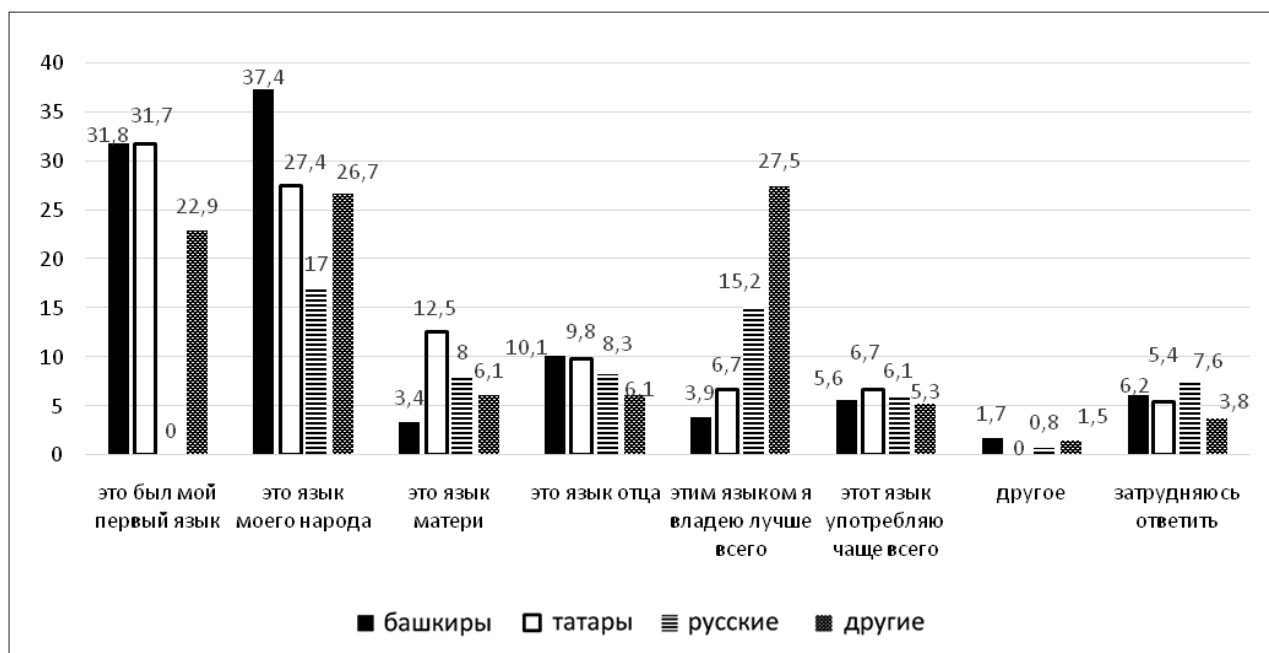

Диаграмма 2 — Определение родного языка (в %) [5]*

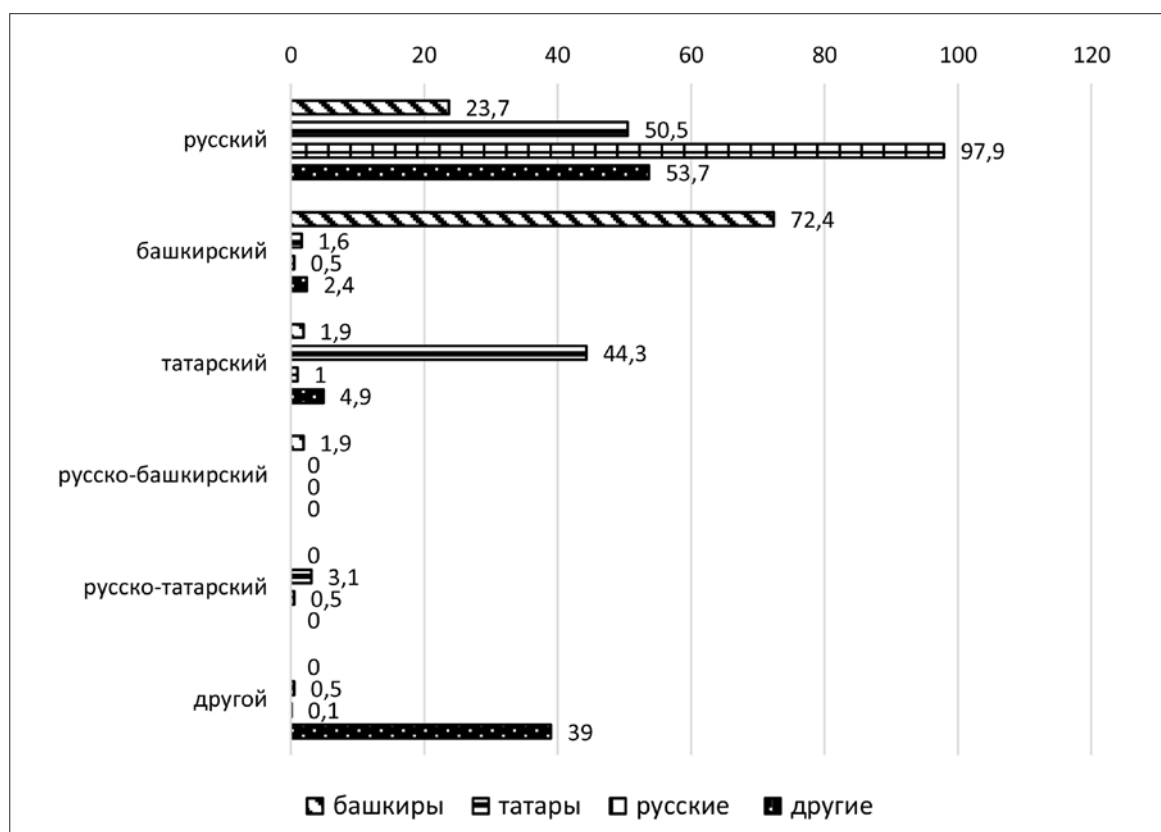

Диаграмма 3 — Определение первого разговорного языка (в %) [5]

* Выборка исследования составила 799 чел., в том числе 264 русских, 224 татар, 179 башкир и 131 чел. др. национальностей. Опрос населения проводился в городах (Белорецк, Бирск, Давлеканово, Дюртюли, Кумертау, Нефтекамск, Стерлитамак, Октябрьский, Туймазы, Уфа, Учалы) и сельских районах (Балтачевском, Альшеевском, Миякинском, Краснокамском, Стерлибашевском, Куюргазинском, Дюртюлинском, Хайбуллинском, Туймазинском, Учалинском и Уфимском) республики.

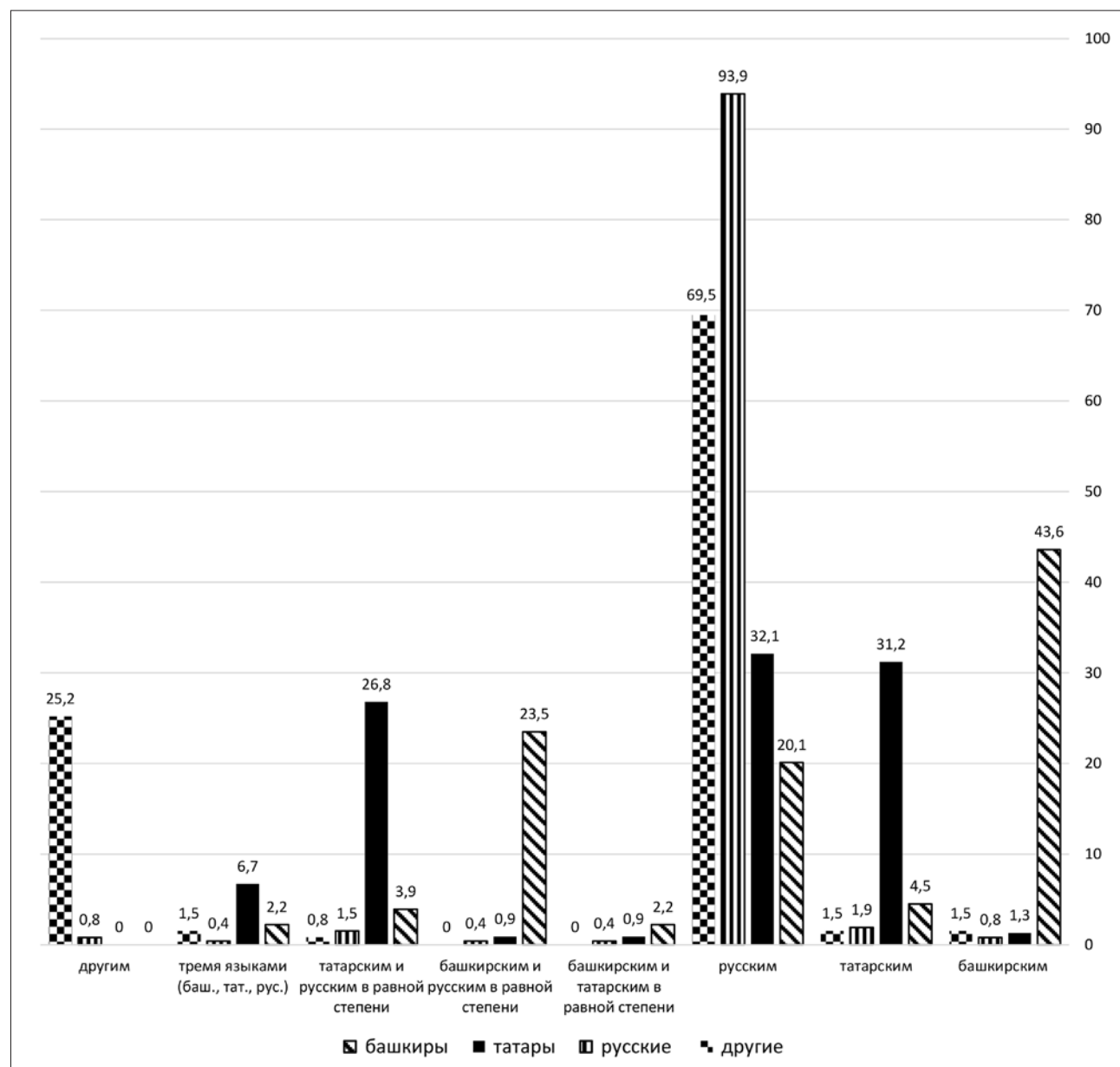

Диаграмма 4 — Каким языком Вы владеете лучше? (в %)[5]

опроса 2019 года [5] 72,7% татар признали, что они научились разговаривать на татарском языке, а 17% — на русском. Для татарской молодежи характерен еще более низкий показатель. Так 44,3% отметили, что у них первым языком был татарский, а половина — русский. Башкирская молодежь еще остается в поле приобщения к национальному языку, т. к. более 72% респондентов отметили, что первым языком у них был башкирский, а для немногим менее четверти (23,7%) — русский.

Таким образом, можно констатировать, что формирование языковой компетенции среди молодежи республики протекает в ус-

ловиях русскоязычного общения, о чем свидетельствуют высокие показатели владения русским языком и игнорирование познания родных языков. Хотя по данным опроса почти 88% респондентов татарской национальности отметили в качестве родного татарский язык. Среди татар также больше всего использующих в жизни три основных языка — русский, башкирский и татарский (6,7%). У представителей других национальностей такая картина встречается реже, так у башкир этот показатель составлял всего 2,2%. В этом отношении следует подчеркнуть, что по данным переписи 2010 года доля башкир, отметивших

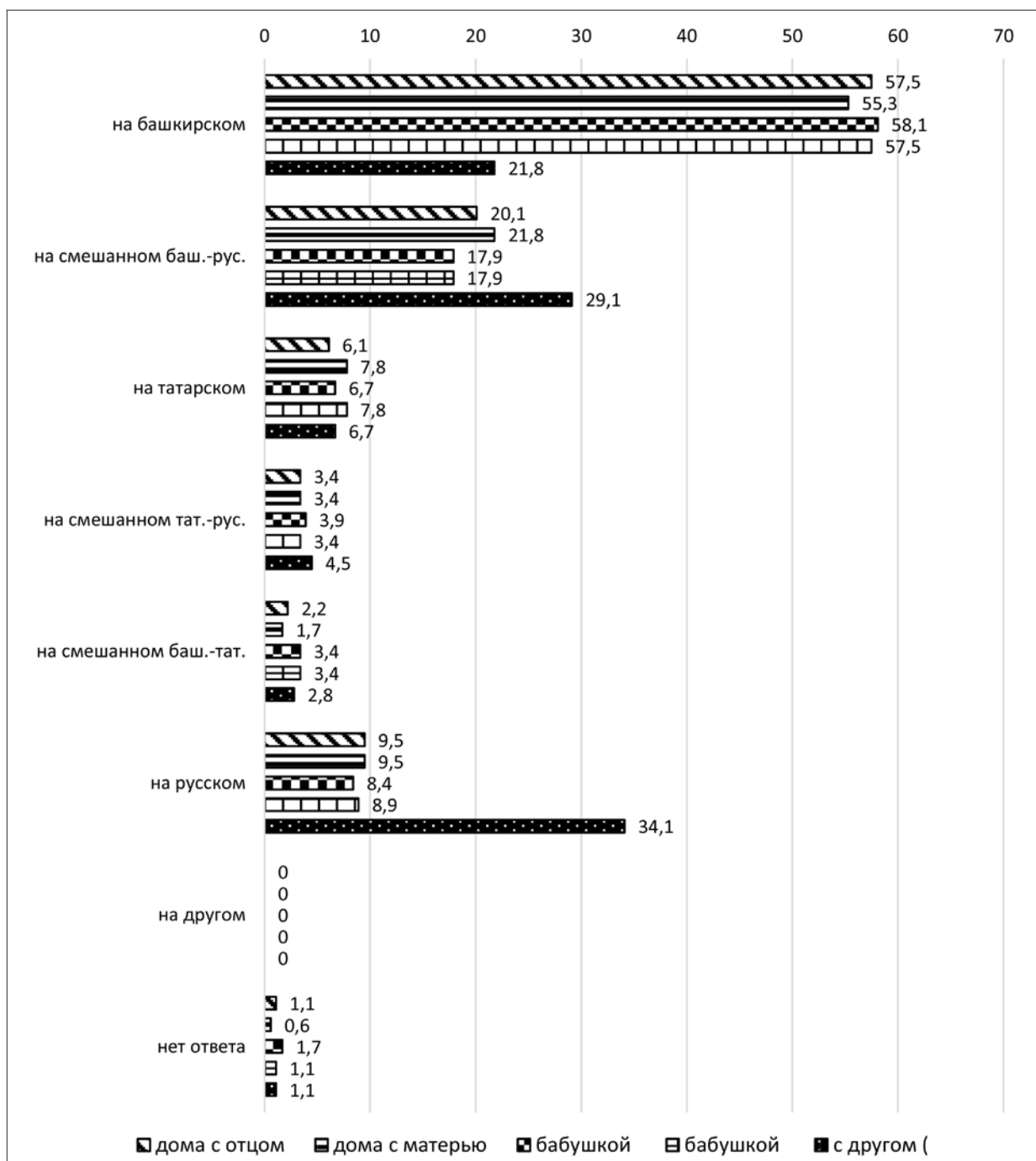

Диаграмма 5 — На каком (каких) языке(а) Вы обычно разговариваете? (в %) [4]

в качестве родного татарский язык, составила 219 711 чел. (16,8%) [1]. По данным опроса лишь 4,5% башкир отметили свое хорошее владение татарским языком, а 3,9% — татарским и русским языками (диагр. 3).

Языковая компетенция этнических групп в многонациональном Башкортостане по данным опросов носила контрастный характер. Несмотря на то, что абсолютное большинство башкир, татар и других нерусских народов род-

ным назвали язык своего этноса, их языковая компетенция проявляется по-разному. Данные опросов фиксируют разный уровень владения как родным, так и русским языками. Например, 43,6% башкир и одна треть татар (31,2%) отметили, что они лучше владеют своим родным национальным языком. В то же время почти четверть (23,5%) башкир и немногим этого татар (26,8%) признали, что они одновременно хорошо владеют русским и своими

родными языками. Более того, почти треть татар (32,1 %) и каждый пятый респондент башкирской национальности подтвердили, что они лучше владеют русским языком. Среди русских также имеется незначительное количество респондентов, языковая компетенция которых выходит за рамки только одного родного русского языка. Около 2 % русских признались, что они лучше владеют татарским языком, а 1,5 % респондентов одновременно татарским и русским в равной степени. Такой вариант билингвизма характерен и для респондентов других национальностей, а также для самих башкир и татар (диагр. 4).

Практическим воплощением языковой компетенции выступает речевая деятельность индивидов в разных языковых ситуациях. Ярким показателем речевого поведения является общение дома или с близким другом. В таких ситуациях индивид в знак уважения и близости собеседника выбирает тот язык, которым владеет последний. Например, употребление национального родного языка увеличивается по мере роста возраста родственника. Если человек башкирской национальности дома с матерью в 55 % случаях разговаривал на башкирском языке, то с бабушкой по линии отца или матери этот показатель был выше. А вот

с близким другом общение в большей степени переходит на русский язык в трети случаях, немного менее этого (29 %) на смешанной башкирско-русской речи и лишь в 21 % случае на родном башкирском языке (диагр. 5).

Таким образом, для жителей Республики Башкортостан объективно характерна ситуация билингвизма, а в ряде случаев в многоязычной среде актуальной становится проблема полилингвизма. Иными словами, несмотря на высокий уровень показателя родного языка, нерусские народы республики больше тяготеют к общению на русском языке. Такую ситуацию нередко приходится встречать, когда носители одного и того языка (имеется в виду — национального), в своей речевой деятельности прибегают к употреблению русского языка. Языковое поведение в таких случаях никак не регламентировано, оно носит стихийный характер и даже в условиях семейно-бытовой сферы, в зависимости от «статуса» собеседника может использоваться по-разному. Таким образом, этноязыковые процессы в республике будут развиваться в сторону усиления и активизации применения русского языка не только в городских условиях, но в отдельных случаях даже в монологичной сельской местности.

Список источников

[1] Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года : Статистический сборник : в 2 ч. — Ч. II. — Уфа : Башкортостанстат, 2013. — 189 с.

[2] Черниенко Д. А. Этноязыковые компетенции финно-угорских, славянских и тюркских народов Удмуртии (по материалам переписей населения и этносоциологических исследований) // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия : сб. статей. — Ижевск : Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2016. — С. 364–373.

[3] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» (январь 2014 г.). Авторы проекта — Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина. Руководитель исследования — А. И. Халиулина.

[4] Этносоциологический опрос молодежи «Проявление этничности и адаптация молодежи к новым социально-экономическим реалиям в полиэтническом регионе» (ноябрь 2018 г.). Авторы проекта — Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина. Руководитель исследования — А. И. Халиулина.

[5] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия» (апрель 2019 г.) Авторы проекта — Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина. Руководитель исследования — А. И. Халиулина.

References

[1] Nacional`ny`j sostav i vladenie yazy`kami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Bashkortostan po danny`m Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda : Statisticheskij sbornik : v 2 ch. — Ch. II [National Composition and Language Skills, Citizenship of the Population of the Republic of Bashkortostan according to the 2010 All-Russian Population Census : Statistical collection : in 2 p. — Part II]. — Ufa : Bashkortostanstat, 2013. — 189 p.

[2] Chernienko D. A. E`tnoyazy`kovy`e kompetencii finno-ugorskix, slavyanskix i tyurkskix narodov Udmurtii (po materialam perepisej naseleniya i e`tnosociologicheskix issledovanij) [Ethno-Linguistic Competences of the Finno-Ugric, Slavic and Turkic Peoples of Udmurtia (Based on Population Censuses and Ethnosociological Studies)] // Polie`tnichny`j mir Evrazii: problemy` vzaimovospriyatiya : sb. statej [Multiethnic World of Eurasia: Problems of Mutual Perception : collection of articles]. — Izhevsk : Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2016. — Pp. 364–373.

[3] E`tnosociologicheskij opros po issledovatel`skomu proektu "Sovremenny`e e`tnicheskie processy` v Bashkortostane: e`tnichnost`, identichnost` i tolerantnost`" (yanvar` 2014 g.). Avtory` proekta — F. G. Safin, A. I. Xaliulina. Rukovoditel` issledovaniya — A. I. Xaliulina [Ethnosociological survey on the research project "Contemporary Ethnic Processes in Bashkortostan: Ethnicity, Identity and Tolerance" (January 2014). Authors of the project are F. G. Safin, A. I. Khaliulina. The head of the research is A. I. Khaliulina].

[4] E`tnosociologicheskij opros molodezhi "Proyavlenie e`tnichnosti i adaptaciya molodezhi k novy`m social`no-e`konomicheskim realiyam v polie`tnicheskom regione" (noyabr` 2018 g.). Avtory` proekta — F. G. Safin, A. I. Xaliulina. Rukovoditel` issledovaniya — A. I. Xaliulina [Ethnosociological survey of youth "Manifestation of Ethnicity and Adaptation of Youth to New Socio-Economic Realities in a Multi-Ethnic Region" (November 2018). Authors of the project are F. G. Safin, A. I. Khaliulina. The head of the research is A. I. Khaliulina].

[5] E`tnosociologicheskij opros po issledovatel`skomu proektu "Sovremenny`e e`tnokul`turny`e processy` v Bashkortostane: e`tnichnost`, yazy`k, religiya" (aprel` 2019 g.). Avtory` proekta — F. G. Safin, A. I. Xaliulina. Rukovoditel` issledovaniya — A. I. Xaliulina [Ethnosociological survey on the research project "Modern Ethnocultural Processes in Bashkortostan: Ethnicity, Language, Religion" (April 2019). Authors of the project are F. G. Safin, A. I. Khaliulina. The head of the research is A. I. Khaliulina].

Информация об авторах

А. И. Халиулина — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии.

Information about authors

A. I. Khaliulina — Candidate of Science (Historical), Senior Researcher at the Department of Ethnopolitology.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4(53). С. 147–153
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4(53): 147–153

Научная статья

УДК 316.4 (470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2021-4-53-147-153

ЯЗЫКОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА ПО ДАННЫМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

Айгуль Ильясовна Халиулина^{1✉}, Элина Фаилевна Идрисова²

¹Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, aygul_kamila@mail.ru✉

²Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, sunny_elianna@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы языковых предпочтений населения многонациональной Республики Башкортостан. Несмотря на широкое распространение коммуникативных функций русского языка, в республике довольно масштабно используются и национальные языки, в том числе в сфере образования, масс-медиа и в повседневной жизни. Как показывают данные этносоциологических опросов, языковые ориентиры населения республики направлены на дальнейшее сохранение и приумножение национальных языков. Установлено, что нерусские народы в республике заинтересованы в том, чтобы в школах республики осуществлялось изучение родных языков. В условиях рыночной экономики, несмотря на финансово-экономические трудности, население выписывает и читает периодическую печать на родном языке.

Ключевые слова: языковые ориентации, телевидение, радио, масс-медиа, башкиры, татары, русские, обучение, родной язык

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья» № АААА-А21-121012290085-3.

Для цитирования: Халиулина А. И., Идрисова Э. Ф. Языковые ориентации населения Башкортостана по данным этносоциологических опросов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 147–153. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-147-153>.

LANGUAGE ORIENTATIONS OF THE POPULATION OF BASHKORTOSTAN ACCORDING TO ETHNOSOCIOLOGICAL SURVEYS

Aigul Iliasovna Khaliulina^{1✉}, Elina Failevna Idrisova²

¹R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science, Ufa, Russia, aygul_kamila@mail.ru

²Bashkir State University, Ufa, Russia, sunny_elianna@mail.ru

Abstract. The problems of language preferences of the population of the multinational Republic of Bashkortostan are considered. Despite the widespread use of the communicative functions of the Russian language, national languages are also used on a fairly large scale in the republic, including in the field of education, mass media and in everyday life. As the data of ethnosociological surveys show, the linguistic guidelines of the population of the republic are aimed at further preservation and multiplication of national languages. It has been established that non-Russian peoples in the republic are interested in teaching and learning their native languages in the schools of the republic. In a market economy, despite financial and economic difficulties, the population writes out and reads periodicals in their native language.

Keywords: language orientations, television, radio, mass media, Bashkirs, Tatars, Russians, education, native language

Funding: Research completed within the framework of the state assignment of the IER UFIC RAS "Social foundations of ethno-political processes in the republics of the Ural-Volga region" No. AAAA-A21-121012290085-3.

For citation: Khaliulina A., Idrisova E. Language orientations of the population of Bashkortostan according to ethnosociological surveys // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2021; 4 (53): 147–153. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-4-53-147-153>.

Этноязыковая ситуация в республике представляет собой сложный конгломерат взаимодействия многочисленных языковых групп. Несмотря на это, данные переписи населения 2010 года показали высокий уровень признания родным языка своего народа. Абсолютное большинство населения (98 %) свободно владеют русским языком [3]. Вместе с тем, как известно, язык является одним из маркеров этнической идентичности [2]. Данные этносоциологических опросов показывают, что, несмотря на высокий уровень признания населением родных языков, в республике широко распространен и практически во всех сферах хозяйственно-бытовой и общественно-политической жизни употребляется русский язык. Знание русского языка востребовано необходимостью выполнения населением своих профессиональных обязанностей, независимо в какой отрасли человек занят. Абсолютное большинство (от 58 до 71 %) респондентов в ходе опроса, независимо от национальности, подтвердило материальную выгоду владения русским языком в республике (диагр. 1). С ними не согласилась лишь незначительная часть опрошенных: башкир — 12,3 %, русских — 9,9 % и около 5 % татар [8].

Несмотря на повсеместное употребление русского языка во всех сферах жизнедеятельности, языковые ориентации нерусского населения все же направлены на сохранение и развитие своих национальных языков. Представители каждой этнической группы, выбирая для своих детей русский язык в качестве обучения в школе, выразили желание, чтобы их дети наряду с обучением на русском изучали и родной язык. При этом следует отметить, что немногим менее половины (45,8 %) респондентов башкирской национальности отдали предпочтение обучению на русском и башкирском языках, а 17,9 % — только на русском и 15,6 % — на русском с изучением башкирского языка как предмета. А родственные татары, в отличие от

башкир, в два раза меньше ратовали за обучение на русском и татарском (21,9 %), при этом более четверти выступили только за обучение на русском языке (27,2 %). Все же немногим менее одной трети (29,5 %) татар пожелали, чтобы их дети, обучаясь на русском языке, изучали родной татарский. Языковые ориентации респондентов других национальностей, несмотря на относительно высокую оценку роли русского языка, все же были направлены на дальнейшее сохранение и развитие национальных языков в республике, т.к. одна треть из них выступала за изучение родного национального языка как предмета, а более 40 % опрошенных настаивали на обучении только на русском языке (диагр. 2).

Респонденты русской национальности с пониманием отнеслись к чаяниям своих «соотечественников», разделив при этом с ними мнение о необходимости изучения родных национальных языков. Лишь немногим более половины (56,1 %) русских придерживались мнения, «чтобы их дети обучались только на русском языке». Такие подходы представителей разных этнических групп к языковой проблеме, несмотря на ряд разногласий относительно изучения языка титульного этноса в школах, свидетельствуют об уважительном и толерантном межэтническом взаимодействии в республике.

Проявляемые языковые предпочтения при просмотре телевизионных передач, прослушивании радиопередач, а также чтении газет, журналов и художественной литературы, в целом совпадают с языковыми ориентациями этнических групп.

Более четверти башкир, по данным опроса 2019 года, смотрят телепередачи и слушают радио на башкирском и русском языках. При этом татары (33,5 %), больше чем башкиры (21,8 %), при просмотре телевизионных передач отдают предпочтение передачам только на русском языке (диагр. 3).

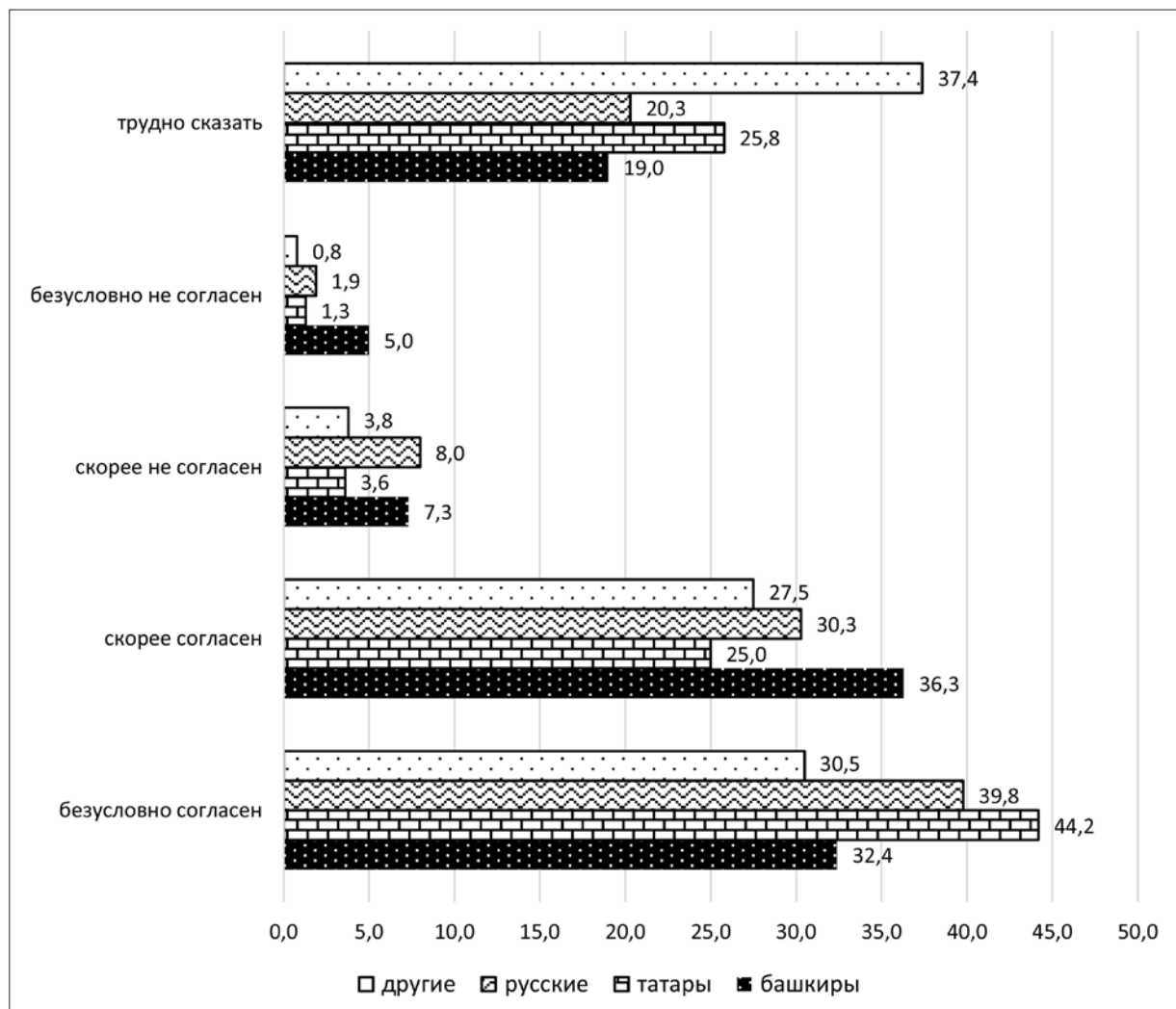

Диаграмма 1 — О материальной выгоде свободного владения русским языком (в %) [8]

Сами башкиры больше смотрят передачи на трех языках — башкирском, татарском и русском (32,4%). Значительная часть татар одновременно отдают предпочтение передачам только на родном татарском языке (30,4%). А вот радиопередачи на татарском языке (кроме музыкально-развлекательных) в республике не ведутся. Видимо поэтому доля татар, слушающих радиопередачи на татарском языке, весьма низкая (2,7%) [8].

Одним из показателей языковых предпочтений выступает чтение газет, журналов и художественной литературы. Газеты и журналы в основном читаются в качестве новостного материала, а художественная литература — для удовлетворения культурно-духовных запросов, что в свою очередь выступает наиболее весомым показателем этноязыковой идентичности и национально-культурных потребностей.

В этом смысле абсолютное большинство самих русских (83,0%) и респондентов «иных» национальностей (78,6%), а также половина татар и почти одна треть башкир отметили, что они читают литературу только на русском языке (диагр. 4).

Вместе с тем, в последние годы чтение населением газет, журналов и художественной литературы существенно сократилось. На это, в значительной степени, видимо, повлияло то, что население больше стало пользоваться приложениями в мобильных телефонах, которые позволяют смотреть не только новостные материалы, но и любые фильмы. В ходе опроса, от каждого десятого до каждого пятого респондента отметили, что они не слушают радио и не читают художественную литературу.

Поэтому не удивительно, что за последние 10 лет общий тираж выписываемых населением

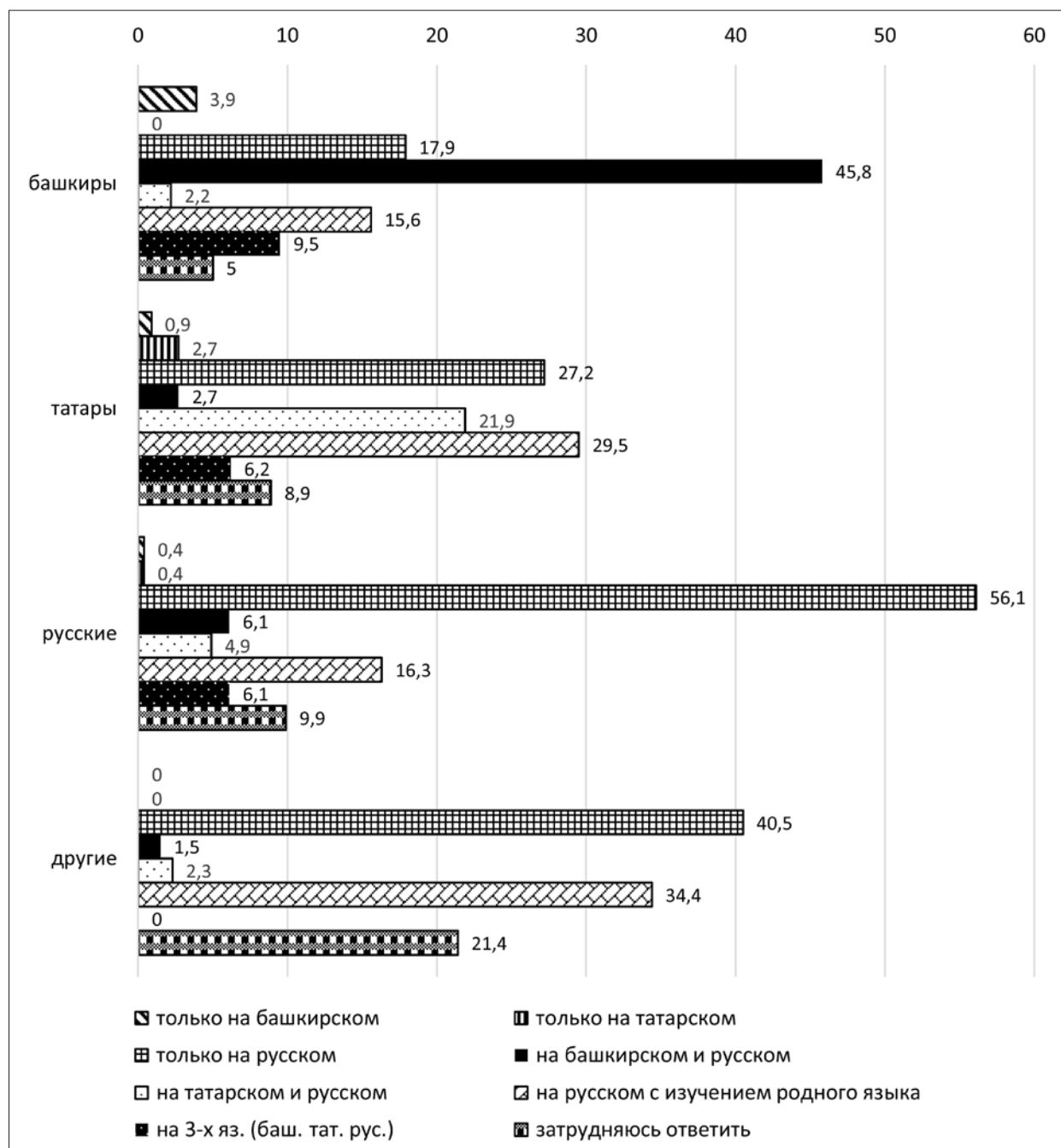

Диаграмма 2 — На каком языке хотели бы Вы обучать своих детей в школе (сейчас или в будущем)? (в %) [8]

подписных изданий в республике существенно сократился. Например, чуваша, проживающие в Башкортостане, наряду с республиканской газетой «Урал сасси» активно выписывали периодические издания на чувашском языке, издаваемые в Республике Чувашия. В 2010 году общий разовый тираж подписных изданий из Чувашии составлял 470 экз., а спустя пять лет количество подписки сократилось почти в 6 раз и составляло около 80 экземпляров [5, с. 150]. Несмотря на ежегодное сокращение

разового тиража газеты «Урал сасси», ее тираж в 2015 году составил 1758 экз. [6, с. 112]. Аналогичная тенденция прослеживается и по изданиям на удмуртском и марийском языках, которые выпускаются в одноименных республиках.

Так, например, количество периодических изданий, выписываемых удмуртским населением республики из Удмуртии в середине 1990-х гг. составляло около 1500 экз., а уже к началу 2000-х гг. в 3 раза меньше — менее 500 экз. [7, с. 234].

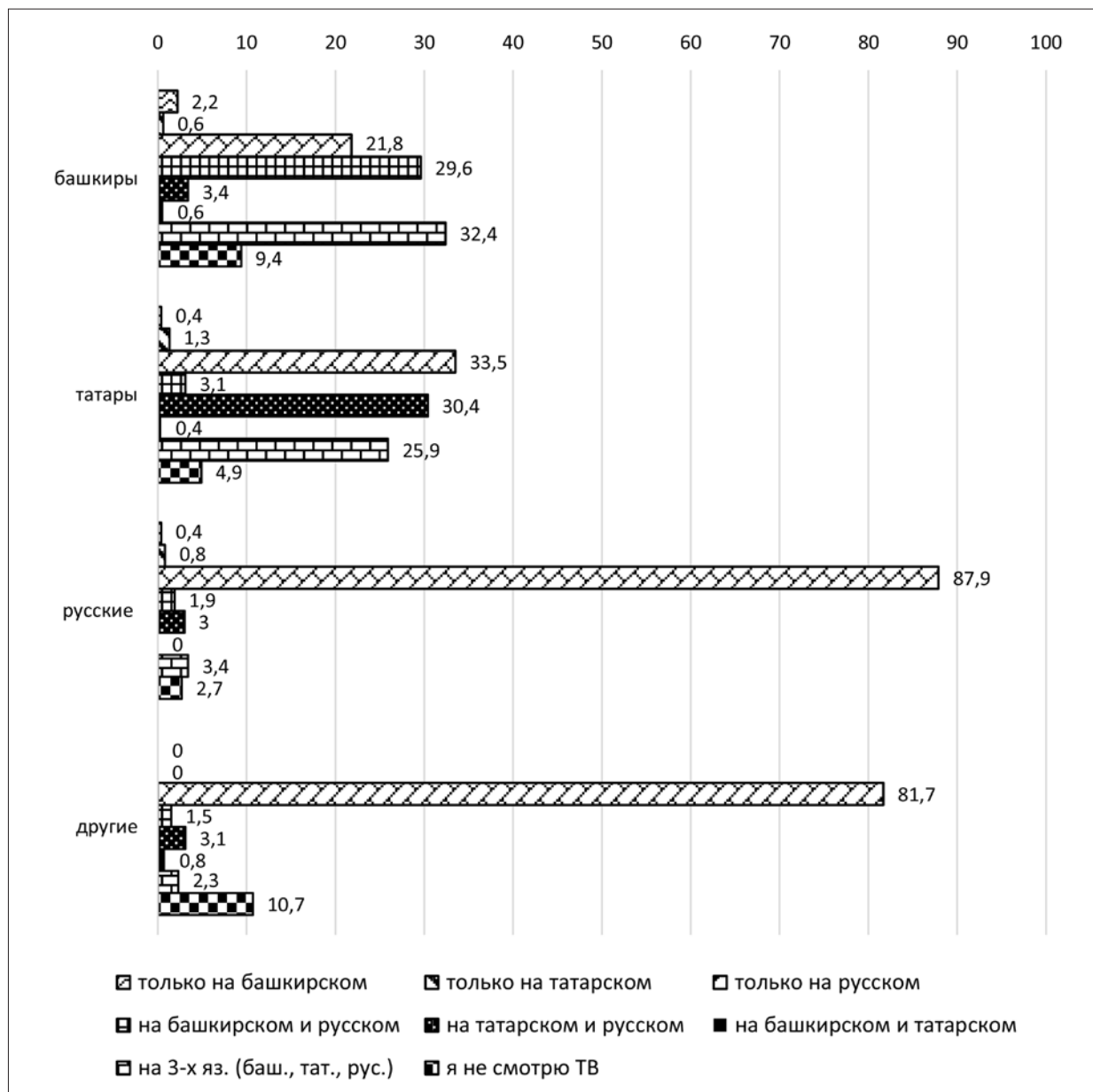

Диаграмма 3 — На каком языке Вы смотрите ТВ? (в %) [8]

Общий тираж выписываемых периодических изданий из Марий Эл в середине 1990-х гг. составлял около 6 тыс. экз., а в начале 2000-х гг. снизился в 3 раза и составил около 2 тыс. экз. Особым спросом у читателей пользовались газета «Ончыко» («Вперед») и молодежная газета «Кугарня» («Пятница»). Разовый тираж последней в середине 1990-х гг. составлял почти 3 тыс. экз., а в 2010 году всего лишь около 500, т.е. произошло сокращение тиража в 6 раз [3, с. 58]. В целом в 2010 году общий тираж периодических изданий из Республики Марий Эл составил 1050 экз. [1, с. 60].

Если разовый тираж республиканской газеты «Чолман» на марийском языке в 1999 году составлял 5062 экз. [1, с. 57], то в 2015 году наметилось более чем двукратное сокращение при общем тираже 2171 экз. [4].

Существенно сократилась подписка на республиканские и районные издания, выходящие на башкирском и татарском языках.

Максимальные тиражи среди республиканских газет в 2015 году были отмечены у молодежного издания на татарском языке «Омет» («Надежда») (около 20 тыс. экз.) и молодежной газеты на башкирском языке «Йашлек» («Молодость») (около 10 тыс. экз.).

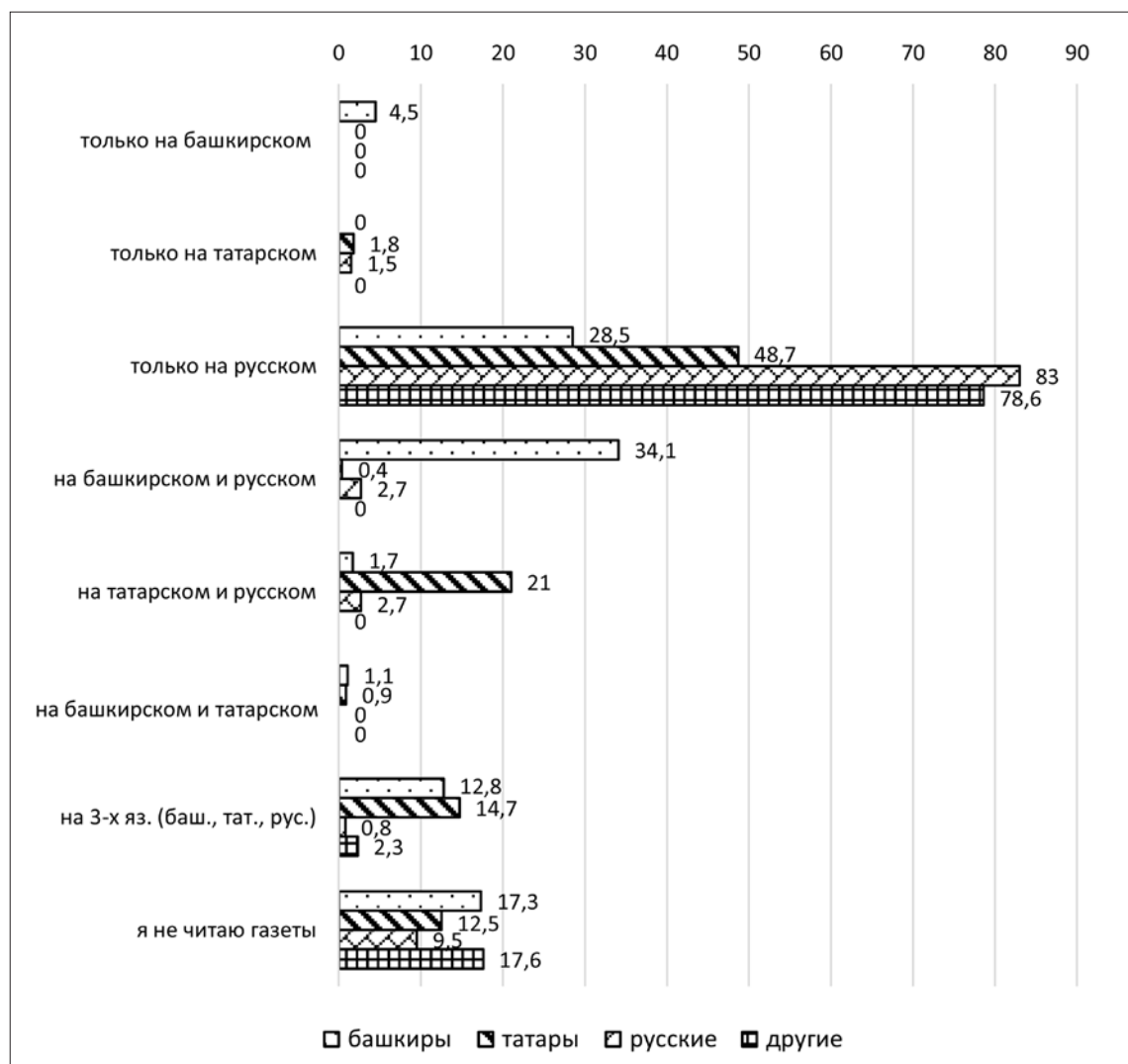

Диаграмма 4 — На каком языке Вы читаете художественную литературу? (в %) [8]

Тираж официальной республиканской газеты «Республика Башкортостан», выходящей на русском языке, в 2015 году был отмечен на уровне 13 743 экз. [4].

Таким образом, анализ языковых ориентаций населения в Республике Башкортостан показывает, что, несмотря на продолжающийся рост коммуникативных функций русского языка, имеет место тенденция сохранения и приумножения своих национальных языков у нерусских народов. Значительная часть не-

русских народов ориентированы на дальнейшее развитие национальных языков и считают приоритетным, чтобы дети в школах обучались наряду с русским и на родном языке. Изучение родного языка способствует формированию не только этноязыковой идентичности, но и менталитета в целом. Представляется, что при разработке государственных программ органы исполнительной власти будут учитывать этноязыковые запросы народов, проживающих в республике.

Список источников

- [1] Алексеев С. С. Национальные масс-медиа как маркеры этноязыковой идентичности финно-угорских народов Башкортостана / С. С. Алексеев, Ф. Г. Сафин, А. И. Халиulina // Финно-угорский мир. — 2018. — Том 10. — № 4. — С. 55–65.
- [2] Ахметьянова Н. А. Роль печатных изданий в этнической идентификации этносов Республики Башкортостан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 12 (90). — Ч. 3. — С. 432–436.

[3] Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года : Статистический сборник : в 2 ч. — Ч. II. — Уфа : Башкортостанстат, 2013. — 189 с.

[4] Отчет за 2015 год // Текущий архив Управления Федеральной почтовой связи Республики Башкортостан — филиал ФГУП «Почта России».

[5] Сафин Ф. Г. Национальный медиаландшафт как фактор сохранения этнической идентичности (на примере чувашезычных масс-медиа в Башкортостане) / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиулина // Вестник Чувашского университета. — 2020. — № 4. — С. 147–158.

[6] Сафин Ф. Г. Чувашаи Башкортостана : этносоциологические очерки / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиулина. — Уфа : Диалог, 2020. — 126 с.

[7] Халиулина А. И. Этничность и язык в современном мире: региональный аспект (на примере Республики Башкортостан. 1979–2010 гг.). — Уфа : Диалог, 2017. — 280 с.

[8] Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия» (апрель 2019 г.).

References

[1] Alekseenko S. S. Nacional`ny`e mass-media kak markery` e`tnoyazy`kovoij identichnosti finno-ugorskix narodov Bashkortostana / S. S. Alekseenko, F. G. Safin, A. I. Xaliulina [National Mass Media as Markers of Ethno-Linguistic Identity of the Finno-Ugric peoples of Bashkortostan / S. S. Alekseenko, F. G. Safin, A. I. Khaliulina] // Finno-ugorskij mir [Finno-Ugric World]. — 2018. — Vo. 10. — No. 4. — Pp. 55–65.

[2] Akhmetyanova N. A. Rol` pechatny`x izdanij v e`tnicheskoi identifikacii e`tnosov Respubliki Bashkortostan [The Role of Printed Publications in Ethnic Identification of Ethnic Groups in the Republic of Bashkortostan] // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki [Philological Sciences. Theory and Practice Issues]. — Tambov : Diploma, 2018. — No. 12 (90). — Part 3. — Pp. 432–436.

[3] Nacional`ny`j sostav i vladenie yazy`kami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda : Statisticheskij sbornik : v 2 ch. — Ch. II [National Composition and Language Skills, Citizenship of the Population of the Republic of Bashkortostan according to the 2010 All-Russian Population Census : Statistical collection : in 2 p. — Part II]. — Ufa : Bashkortostanstat, 2013. — 189 p.

[4] Otchet za 2015 god [Report for 2015] // Tekushhij arxiv Upravleniya Federal`noj pochtovoj svyazi Respubliki Bashkortostan — filial FGUP "Pochta Rossii" [Current archive of the Office of the Federal Postal Service of the Republic of Bashkortostan — branch of Russian Post].

[5] Safin F. G. Nacional`ny`j medialandshaft kak faktor soxraneniya e`tnicheskoi identichnosti (na primere chuvashyazy`chny`x mass-media v Bashkortostane) / F. G. Safin, E. A. Muxtasarova, A. I. Xaliulina [National Media Landscape as a Factor of Preserving Ethnic Identity (on the Example of Chuvash-Speaking Mass Media in Bashkortostan) / F. G. Safin, E. A. Mukhtasarova, A. I. Khaliulina] // Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. — 2020. — No. 4. — Pp. 147–158.

[6] Safin F. G. Chuvashi Bashkortostana : e`tnosociologicheskie ocherki / F. G. Safin, E. A. Muxtasarova, A. I. Xaliulina [Chuvash of Bashkortostan: ethnosociological essays / F. G. Safin, E. A. Mukhtasarova, A. I. Khaliulina]. — Ufa : Dialogue, 2020. — 126 p.

[7] Khaliulina A. I. E`tnichnost` i yazy`k v sovremennom mire: regional`ny`j aspekt (na primere Respubliki Bashkortostan. 1979–2010 gg.) [Ethnicity and Language in the Modern World: Regional Aspect (on the Example of the Republic of Bashkortostan. 1979–2010)]. — Ufa : Dialogue, 2017. — 280 p.

[8] E`tnosociologicheskij opros po issledovatel`skomu proektu "Sovremennyye e`tnokul`turnyye processy` v Bashkortostane: e`tnichnost`, yazy`k, religiya" (aprel` 2019 g.) [Ethnosociological survey on the research project "Modern Ethnocultural Processes in Bashkortostan: Ethnicity, Language, Religion" (April 2019)].

Информация об авторах

А. И. Халиулина — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии;
Э. Ф. Идрисова — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Information about authors

A. I. Khaliulina — Candidate of Science (Historical), Senior Researcher at the Department of Ethnopolitology;
E. F. Idrisova — Candidate of Science (Philology), Senior Lecturer at the Department of English and intercultural communication.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Научный журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки); 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки); 23.00.03 — Политическая культура и идеологии (политические науки).

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 10 марта, до 10 июня, до 10 сентября, до 10 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

Порядок направления статей размещен на сайте журнала www.vestnik-bist.ru.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или

*.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

Библиографический список должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

8. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

9. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках**:

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала с указанием предмета и объекта исследования; целей и задач исследования; кратких выводов.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).
- Список используемой литературы.

10. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

11. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

12. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

13. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

14. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2021. № 4 (53)

Компьютерная верстка *А. Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Сдано в набор 20.12.2021. Подписано в печать 29.12.2021.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 18,13. Уч.-изд. л. 19,74.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 56

Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Адрес редакции и издателя:
Проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел. +7 (347) 216-41-62
e-mail: vestnikbist@mail.ru
www.vestnik-bist.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
Проспект Октября, д. 27, корп. 2, оф. 61, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
www.proprint02.ru